

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Гомельский государственный
технический университет имени П. О. Сухого»
Институт социологии НАН Беларуси
Гомельская областная организация общества «Знание»

*75-летию освобождения Республики Беларусь
от немецко-фашистских захватчиков
посвящается*

Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы

**Материалы XI Международной
научной конференции
Гомель, 23–24 мая 2019 года**

**Гомель
ГГТУ им. П. О. Сухого
2019**

УДК 316.334.52(042.3)
ББК 60.05
М50

Редакционная коллегия:

д-р социол. наук, проф. *В. В. Кириенко* (главный редактор)
канд. экон. наук, доц. *Н. В. Пархоменко*
канд. юрид. наук, доц. *С. П. Кацубо*
канд. экон. наук, доц. *О. В. Лапицкая*
канд. экон. наук, доц. *И. В. Ермонина*
канд. экон. наук, доц. *Е. А. Кожевников*
д-р ист. наук, проф. *С. А. Елизаров*
канд. филос. наук, доц. *В. К. Борецкая*
канд. филос. наук, доц. *А. Ю. Савенко*
канд. геогр. наук, доц. *Е. Н. Карчевская*

Рецензенты:

проф. каф. философии учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины» д-р филос. наук, проф. *В. Н. Калмыков*;
проф. каф. коммерции и логистики учреждения образования «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации» д-р экон. наук, проф. *А. И. Капитык*

Под общей редакцией д-ра социол. наук, проф. *В. В. Кириенко*

Подготовка и проведение конференции осуществлены на базе учреждения образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого»

Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы : материалы XI Междунар. науч. конф., Гомель, 23–24 мая 2019 г. / М-во образования Респ. Беларусь [и др.] ; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2019. – 171 с.
ISBN 978-985-535-414-8.

Приведены основные результаты исследований философов, социологов, экономистов, историков, культурологов, правоведов и политологов по истории и теории славянского менталитета, его интегрирующей роли в объединении славянских государств.

Для научных работников и преподавателей высших учебных заведений, политиков и журналистов, для аспирантов и студентов, изучающих социально-гуманитарные дисциплины.

УДК 316.334.52(042.3)
ББК 60.05

ISBN 978-985-535-414-8

© Оформление. Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Кириенко В. В., Клейман В. В.</i> Студенчество российско-украинско-белорусского приграничья в процессах трудовой миграции: намерения и реальность.....	9
<i>Михайлов М. И., Ланко О. А.</i> Машиностроение как фактор интеграционных процессов славянских государств.....	14
<i>Охрименко И. В.</i> Затраты и себестоимость в государственном регулировании аграрной экономики.....	17
<i>Абрамов Р. А.</i> Деловая культура как фактор развития молодежного предпринимательства в инновационной сфере в Союзном государстве.....	20

СЕКЦИЯ I

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
ОСНОВЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ГОСУДАРСТВ ЕВРАЗИЙСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА, РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

<i>Кожевников Е. А.</i> Проблемы интеграционного взаимодействия для организаций нефтегазодобывающей отрасли Беларуси.....	25
<i>Гареленко А. А.</i> Влияние исторического прошлого славянских народов на удовлетворенность работой управленческого персонала.....	27
<i>Лапицкая О. В., Шах А. В.</i> Роль информационных технологий в международном маркетинге.....	30
<i>Громыко Р. И.</i> Эффективность интеграционных процессов в рамках ЕАЭС.....	33
<i>Курило Н. А.</i> Ценностные предпосылки образования Евразийского союза.....	36
<i>Пушкевич С. А.</i> Состояние и основные тенденции миграционного обмена между странами, входящими в состав СНГ и Евразийского экономического союза.....	38
<i>Кавецкий С. Т., Скакун Е. В.</i> Некоторые особенности социологической диагностики аномии в период постсоветской трансформации.....	42
<i>Бобрык К. А.</i> Белорусский язык как вспомогательный в функционировании органов местного самоуправления в Польше.....	44
<i>Шарый И. Н.</i> Государственная политика в области воспроизводства научных кадров в России: особенности реализации и перспективы.....	48
<i>Артюхин М. И.</i> Проблемы развития и регулирования внешней трудовой миграции в рамках Союзного государства.....	50
<i>Демичев Д. М.</i> К вопросу минимизации последствий Чернобыльской катастрофы в рамках Союзного государства Беларуси и России.....	53
<i>Абдусаттарова Р. Ш.</i> Прогрессирование государственно-частного партнерства в Таджикистане.....	56
<i>Кравцов О. Ю.</i> Прогнозирование будущих состояний интеграционных процессов через категорию «образ будущего».....	59
<i>Pliszka V., Czakon-Tralski D., Борецкая В. К.</i> Толерантность как социально значимая ценность в контексте феномена религиозности польской и белорусской студенческой молодежи.....	61
<i>Бобрык А. В.</i> Белорусское меньшинство в Литовской республике в аспекте общественно-демографических перемен.....	65
<i>Каламан О. Б.</i> Стратегическое инновационное развитие предприятий.....	68
<i>Кузьменко О. А., Барановский С. И.</i> Методологические принципы, особенности и факторы устойчивого развития региона.....	71
<i>Деревянко С. В.</i> Перспективы сотрудничества регионов России и Беларуси в сфере цифровой экономики.....	74

СЕКЦИЯ II

ОБРАЗОВАНИЕ, ТУРИЗМ, СЕМЬЯ И БРАК В СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

<i>Карчевская Е. Н.</i> Вирусный маркетинг как эффективное средство активизации туристско-рекреационной деятельности.....	81
<i>Грошева Л. И.</i> Особенности восприятия туристической отрасли россиянами и белорусами в рамках Союзного государства.....	83
<i>Карчевская Е. Н., Богдановская О. А.</i> Анализ развития транзитного туризма в Республике Беларусь.....	86
<i>Клименко В. А.</i> Сотрудничество в области фундаментальной науки и развитие научных коммуникаций на пространстве СНГ.....	89
<i>Бондарева А. М.</i> Трансформационные издержки университетов Беларуси: понятие, классификация, факторы.....	92
<i>Вальченко С. А.</i> Этапы семейного воспитания в белорусской народной педагогике.....	94
<i>Охрименко Т. В.</i> Языковое восприятие денег в славянской культуре.....	97
<i>Баталко Т. И.</i> Новые тенденции семейной идеологии и психологии на современном этапе.....	100
<i>Міхайлава А. Л.</i> Сутнасна-зместавыя характарыстыкі паняцця «этнакультура» ў кантэксце сфарміраванага менталітэту беларусаў.....	103
<i>Ермалинская Н. В., Фильчук Т. Г., Бузов К. В.</i> Цифровая трансформация системы высшего образования Республики Беларусь: социально-психологический аспект.....	105

СЕКЦИЯ III

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ СЛАВЯН, ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ В ПРАВОВЫХ ОСНОВАХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

<i>Седелник В. В.</i> Особенности развития правовой системы Республики Беларусь на рубеже XX–XXI столетий.....	111
<i>Гладышев В. В.</i> Отдельные проблемы совершенствования уголовно-правовой защиты интеллектуальной собственности в Беларуси и России.....	112
<i>Кацубо С. П.</i> О создании правовых условий развития предпринимательства в сельской местности: сравнительно-правовой анализ законодательства Беларуси, России, Украины.....	114
<i>Пристуна Н. Н.</i> Кризис 2007–2008 годов и его влияние на экономику Чешской Республики.....	117
<i>Самосюк Н. В.</i> Организация Дней русской культуры в Бресте как способ объединения русской общественности в межвоенный период.....	119
<i>Лубинский И. И.</i> Становление дачного движения в БССР в 1950-е годы как нового славянского феномена.....	122
<i>Юрис С. А.</i> Формы подготовки кадров для потребительской кооперации БССР в 1944–1950-е годы.....	124
<i>Злотников А. А., Злотников А. Г.</i> Репродуктивное поведение в трансформации менталитета демографического потенциала.....	127
<i>Елизаров С. А.</i> Избирательные кампании БССР в 1920–1930-е годы и формирование советских поведенческих стереотипов.....	131
<i>Юдин В. В.</i> Взятничество в структуре преступности в губерниях Северо-Западного края на рубеже веков.....	134
<i>Гридина Е. И., Кацубо С. П.</i> О правовых аспектах информационной безопасности в сети Интернет: общие проблемы и задачи.....	136
<i>Гавриков А. В.</i> Политические партии Беларуси и их ориентация на общественно-политические изменения в Украине в 2013–2016 годах.....	140

СЕКЦИЯ IV
ДУХОВНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ТРАДИЦИИ,
СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

<i>Бубнов Ю. М.</i> Рудименты этнофобии в массовом сознании жителей Беларуси	145
<i>Шкурова Е. В.</i> Ритуальные практики и ограничения в питании как формы вовлеченности населения Беларуси в религию	148
<i>Юрис Т. А.</i> Реалии отечественного рынка культурных услуг	151
<i>Сенюшкина Т. А., Мохов А. В., Доржеев А. М.</i> Цивилизационная идентичность как фактор политического диалога славянских государств	154
<i>Грошева И. А., Грошев И. Л.</i> Славянская ментальность: трансформации в молодежной среде	157
<i>Савенко А. Ю.</i> Проблема сохранения традиционных нравственных ценностей в контексте исторической эволюции нравственности	159
<i>Яхно В. Н.</i> Дуалистические образы как особенность славянской ментальности	161
<i>Звездкин Н. М.</i> Гражданская социализация белорусской молодежи: опыт прошлых лет и современность	164
<i>Адзіночанка В. А.</i> Беларуская рэлігійная ідэнтычнасць: пастаноўка пытання М. Багдановічам	167
<i>Приходько С. А.</i> Празднование Дня единения народов в приграничных областях Беларуси и России	169

**П Л Е Н А Р Н Ы Е
Д О К Л А Д Ы**

СТУДЕНЧЕСТВО РОССИЙСКО-УКРАИНСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ В ПРОЦЕССАХ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ: НАМЕРЕНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

В. В. Кириенко, В. В. Клейман

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Беларусь

Прогрессивное развитие интеграционных процессов предполагает, с одной стороны, наличие условий для взаимного обмена товарами, ресурсами, рабочей силой, интегрированной образовательными программами, а с другой – готовность и желание конкретных субъектов непосредственно принимать участие в интеграционных процессах.

Цель исследования – определение намерений студенческой молодежи приграничных регионов Беларуси, России и Украины в области трудовой миграции, экономических и социокультурных факторов, влияющих на выбор страны или региона для работы за рубежом.

Для достижения цели исследования социологической лабораторией Гомельского государственного технического университета имени П. О. Сухого из студенческой молодежи дневных отделений вузов в 2018 г. были сформированы подвыборки в приграничных областях: Гомельской (558 человек), Черниговской (523 человека), Смоленской (498 человек). Региональные подвыборки являются репрезентативными по основным параметрам генеральной совокупности: курсу обучения, профилю получаемого образования, полу респондентов.

Для выявления причин поиска студенческой молодежью работы за рубежом респондентам был предложен вопрос о влиянии различных факторов на выбор страны для постоянной или временной работы.

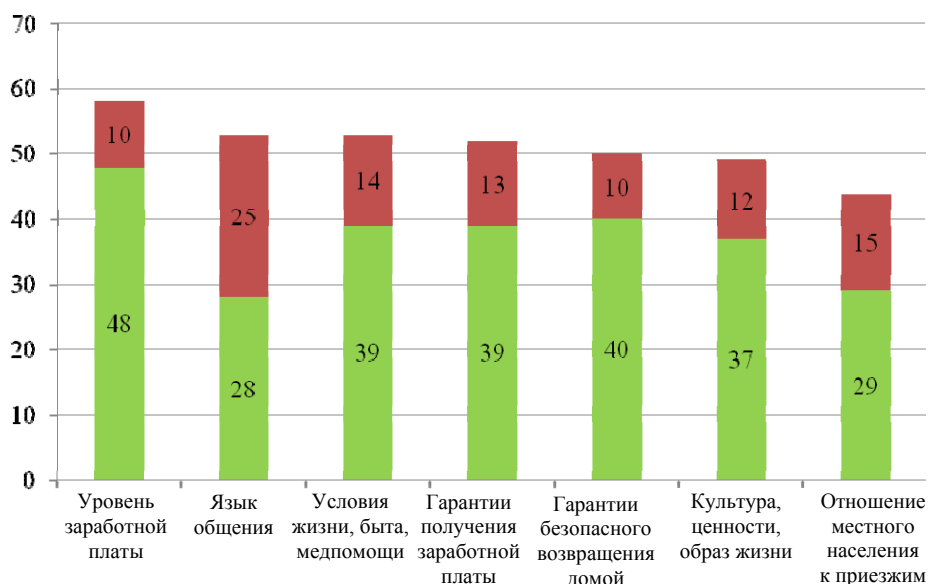

Рис. 1. Рейтинг значимости факторов, обуславливающих выбор страны белорусскими студентами для постоянной либо временной работы

Условиями анкетирования было определено, что респонденты должны были оценить ряд факторов, положительно, нейтрально или отрицательно влияющих на их желание искать работу в указанной стране или регионе. Рейтинг значимости влияющего

фактора выбора респондентами страны или региона для приложения трудовых усилий был определен как сумма модулей положительных и отрицательных оценок каждого фактора.

Результаты анкетного опроса студентов, представленные на рис. 1, позволяют сделать вывод о том, что в представлении опрошенных белорусских студентов доминирующим фактором для поездки за границу оказался вполне прогнозируемый рационально-прагматический мотив – уровень заработной платы. В данном случае респонденты подтвердили известную истину, гласящую, что понятия «работа» и «зарплата» не только однокоренные, но и взаимообуславливающие друг друга категории – не может быть заработной платы без качественной работы, точно так же как и качественная работа должна заканчиваться адекватной оплатой. Вполне обоснованно в тесной корреляции с уровнем заработной платы находятся факторы гарантии ее получения и безопасного возвращения домой.

Чуть менее важными, но также значимыми для выбора молодыми белорусами страны временного трудоустройства оказались язык общения, а также условия жизни, быта, возможность получения медицинской помощи. Факторы совпадения образа жизни, культуры, отношения к приезжим и другие социокультурные условия выбора страны для временной работы за рубежом толерантные, работающие белорусы, опять-таки вполне ожидаемо, отнесли в третью по значимости группу.

Таким образом, подведя итоги этой части исследования, правомерно заключить, что белорусские студенты выстроили **трудовую, зарплатоориентированную** модель временного трудоустройства за рубежом. Устойчивость данной модели трудовой миграции белорусской студенческой молодежи подтверждает распределение респондентов по их желанию посетить различные страны с целью временного трудоустройства (рис. 2 и 3).

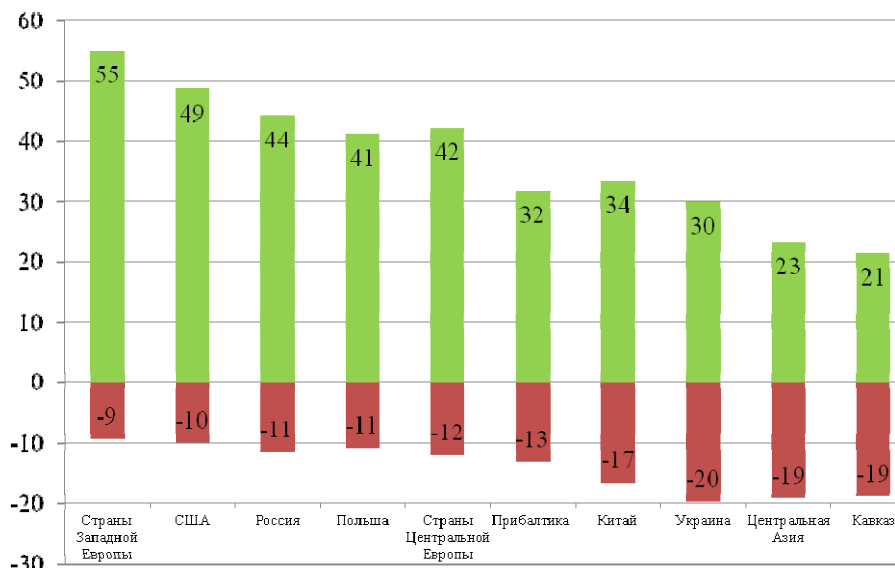

Рис. 2. Рейтинговый ряд стран, выбранных белорусской студенческой молодежью в качестве наиболее привлекательных для трудовой миграции (как соотношение значений положительно (+) и отрицательно (-) влияющих факторов)

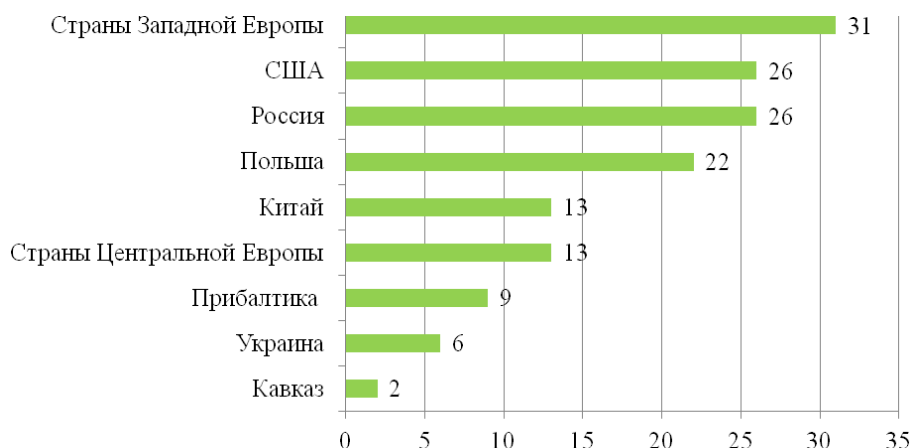

Рис. 3. Рейтинг стран дальнего и ближнего зарубежья для временного трудоустройства у белорусских респондентов, процент выбравших

Итак, представленная на рис. 3 тройка лидеров, потенциальных работодателей наиболее приемлемых для временной работы за границей, в представлении белорусских студентов выглядит следующим образом: страны Западной Европы, США, Россия. Вторую группу по привлекательности потенциальных стран-работодателей образовали Польша, Китай и страны Центральной Европы. Следует особо подчеркнуть, что в случае преодоления языковой проблемы привлекательность Китая как страны-работодателя может вырасти. К группе наименее приемлемых для трудовой миграции белорусские респонденты отнесли страны Прибалтики, Украину и кавказские государства.

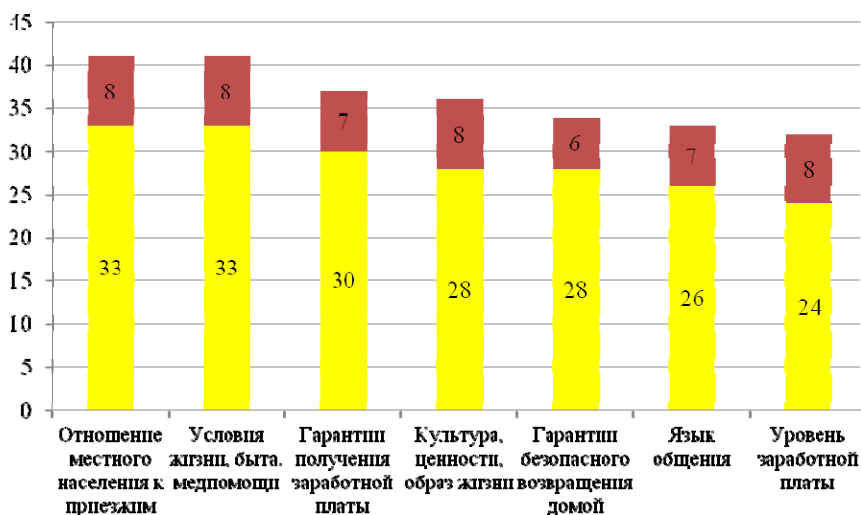

Рис. 4. Рейтинг значимости факторов, обуславливающих выбор страны украинской студенческой молодежью для постоянной либо временной работы

Украинские студенты доминирующими факторами выбора страны для поездки за границу определили отношение местного населения к приезжим и в такой же степени – условия жизни, быта и медицинской помощи (рис. 4). Значимыми факторами в выборе украинских студентов оказались гарантии получения заработной платы, а также социокультурные факторы – толерантность местного населения и язык общения. Размер заработной платы как фактор выбора страны для трудовой миграции украинские студенты определили на последнее место. Таким образом, правомерно предположить,

что украинские студенты, которые уже «де-факто» ощущают себя членами Евросоюза, имеют возможность, а зачастую и практический опыт совмещения обучения с работой в Польше, западноевропейских странах, сформировали **комфортноориентированную** идеальную модель трудовой миграции.

Для украинских респондентов положительный интегрированный показатель стран-работодателей для трудовой миграции зафиксирован в следующей последовательности: США, Беларусь, страны Западной Европы, Польша (рис. 5).

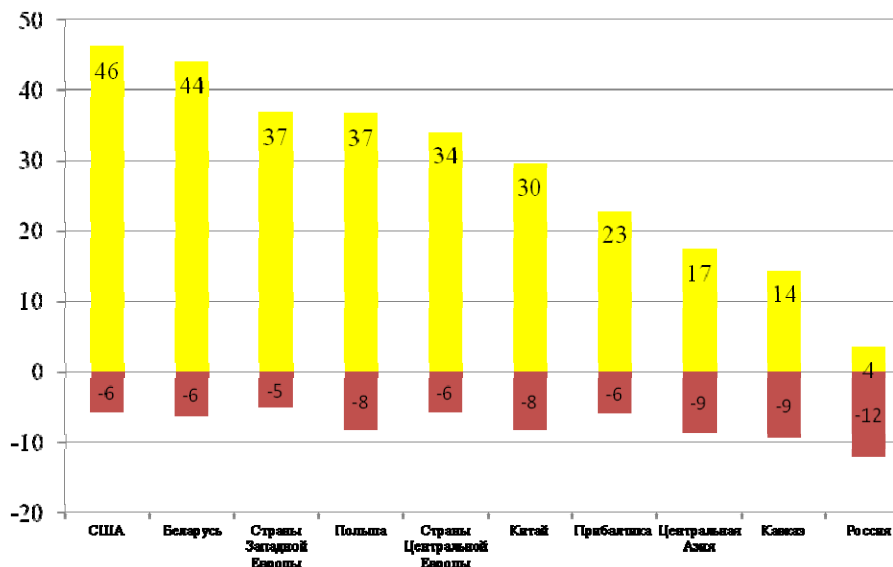

Рис. 5. Рейтинговый ряд стран, выбранных украинской студенческой молодежью в качестве наиболее привлекательных для трудовой миграции

В то же время, несмотря на высокое суммарное значение положительно влияющих факторов трудовой миграции, Беларусь в качестве страны для временного трудоустройства выбрали лишь 16 % украинских респондентов, а США – и того меньше (12 %) (рис. 6). На первое место по желанию найти временную работу в стране с более высоким уровнем заработной платы украинские респонденты определили Польшу, на второй позиции расположились страны Западной Европы.

Рис. 6. Рейтинг стран дальнего и ближнего зарубежья для временного трудоустройства у украинских респондентов, процент выбравших

Таким образом, выстроенная украинскими студентами комфортаориентированная модель трудовой миграции не совпадает с реалиями: желанием трудоустроиться в стране с подходящими социокультурными условиями, но неприемлемыми соотношениями доходов и расходов. Ведь реальная практика студенческих заработков показывает, что для того чтобы в Соединенных Штатах Америки окупиться билеты в обе стороны, необходимо отработать не менее трех месяцев.

Рис. 7. Рейтинг факторов, обуславливающих выбор Беларуси украинскими студентами для постоянной либо временной работы

Таким образом, несмотря на вполне благоприятные социокультурные условия, желание украинских студентов искать работу в Беларуси ограничивает уровень заработной платы (рис. 7). При повышении величины оплаты труда поток трудовой миграции в Беларусь из соседней Украины может существенно увеличиться.

Российские студенты как потенциальный регион для трудоустройства в первую очередь рассматривают страны Западной Европы, США и Китай. Вторую по привлекательности группу стран составили страны Центральной Европы, Беларусь, Польша и Прибалтика. К неблагоприятным для трудовой миграции странам российские респонденты отнесли государства Кавказа, Центральной Азии и Украину (рис. 8).

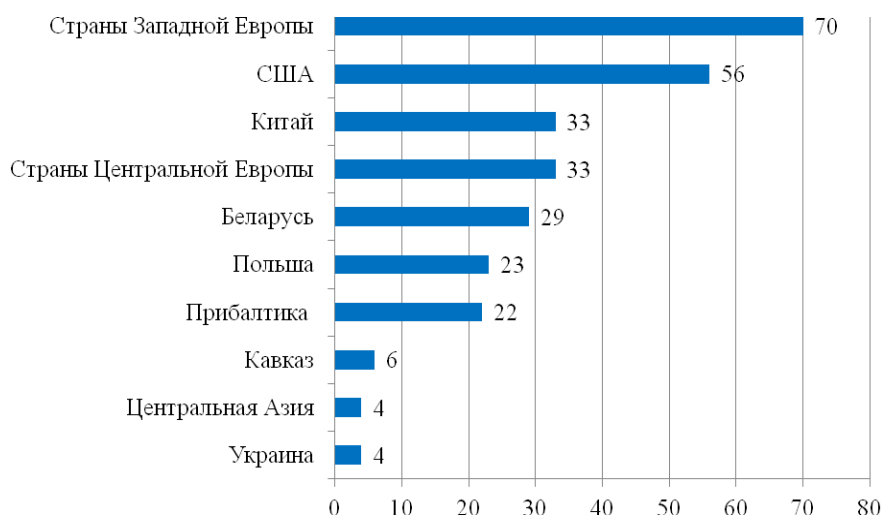

Рис. 8. Рейтинг стран дальнего и ближнего зарубежья для временного трудоустройства у российских респондентов, процент выбравших

Для полноценной оценки готовности студенческой молодежи восточнославянских государств к трудовой миграции была проведена оценка уже существующего у них опыта работы за границей. Результаты опроса показали, что подавляющее большинство студентов опыта работы за границей не имеют. Удельный вес студентов, уже реально работавших за границей, находится в пределах статистической погрешности (от 1 до 5 %). Подтвержденное практикой мнение столь небольшой группы студентов не способно существенно повлиять на формирование общей картины миграционных намерений.

Таким образом, данные социологического исследования потенциальных намерений и реальной практики миграционных трудовых процессов белорусских, украинских и российских студентов свидетельствуют о выраженной готовности, а следовательно, и благоприятных перспективах социокультурной интеграции молодых представителей славянского суперэтноса как друг с другом, так и с представителями центрально- и западноевропейских государств. В сложившейся геополитической ситуации необходимость полноценной интеграции Беларуси в мировое сообщество требует актуализации у белорусов рационально-деятельных ментальных характеристик. Белорусам необходимо вырабатывать привычку самим более активно искать пути решения собственных материальных проблем, принимать более активное участие в планировании личностного роста и прогрессивного развития страны.

МАШИНОСТРОЕНИЕ КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ СЛАВЯНСКИХ ГОСУДАРСТВ

М. И. Михайлов, О. А. Лапко

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Беларусь

Машиностроение является одним из основных факторов, определяющих развитие мировой экономической системы. Его технологический уровень диктует ценовые и качественные параметры продукции предприятий промышленности и смежных отраслей, обеспечивает их конкурентоспособность. Отрасль является ключевой для разработки, производства и распространения передовых машин, оборудования и производственных процессов в других сферах экономики.

Белорусское машиностроение не утратило сложившейся специализации и развитого потенциала, что позволяет ему в целом успешно конкурировать на традиционных рынках.

Развитие международной производственной интеграции стало одним из важнейших факторов количественного и качественного роста производства в белорусском машиностроении. Интеграционные связи машиностроения Республики Беларусь более всего развиты в форме совместного производства. Сюда же включается разработка технических условий на указанные компоненты, распределение их производства между партнерами с установлением объема и специфики производства.

Приоритетные направления многовекторной внешнеполитической деятельности Республики Беларусь – это укрепление дружбы и сотрудничества с Российской Федерацией и Украиной. Россия, Беларусь и Украина являются наиболее близкими друг к другу государствами на постсоветском пространстве. Считается, что истоки народов – в Киевской Руси. Белорусские, украинские и российские земли входили в состав СССР. Наши народы объединяют единые ценности, в том числе национальные, религиозные и бытовые. Сохранение общности особенно заметно по сетевому пространству – Интернет-форумам, социальным сетям и т. п.

Приоритетное внимание уделяется промышленной интеграции, в результате которой в российских регионах создаются совместные сборочные производства. Предприятия Республики Беларусь налаживают работу дилерских центров по продаже и сервисному обслуживанию техники в регионах России. Ведется обмен разработками и технологиями производства сельскохозяйственной продукции.

При сотрудничестве ученых и инженеров России и Беларуси реализована программа по разработке и созданию массового производства автомобильной техники в соответствии с международными стандартами ЕВРО-2, ЕВРО-3 и ЕВРО-4 с обеспечением высоких требований к экологии, надежности и экономичности. В рамках программы «Создание и организация серийного производства комплексов высокопроизводительных сельскохозяйственных машин на базе универсального энергетического средства» подготовлено производство сельскохозяйственных машин новых образцов с более высокой производительностью и единым универсальным энергетическим средством, получено 19 патентов с участием 34 российских и 16 белорусских организаций. При этом создано 58 сервис-центров в России и 18 – в Беларуси.

Информация о белорусских машиностроительных предприятиях, наиболее тесно кооперационно взаимосвязанных с российскими предприятиями, приведена в таблице [1], [2].

Данные о кооперационном взаимодействии крупнейших машиностроительных организаций Республики Беларусь и Российской Федерации

Белорусское машиностроительное предприятие	Основная продукция	Состав кооперационных работ
ГНПО «Белстанкоинструмент»	Металлообрабатывающие станки	Закупка узлов и деталей токарного станка, металла, опорно-уплотнительные элементы и др.
РУП «МТЗ»	Тракторы	Поставка тракторокомплектов, закупка импортного сырья: ферро-сплавы, металлолом, прокат металлов, подшипники и др.
ОАО «МАЗ»	Грузовые автомобили, седельные тягачи	Поставка машинокомплектов, закупка металлопроката, двигателей и др.
ОАО «Гомсельмаш»	Зерноуборочные комбайны	Поставка машинокомплектов, закупка металлопроката, труб, графита и др.
ОАО «Минский моторный завод»	Дизельные двигатели	Поставка дизельных двигателей и запчастей, закупка топливной аппаратуры, блока цилиндров, пружин и др.
ОАО «Белорусский автомобильный завод»	Карьерные самосвалы	Закупка импортного сырья: двигатели, генераторы, каркасы

Большинство белорусских предприятий машиностроительного профиля, осуществляющих взаимные поставки комплектующих, взаимодействуют с машиностроительными организациями России по таким видам деятельности, как производство грузовых автомобилей, автобусов, станков, тракторов и сельхозтехники. Белорусские предприятия производят комплектующие для многих российских заводов.

Кроме этого машиностроение Беларуси активно развивает интеграцию с российскими предприятиями в форме создания совместных производств. В основном это предприятия по сборке в России белорусской сельскохозяйственной техники из постав-

ляемых комплектов. В России сборку белорусских зерноуборочных комбайнов осуществляли пять предприятий в сотрудничестве преимущественно с ОАО «Гомсельмаш». Крупнейшее сборочное предприятие – СП «Брянсксельмаш» – в лучшие годы выпускало четверть общего производства зерноуборочных комбайнов в России [3].

История Беларуси и Украины связана неразрывно. Промышленность этих государств долгое время была единым взаимозависимым организмом.

Только за 2017 г. в Украине на совместных сборочных производствах выпущено более 2000 тракторов, 90 комбайнов, 500 лифтов. В свою очередь Беларусь традиционно закупает в Украине металл, в широком ассортименте комплектующие для машиностроительного комплекса, а также сельскохозяйственное сырье и продукцию для развития животноводства и других отраслей сельского хозяйства и пищевой промышленности.

I Форум регионов Беларуси и Украины прошел 25–26 октября 2018 г. в Гомеле. Программа межрегионального форума включала в себя выставки продукции предприятий двух стран, заседание белорусско-украинского консультативного совета делового сотрудничества, проведение деловых переговоров между представителями украинских и белорусских компаний, отраслевых секций и заседаний экспертных рабочих групп, концерта Дружбы и других мероприятий.

Ключевыми тематическими направлениями форума стали промышленное производство, машиностроение и электротехника, сельское хозяйство, нефтехимия, энергетика, строительство, легкая промышленность, фармацевтика, деревообработка и производство мебели, ИТ и финансы. Как итог, уже в 2019 г. только в Ивано-Франковск отправится 30 белорусских троллейбусов. Украина считает перспективным создание совместных с Беларусью предприятий по производству сельскохозяйственной техники. Сотрудничество с машиностроительными предприятиями республики позволит осуществить необходимую модернизацию парка комбайнов, прицепных устройств, тракторов и другой техники.

Минские тракторы, могилевские лифты и гомельские комбайны – сегодня эта техника не просто закрепилась на украинском рынке. Эти машины собирают на семи совместных производствах в регионах.

В настоящее время действует восемь белорусско-украинских совместных сборочных производств, из них пять создано в Украине (два сборочных производства тракторов «МТЗ», совместные производства техники ОАО «Лидагропроммаш» и «Гомсельмаш», сборочные производства лифтов) и, соответственно, три работают в Беларуси (совместные сборочные производства пассажирских вагонов, доильного оборудования и совместный выпуск сварочных электродов). Это огромный потенциал для наращивания объемов взаимных поставок сырья и комплектации. Работа по созданию совместных производств в двух странах продолжается.

В заключение следует отметить: интеграция Республики Беларусь с Россией и Украиной в машиностроении носит взаимовыгодный характер: совместные проекты по созданию сборочных производств и системная работа по увеличению их локализации связывают производственные комплексы воедино. Интеграция инновационного и промышленного потенциала Российской Федерации и Республики Беларусь в различных сферах экономики позволит вывести взаимодействие на качественно новый уровень и будет способствовать социально-экономическому развитию сторон. Беларусь является стратегическим партнером России, поэтому необходимо сотрудничество расширять и укреплять во всех направлениях. Также очевидна значимость развития процессов интеграции и кооперации между Украиной и Беларусью в таких важных областях, как сельскохозяйственное машиностроение. Совместный настрой на позитивные перемены и долгосрочное планирование помогут странам реализовать богатый потенциал взаимоотношений и усилить межрегиональное взаимодействие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрунов, С. Д. Состояние производственной кооперации машиностроительных комплексов России и Беларуси / С. Д. Бодрунов, А. В. Червяков. – Ин-т нового индустр. развития им. С. Ю. Витте (ИНИР). Офиц. сайт. – М., 2014, 28 февр. – С. 24. – Режим доступа: <https://inir.ru/wp-content/uploads/2014/02/28>.
2. Российско-белорусские отношения в горизонте до 2020 года: итоги форсайт-сессии / под ред. А. Д. Саулина. – М. : Интеграция: Образование и Наука. – 2017. – 96 с.
3. Технологии и инновации в сотрудничестве регионов Союзного государства как импульс развития евразийской интеграции : информ. интеграц. проект / сост., интервьюирование : Б. Залесский, М. Вальковский, А. Грешников. – Минск : Бизнесофсет, 2017. – 274 с.

ЗАТРАТЫ И СЕБЕСТОИМОСТЬ В ГОСУДАРСТВЕННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ АГРАРНОЙ ЭКОНОМИКИ

И. В. Охрименко

Киевский кооперативный институт бизнеса и права, Украина

В течение последних лет рост производства валовой продукции сельского хозяйства в Украине поддерживался исключительно сельскохозяйственными предприятиями. Эти данные дают основание констатировать появление тенденции смены лидера среди аграрных укладов – от хозяйств населения лидирующая роль начинает переходить к сельскохозяйственным предприятиям, т. е. от мелкотоварного к крупнотоварному укладу. Подобная тенденция значительно актуализирует проблему повышения экономической эффективности сельскохозяйственных предприятий и повышает требования, прежде всего, к методологии и методике измерения затрат и результатов хозяйственной деятельности.

Следует подчеркнуть, что измерению затрат и результатов хозяйствования всегда уделялось должное внимание не только как важной научной проблеме, но и как одному из ведущих участков экономической политики. В Соединенных Штатах Америки еще в 1973 г. перешли к определению уровня защитных цен (целевых, закладных) на основе себестоимости продукции вместо используемого ранее паритета. С этой целью была разработана специальная система отслеживания фермерских расходов и калькулирования себестоимости единицы продукции. В Европейском Союзе также должным образом отнеслись к совершенствованию методики расчета цен, себестоимости, рентабельности как основных инструментов анализа и принятия решений в аграрной политике. Первым шагом в этом направлении была разработка единой методики счета себестоимости сельскохозяйственной продукции. Она была принята как стандартная всеми странами – членами Общего рынка с единым методическим центром в Брюсселе. Сказанное подтверждает как научное, так и практическое значение методологии измерения затрат и результатов деятельности аграрных предприятий.

Вместе с тем, на наш взгляд, методика калькулирования себестоимости в Украине имеет ряд существенных недостатков, в первую очередь с точки зрения состава затрат, к ней относящихся. В частности, в соответствии с Методическими рекомендациями по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции (работ, услуг) сельскохозяйственных предприятий выделяется производственная себестоимость и себестоимость реализованной продукции. К производственной относят прямые материальные затраты, прямые затраты на оплату труда, другие прямые затраты и общепроизводственные затраты. Общехозяйственные затраты по обслуживанию и управлению предприятием в нее не включаются. Не включаются в себестоимость и финансовые затраты. Себестоимость реализованной продукции состоит из производственной себестоимости, нераспределенных постоянных общепроизводственных затрат и сверхнормативных производственных затрат. Расходы на сбыт также в нее не входят. Таким образом, административные затраты, финансовые затраты и затраты, связанные с реа-

лизацией продукции, в себестоимость не включаются и возмещаются за счет полученной прибыли.

Подобные изменения в методику определения себестоимости внесены с учетом международного опыта и могут характеризоваться с двух позиций. С одной стороны, процесс унификации систем измерения затрат и определения себестоимости в разных странах является положительным и требующим всестороннего одобрения. Единые требования к такой работе имеют много преимуществ, поэтому переход Украины на международные стандарты был вполне закономерным. С другой стороны, не следует однозначно отказываться от отечественных традиций ведения экономической работы на предприятии, поскольку многое из того, что у нас использовалось, было проверено временем и отвечало потребностям хозяйственной практики. Так, по нашему мнению, те показатели себестоимости, как производственной, так и реализованной продукции, что предлагаются международными стандартами для экономической работы на предприятии, являются менее пригодными, чем предыдущие.

Возможно, с позиций бухгалтерского учета есть логика в использовании затрат в их «неполном» виде, однако мы считаем, что себестоимость продукции, не включающая в себя всех затрат, необходимых для получения такой продукции, не отражает реальную ситуацию в хозяйствовании и не может считаться себестоимостью с позиций классических подходов к этому экономическому понятию.

При определении себестоимости как ответственного этапа измерения результатов деятельности аграрных предприятий следует обратить внимание и на измерение отдельных ее составляющих.

Одним из самых проблемных элементов считаем амортизацию. Цель начисления амортизации состоит не просто в переносе стоимости основных средств на продукцию, а в создании амортизационного фонда, предназначенного для их восстановления. То есть после окончания срока эксплуатации основного средства, например трактора, за счет амортизационного фонда, образованного амортизационными отчислениями, предприятие должно иметь возможность приобрести новый трактор. А если принимать во внимание, что большинство техники, отработавшей свой эксплуатационный срок в сельскохозяйственных предприятиях Украины, все еще продолжает использоваться, то при начислении амортизации к первоначальной ее стоимости средств амортизационного фонда должно быть достаточно не только для простого, а также расширенного воспроизводства основных средств.

Однако большинство основных средств, что отработали свой срок эксплуатации, соответственно, имеют незначительную балансовую стоимость. Начисление амортизации в этой остаточной балансовой стоимости приводит к экономически недостаточным суммам амортизационных отчислений. Исходя из этого, начисленная сегодня амортизация не позволяет получить сколько-нибудь существенных средств, т. е. не выполняет своего экономического предназначения, не обеспечивает достижения цели своего создания – воспроизводства основных фондов.

Таким образом, себестоимость продукции, произведенной с использованием основных средств небольшой балансовой стоимости, за счет незначительных амортизационных отчислений окажется искусственно заниженной. Несмотря на то, что снижение себестоимости, в целом, является явлением положительным, в данном случае результатом такого снижения будет невозможность предприятия создать амортизационный фонд, который бы позволял полноценное обновление его основных средств. Поэтому в основу расчета себестоимости важно положить не те нормативы, которые реально сформировались в хозяйствах и являются вынужденными, а те, которые являются научно обоснованными, ориентированными на современные прогрессивные технологии и потребности товаропроизводителей. В данном примере нормативы амортизационных отчислений

должны определяться, по крайней мере, до восстановительной первоначальной, а не остаточной стоимости современной техники.

Другим проблемным элементом затрат является оплата труда. Согласно Закону Украины «Об оплате труда» это вознаграждение, которое по трудовому договору выплачивается работникам за выполненную ими работу. Кодекс законов Украины о труде указывает, что ее величина максимальным размером не ограничивается. Однако согласно Законам Украины «О Государственном бюджете Украины на __ год» четко устанавливается ее минимальный размер. По результатам проведенного анализа на аграрных предприятиях Украины этот минимум не выдерживается. Укрупненные расчеты показывают, что в 2018 г. сумма недоначисленной заработной платы законодательно установленного уровня составляет почти 96 % от суммы прибыли, полученной аграрными предприятиями Украины. Поэтому реальная результативность операционной деятельности аграрных предприятий за 2018 г. очень далека от отчетной.

Аналогичные замечания можно высказать и к определению других статей затрат. В частности, внесение удобрений и средств защиты должно отображаться на уровне рекомендуемых норм, с учетом выноса питательных веществ и энтомологических прогнозов. Страховые платежи должны включаться в затраты и себестоимость в размере, способном обеспечить возмещение утраченного при наступлении страхового случая и безотносительно к наличию страхового договора. Долгий производственный цикл и сезонность поступления продукции требует включения в себестоимость и процентов за использование кредитов, поскольку авансирование производства за счет собственных средств при замедленном их вращении ставит аграрные предприятия в заведомо дискриминационные условия.

Много неясного и с понятием самой сельскохозяйственной продукции. Положение (стандарт) бухгалтерского учета «Биологические активы» указывает, что сельскохозяйственная продукция определяется как актив, полученный в результате отделения от биологического актива, предназначенный для продажи, переработки или внутривозвращенного потребления. Логику подобного определения можно понять на примере яблока или груши, которые отделяются от ветки. Сложнее с сахарной свеклой. Что от чего отделяется? Ботва от свеклы или свекла от ботвы? Что является продукцией? Свекла или ботва? От чего отделяется соломка льна? Ведь земля не является биологическим активом согласно указанному стандарту. Поэтому можно только присоединиться к негативной оценке этого стандарта, которую выразили отечественные ученые, указывая на его несовершенство с позиций методики вычисления себестоимости.

Трудно считать достижением финансистов и бухгалтеров и отказ от понятия валового дохода как превышение денежных поступлений от реализации продукции над материальными затратами на ее производство. Это понятие и показатели, что его выражают, чрезвычайно информативные, характеризующие мотивационный потенциал предприятия, источник стимулирования предпринимателя прибылью, а наемного работника – заработной платой. Очевидно, Министерство финансов понимает совершенствование научного аппарата только как его «вестернизацию».

Подводя итог, можно констатировать, что современные методологические измерения затрат и результатов операционной деятельности аграрных предприятий Украины далеки от совершенных. Изменения, которые были внесены во имя унификации отечественных методик бухгалтерского учета с мировыми, не только не решили существующих проблем, а породили новые, во многом несвойственные для отечественной экономической работы. Выявленные недостатки и противоречия проявляются уже на уровне понятийного аппарата, который не совсем соответствует требованиям сельскохозяйственного производства, а соответственно не может быть положен в основу методик его регулирования. Основной проблемой является невозможность достоверного измерения финансо-

вых результатов через необоснованный размер себестоимости производимой продукции. Себестоимость, что определяется на основе существующих методик, значительно занижается относительно ее объективного уровня. Это говорит о назревшей необходимости внесения серьезных методологических и методических изменений в документы, регламентирующие учетно-расчетные процедуры определения затрат и результатов операционной деятельности отечественных аграрных предприятий.

ДЕЛОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЕ В СОЮЗНОМ ГОСУДАРСТВЕ

Р. А. Абрамов

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, г. Москва

Современное состояние развития экономики Союзного государства (далее – СГ) способствует пониманию того, что без усиления социальной ориентированности предприятий, которая будет способствовать гармонизации отношений в организации и формировании общих принципов развития современной бизнес-культуры, будет невозможным улучшение функционирования экономики СГ в целом и выход современных предприятий на международные рынки сбыта своей продукции.

Вопросами сущности деловой культуры занимались многие ученые, поэтому основные определения можно структурировать и классифицировать по следующим признакам:

1. Система норм и ценностей (т. е. деловая культура охватывает нормы и ценности обмена трудом), связанных с радикальными изменениями, которые происходят именно в обмене деятельностью, способствующих достижению стратегических целей и выполнению миссии предприятия.

2. Отношение людей к труду, в частности, деловая культура охватывает отношение людей к труду, их взаимоотношения, культуру организации дела и умение поднять эти составляющие на определенную высоту.

3. Культура современного предпринимателя, что в узком смысле отражает культуру любого делового человека и содержит нормы и ценности, культуру делового общения, организацию деятельности людей, а также высокую общую культуру.

Если обобщить научную литературу по данной проблематике, то можно сделать вывод, что чаще всего исследователи, обратившись к таким понятиям, как «организационная», «корпоративная культура» и «деловая культура», отождествляют их [4, с. 57].

Деловую культуру исследователи определяют как часть нематериальной экономики, которая определяет взаимоотношения в бизнес-среде на основе трудовых общекорпоративных, национальных ценностей и способна влиять на успеваемость и развитие субъекта хозяйствования. Собственно основное внимание здесь сосредоточено на внешнем показателе – национальных особенностях.

Считаем, что деловая культура является своего рода внешней оболочкой среды функционирования предприятия, на которую влияют, собственно, национальные особенности страны и особенности ведения бизнеса в определенном регионе, и дополняется внутренней составляющей – корпоративной и организационной культурой. Следовательно, деловая культура несколько шире понятий корпоративная и организационная культура, но в общем, они формируют единое целое – культуру ведения бизнеса.

В результате проведения многолетнего исследования выявили два основных параметра, которые применяются для определения типа корпоративной культуры компании независимо от типа организации, ее размера или отрасли в частности [2, с. 132]:

- тип культуры, ориентированный на взаимодействие людей;
- тип культуры, ориентированный на то, как люди отвечают на изменения.

Собственное понимание культуры компании требует определить, в каком диапазоне находится предприятие между этими двумя измерениями. Измерение «Как люди взаимодействуют» предполагает ориентацию организации на взаимодействие и координацию людей и позволяет оценить уровень компании от высоко независимых к очень взаимосвязанных. Измерение «как люди отвечают на изменения» предполагает два уровня культуры – такие, как те, которые предпочитают стабильность, и те, которые подчеркивают гибкость, восприимчивость к изменениям [3, с. 322].

При этом, как мы видим, молодежное инновационное предпринимательство принимает формы только лишь программных документов и частично реализованной программы развития.

С 24 по 28 октября 2016 г. в Белорусском национальном техническом университете (г. Минск) состоялся Форум проектов программ Союзного государства – V Форум вузов инженерно-технологического профиля. Основной задачей в работе форума являлось развитие международных и научных связей, участие в формировании межвузовской платформы для реализации основных направлений белорусско-российского интеграционного сотрудничества по поддержке талантливой молодежи в области образования, науки и инновационной деятельности.

Форум начал свою работу на инновационных площадках Белорусского национального технического университета. Организаторами форума выступили: с белорусской стороны – БНТУ, с российской стороны – Национальный исследовательский университет «МЭИ», при поддержке Постоянного Комитета Союзного государства, Министерства образования Республики Беларусь, Министерства образования и науки Российской Федерации [5, с. 793].

Целью прошедшего в Минске форума явилось создание межвузовской платформы для реализации основных направлений белорусско-российского интеграционного сотрудничества по поддержке талантливой молодежи в области образования, науки и инновационной деятельности. При этом основные задачи форума заключались в следующем:

- дальнейшее формирование и укрепление имиджа Союзного государства среди обучающейся молодежи;
- популяризация науки и активизация творческой деятельности среди учащейся молодежи Союзного государства;
- создание условий для развития молодежного инновационного предпринимательства в рамках Союзного государства;
- расширение культурного обмена и взаимодействие, а также пропаганда здорового образа жизни, физкультуры и спорта среди учащейся молодежи Союзного государства.

В форуме приняли участие свыше 10 вузов Республики Беларусь и около 30 ведущих российских вузов, а также делегации Китая, Испании, Чехии, Казахстана, Польши, Украины.

Медицина и сельское хозяйство, IT и робототехника отражают горизонты научных интересов молодежи Союзного государства, которые заинтересованы в реализации совместных проектов в сфере бизнеса и предпринимательства. На базе РЭУ им. Г. В. Плеханова уже открылся первый российско-белорусский молодежный бизнес-инкубатор, обучение в котором проходят 20 человек: по 10 от каждой из стран. Коллективный портрет энтузиастов выглядит примерно так: новаторы и предприниматели в возрасте от 18 до 35 лет, заинтересованные в создании международных проектов и развивающие бизнес в техническом, технологическом, естественно-научном направлениях.

Во время открытия бизнес-инкубатора состоялась презентация проектов резидентов из обеих стран. В течение семи дней резиденты бизнес-инкубатора занимались разработкой проектов, состоялись встречи с потенциальными партнерами и инвесторами. Ведущие эксперты провели лекции и семинары, посвященные экономической и инновационной деятельности по направлению развития бизнеса.

Работа молодежного бизнес-инкубатора будет плодотворной для резидентов. У организаторов уже выработано четкое представление и дорожные карты, по которым будет осуществляться содействие развитию совместных предпринимательских проектов на пространстве Союзного государства [1, с. 4].

Российско-белорусский молодежный бизнес-инкубатор является проектом, направленным на активизацию инновационной деятельности в сфере двустороннего молодежного предпринимательства. Его основные цели: содействие созданию успешных инициатив, основанных на международной кооперации молодежи двух стран, выявление перспективных предпринимательских проектов и их продвижение, обеспечение условий для обмена опытом. По окончании обучения участники получают сертификат о повышении квалификации РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Данные проекты могут быть рассмотрены только как модельные программы развития. В настоящее время нет возможностей интегрироваться в данную систему всем желающим. Как показал анализ, инновационное молодежное предпринимательство в рамках СГ не выделяется не только как часть инновационного предпринимательства, но и как часть молодежного предпринимательства. Считаем, что решение рассматриваемой проблемы возможно только при выработке программ развития молодежного предпринимательства в инновационной сфере, утверждении статей финансирования в бюджете СГ и предложения создания инфраструктуры для данной отрасли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова, И. М. Молодежное инновационное предпринимательство в России / И. М. Богданова, Д. А. Грачев // Инновации и инвестиции. – 2017. – № 9. – С. 2–5.
2. Молодежное муниципальное инновационное предпринимательство / А. В. Кузьмин [и др.] // Рос. экон. интернет-журнал. – 2012. – № 1. – С. 125–132.
3. Подсумкова, Л. А. К вопросу о развитии молодежного инновационного предпринимательства / Л. А. Подсумкова // Вестн. Саратов. гос. техн. ун-та. – 2011. – Т. 3, № 1 (57). – С. 320–324.
4. Славнецкова, Л. В. Формы и методы государственной поддержки инновационного молодежного предпринимательства / Л. В. Славнецкова, О. В. Чернова // Актуал. проблемы экономики и менеджмента. – 2015. – № 3 (7). – С. 55–59.
5. Шкапенко, А. А. Инновационная среда и молодежное предпринимательство: проблемы и перспективы развития / А. А. Шкапенко // Теория и практика соврем. науки. – 2017. – № 12 (30). – С. 791–794.

СЕКЦИЯ I

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ,
ДУХОВНО -
НРАВСТВЕННЫЕ,
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
ОСНОВЫ
ИНТЕГРАЦИОННЫХ
ПРОЦЕССОВ
ГОСУДАРСТВ
ЕВРАЗИЙСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
СОЮЗА, РАЗВИТИЕ
МЕЖДУНАРОДНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИЙ НЕФТЕГАЗОДОБЫВАЮЩЕЙ ОТРАСЛИ БЕЛАРУСИ

Е. А. Кожевников

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Беларусь

Мировой нефтегазовый рынок, как и другие сырьевые и продуктовые рынки планеты, характеризуется высокой степенью конкуренции и одновременно нестабильности, непредсказуемости, изменчивости. Ослабить влияние волатильности призваны интеграционные процессы между отдельными странами и их объединениями. При этом в различных отраслях экономики интеграция приводит к разнонаправленным и противоречивым результатам. Для организаций нефтегазодобывающего комплекса единственного белорусского производственного объединения «Белоруснефть» особые перспективы и в то же время проблемы создает тесное взаимодействие в рамках Евразийского экономического союза, прежде всего, с Российской Федерацией.

Как известно, Россия является одним из крупнейших производителей и экспортеров углеводородного сырья в мире и, безусловно, основным поставщиком нефти и газа в Беларусь. По данным [1] за январь-июнь 2018 г., импорт в Республику Беларусь из Российской Федерации составил 9,088 млн т по цене 50,4 долл. США за баррель при средней цене на мировом рынке нефти соответствующего качества и марки – 68,83 долл. США. В целом за 2018 г. импорт нефти составил около 18 млн. т.

При всех уже ставших традиционными проблемах взаимодействия Беларуси и России на нефтегазовом рынке – трудностях согласования условий поставки по ценовому и объемному фактору, вопросам собственности в белорусских акционерных организациях нефтепереработки и других – постоянно добавляются новые сложности. Так, 2019 г. ознаменовался новыми аспектами, связанными с проведением налогового маневра в отношении добывающих полезные ископаемые субъектов хозяйствования России. Это вызвано внесенными поправками в Налоговый кодекс и Закон «О таможенном тарифе». В соответствии с этими нормативными документами предусматривается постепенное снижение экспортной пошлины на нефть с приблизительно 30 до 0 % и одновременное повышение налога на добычу полезных ископаемых на аналогичную величину до 2024 г. Другая часть маневра связана с адресной поддержкой (компенсациями) российских нефтепереработчиков (так называемый «отрицательный акциз»). Потери Республики Беларусь от первого этапа налогового маневра за 2015–2018 гг. оцениваются в 3,6 млрд долл. США [2]; к 2025 г. – до 10,6 млрд долл. США.

Однако есть такие вопросы, которые для нефтегазодобывающего комплекса Беларуси являются столь же серьезными. В частности, это:

1. Кардинальное различие масштабов нефтегазодобычи в Беларуси и России.

В соответствии с опубликованными данными, например, в 2017 г. в Республике Беларусь было добыто 1,65 млн т нефти, в то время как в Российской Федерации – 253 млн т или в 153 раза больше. Только в Приволжском Федеральном округе добыча нефти превысила белорусскую почти в 52 раза (85,1 млн т). И это в условиях того, что Беларусь ведет добычу нефти и газа на 61 месторождении страны: 13 – в Венесуэле; 1 – в Эквадоре; 5 – в Российской Федерации. Такая разномасштабность в условиях интеграционного взаимодействия двух стран требует особого внимания к созданию равных условий хозяйствования для субъектов нефтегазодобывающих отраслей.

2. Добыча углеводородного сырья белорусским производственным объединением «Белоруснефть» ведется в условиях огромного волатильного импорта из России.

Как показывают данные [1] по импорту нефти из Российской Федерации, его объем превысил собственное производство 2018 г. более чем в 10 раз. В то же время соотношение максимального и минимального физического объема импорта нефтепродуктов за девятилетний период – 98 : 1. В этих условиях, безусловно, затрудняется решение вопросов планирования и управления белорусского субъекта хозяйствования.

3. Функционирование единого рынка труда Беларуси и России, декларированного в целом ряде межгосударственных соглашений и других правовых актов.

К производственным кадрам организаций, занимающихся геолого-разведочными работами, строительством буровых скважин, буровыми работами и нефтегазодобычей предъявляются особые требования по квалификации, компетентности, психофизическому состоянию, уровню подготовки профессиональных и социально-личностных компетенций. Однако равные характеристики кадров даже при одинаковой производительности труда не могут обеспечить одинаковый уровень оплаты труда, поскольку он имеет существенные различия в двух соседних странах. Это потенциально чревато нежелательной утечкой наиболее квалифицированной части рабочих кадров и специалистов из белорусских нефтегазодобывающих организаций.

4. Существенные различия производительности труда в белорусских и российских нефтегазодобывающих организациях.

В бурении скважин и нефтегазодобыче производительность труда, в первую очередь, определяется такими объективными факторами, как:

- количеством и качеством углеводородов;
- условиями их залегания (глубина, пластовые давления, плотность и иные физико-химические свойства пород, рельеф и др.);
- географическим местоположением района проведения работ и уровнем его хозяйственного освоения;
- стадиями разработки месторождений (стадия нарастания добычи нефти, стадия максимального объема добычи нефти, стадия резкого падения добычи нефти, стадия стабилизации добычи нефти);
- климатическими условиями.

Кардинальные отличия от российских сырьевой базы, ресурсов и запасов нефти, газа, конденсата производственного объединения «Белоруснефть» затрудняют его работу и лишь географическое положение, уровень хозяйственного освоения территорий и климатические условия оказываются более выигрышными в сравнении со многими российскими районами нефтегазодобычи.

В этих условиях белорусские нефтегазодобывающие организации должны сохранять конкурентоспособность и наращивать производительность труда путем:

- повышения технического и технологического уровня производства;
- снижения затрат и трудоемкости бурения скважин, добычи нефти и газа и других технологических процессов [3];
- совершенствования организации производства, его структуры и управления; увеличения норм и зон обслуживания;
- совершенствования организации труда и улучшения использования на этой основе фонда рабочего времени, сокращения трудоемкости работ, оптимизации численности работников;
- улучшения использования производственных мощностей путем сокращения продолжительности подземных и капитальных ремонтов скважин, а также путем проведения дополнительных геолого-технических мероприятий (перевод на механизированную добычу, ввод скважин в число действующих из контрольного, бездействующего и законсервированного фонда, бурение вторых стволов и др.);

– оптимизации структуры производства путем, например, варьирования добычи нефти по фонтанному или механизированному способам.

Таким образом, в условиях интеграционного взаимодействия нефтегазодобывающих организаций Беларуси необходимо:

1. Сохранять координирующее взаимодействие Республики Беларусь с Российской Федерацией и в целом с Евразийским экономическим союзом.

2. Обеспечивать сохранение конкурентоспособности и повышение экономической эффективности функционирования организаций нефтегазодобывающей отрасли.

3. Добиваться роста производительности труда за счет всей системы факторов.

4. Обеспечивать снижение затрат по добыче нефти и газа, оптимизируя расходы на бурение нефтяных и газовых скважин, капитальные и текущие ремонты скважин, специальные научно-исследовательские работы по анализу пластов и скважин и др.

5. Добиваться расширения сырьевой базы нефтегазодобывающих организаций по количеству открытых и разрабатываемых месторождений и залежей нефти и газа, объему разведанных запасов, в том числе за счет стран ближнего и дальнего зарубежья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чем закончится нефтяной спор с Россией. – Режим доступа: <https://naviny.by/article/20180820/1534739667-chem-zakonchitsya-neftyanou-spor-s-rossiey>. – Дата доступа: 13.03.2019.
2. Прейгерман, Е. Позиция Беларуси в нефтяном споре с Россией / Е. Прейгерман. – Режим доступа: <https://thinktanks.by/publication/2019/01/31/pozitsiya-belarusi-v-neftyanom-spore-s-rossiey.html>. – Дата доступа: 10.03.2019.
3. Кожевников, Е. А. Проблемы снижения затрат в организациях нефтегазодобывающей отрасли Республики Беларусь / Е. А. Кожевников, Р. В. Асвинов // Современные проблемы машиноведения : материалы XII Междунар. науч.-техн. конф. (науч. чтения, посвящ. П. О. Сухому), Гомель, 22–23 нояб. 2018 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Гомел. гос. техн. ун-т им. П. О. Сухого, Фил. ПАО «Компания «Сухой» ОКБ «Сухого» ; под общ. ред. А. А. Бойко. – Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2018. – С. 396–398.

ВЛИЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ НА УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ РАБОТОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛА

А. А. Гареленко

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Беларусь

Проводя исследования удовлетворенности работой, социологи В. А. Ядов и А. Г. Здравомыслов пришли к выводу, что уровень удовлетворенности трудом молодых рабочих СССР зависит, прежде всего, от его содержательности, так как они стремятся развивать свои способности в процессе труда, остальные же факторы не имели особой значимости [1]. В настоящее время этот критерий является далеко не единственным при выборе молодым сотрудником места работы. Удовлетворенность работой является важным аспектом человеческой деятельности на любом предприятии. Без четко налаженного регламента работы, необходимых условий и средств труда работать эффективно становится практически невозможно. Именно поэтому руководителям необходимо следить за удовлетворенностью сотрудников их работой и принимать необходимые меры по их устранению. В качестве примера для исследования был выбран Гомельский литейный завод «Центролит». В исследовании приняло участие 40 сотрудников. По окончании анкетирования респондентам предлагалось ответить на вопросы для определения социального статуса: возраст, пол, уровень образования, а также семейный статус. Результаты опроса социального статуса представлены на рис. 1.

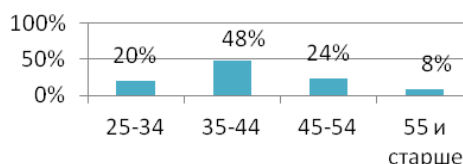
1. Пол

2. Образование

3. Возраст

4. Семейное положение

Рис. 1. Социальный статус респондентов

Из приведенных данных можно сделать вывод, что в составе административно-управленческого персонала доминируют женщины – 88 % и только 12 % являются мужчинами. В трех из пяти отделов, а именно – в бухгалтерии, экономическом и маркетинговом отделах, женщины являются руководителями. Также видно, что 72 % сотрудников замужем либо женаты. Что касается образования, 61,5 % имеют высшее образование в сфере экономики; 36 % имеют среднее образование; наибольшее количество сотрудников со средним образованием находится в бухгалтерском отделе и отделе сбыта. По возрастной структуре видно, что отсутствуют работники в возрасте 20–24 лет, а преобладают работники в возрасте 35–44 лет.

После опроса по определению социального статуса подчиненным предлагалось ответить на вопросы для оценки удовлетворенности сотрудников своей работой (см. таблицу).

Для этого сотрудникам было необходимо ответить на перечень вопросов, который содержит 14 утверждений. Каждое утверждение может быть оценено от 1 до 5 баллов. Сотрудникам предлагалось сделать выбор по каждому из утверждений, выбрав наиболее подходящую оценку (1 – вполне удовлетворен; 2 – удовлетворен; 3 – не вполне удовлетворен; 4 – неудовлетворен и 5 – крайне неудовлетворен) [2, с. 182–184].

Итоговый показатель может колебаться от 14 до 70 баллов.

Если результат равен 40 баллам и более, то есть основания говорить о неудовлетворенности профессиональной деятельностью, и, напротив, если он меньше 40 баллов, можно судить об удовлетворенности работой.

Настоящая методика может также применяться для оценки удовлетворенности работой целого коллектива (группы). В таком случае используются средние величины показателей. При этом оценка результатов производится по следующей шкале;

- 15–20 баллов – вполне удовлетворены работой;
- 21–32 балла – удовлетворены;
- 33–44 балла – не вполне удовлетворены;
- 45–60 баллов – неудовлетворены;
- более 60 баллов – крайне неудовлетворены.

В целом работой на предприятии все сотрудники отчасти неудовлетворены; особую неудовлетворенность вызывают физические условия, так как административно-управленческий комплекс плохо отапливается.

**Оценка удовлетворенности административно-управленческого аппарата
своей работой (в среднем по отделу)**

Вопрос	Средняя оценка по отделу				
	Бухгалтерия	Финансовый	Маркетинг	Экономисты	Сбыт
1. Ваша удовлетворенность предприятием, где Вы работаете	2,5	3,3	2,9	2,7	2,5
2. Ваша удовлетворенность физическими условиями (холод, жара, шум)	4,2	4,5	3,9	3,9	3,7
3. Ваша удовлетворенность работой	2,1	2,3	2,5	2,1	2,3
4. Ваша удовлетворенность сложностью	2,5	2,5	2,7	2,7	3,0
5. Ваша удовлетворенность стилем руководства Вашего начальника	2,0	1,8	3,4	2,9	3,1
6. Ваша удовлетворенность профессиональной компетентностью Вашего начальника	1,6	1,5	2,0	1,8	1,6
7. Ваша удовлетворенность заработной платой (соответствие Вашим трудовым затратам)	3,4	3,5	3,2	3,6	3,4
8. Ваша удовлетворенность заработной платой по сравнению с тем, сколько за такую же работу платят на других предприятиях	3,5	2,8	3,0	3,3	3,1
9. Ваша удовлетворенность служебным (профессиональным) продвижением	3,0	2,0	2,8	2,9	2,6
10. Ваша удовлетворенность возможностями продвижения	2,9	1,8	2,6	2,7	2,8
11. Ваша удовлетворенность тем, как Вы используете Ваши опыт и способности	3,2	2,3	2,3	3,3	2,4
12. Ваша удовлетворенность требованиями работы к интеллекту	2,9	1,8	2,5	2,8	2,8
13. Ваша удовлетворенность длительностью рабочего дня	1,9	1,5	1,5	1,7	1,3
14. В какой степени удовлетворенность работой повлияла бы на Ваши поиски другой работы	3,6	3,5	3,1	3,4	2,8

Большинство сотрудников не вполне удовлетворяют возможности карьерного роста и они сходятся во мнении, что не в полной мере могут реализовать свой потенциал на данном предприятии.

Относительно требований работы к интеллекту сотрудники финансового отдела вполне удовлетворены, однако в остальных отделах некоторые работники не вполне удовлетворены данным показателем.

На ОАО «ГЛЗ «Центролит», как и на большинстве отечественных предприятий, установлен восьмичасовой рабочий день; данный фактор является удовлетворительным для всех сотрудников.

Однако не полная удовлетворенность сотрудников своей работой может повлиять на решение о поиске нового места работы практически для каждого сотрудника в каждом подразделении. Теоретический анализ заявленной проблемы показал, что на удовлетворенность сотрудников работой оказывают влияние разные факторы, среди которых психологический климат коллектива и межличностные отношения, физические условия и слаженность действий работников, при этом стиль руководства начальника и его профессиональная компетенция играют большую роль. Не менее важные факторы – это удовлетворенность заработной платой и служебным продвижением.

Анализ результатов удовлетворенности работой сотрудниками свидетельствует о том, что большинство членов коллектива в настоящий момент содержание работы не вполне удовлетворяет. Самое большое количество неудовлетворенных сотрудников приходится на отдел маркетинга, что может быть связано с отношением руководителя к подчиненным, а также множеством других факторов, таких, как физические условия работы, заработная плата, возможности карьерного роста и т. д.

В остальных отделах сотрудников не устраивают лишь отдельные позиции, но в целом сильного неудовлетворения своей работой они не испытывают. Самое большое количество удовлетворенных сотрудников находится в финансовом отделе. Можно предположить, что это связано с положительной атмосферой в отделе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ядов, В. А. Человек и его работа: социологическое исследование / В. А. Ядов, А. Г. Здравомыслов. – М. : Мысль, 1967. – 392 с.
2. Михалева, Е. П. Менеджмент. Конспект лекций / Е. П. Михалева – М. : ЮРАЙТ, 2009. – 192 с.

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ МАРКЕТИНГЕ

О. В. Лапицкая

Гомельский государственный университет имени П. О. Сухого, Беларусь

А. В. Шах

Барановичский государственный университет, Беларусь

В начале 80-х гг. в мире информационных технологий происходит революционное событие – огромными темпами реализуется концепция «персонального компьютера в каждый дом», формируются базовые стандарты связи в телекоммуникационных сетях, применяющиеся и совершенствующиеся по сей день. В то же время на орбиту Земли активно выпускается огромное количество спутников, происходит переход на оптоволокно, активно развиваются кабельное телевидение и цифровые технологии представления различной информации (текст, видео, аудио). Все это послужило сильным толчком к развитию международного маркетинга.

На сегодняшний день использование информационных ресурсов является неотъемлемой частью маркетинга, в том числе международного. Благодаря научно-техническому прогрессу, расширяются возможности сбора и анализа информации, существенно увеличиваются возможности маркетинговых исследований товаров, услуг, рынков, зарубежных

фирм, упрощаются поиск и сроки получения необходимой информации, расширяются возможности применения математических методов для экономического анализа. Сбор, обработка и анализ маркетинговой информации приобретают особое значение во внешне-экономической и международной деятельности компании, важность маркетинговой информации постоянно увеличивается [1].

Развитие информационных технологий, среди которых одно из ключевых мест занял Интернет, появление и бурный рост электронной коммерции стали основой для появления нового направления в современной концепции маркетинга взаимодействия – интернет-маркетинга.

Интернет-маркетинг (перевод с англ. internetmarketing) – это практика использования всех аспектов традиционного маркетинга в Интернете, затрагивающая основные элементы маркетинг-микса: цена, продукт, место продаж и продвижение. Основная цель – получение максимального эффекта от потенциальной аудитории сайта.

Выделим следующие инструменты интернет-маркетинга:

- сайт компании (непосредственно сайт, информация на порталах, микросайты для сегментации аудитории);
- поисковый маркетинг – продвижение в поисковых системах (SEO, SEM, поисковая контекстная реклама);
- внешняя активность компании в Интернете (e-mail, маркетинг, агрессивный маркетинг, продвижение ссылками и статьями);
- продвижение бренда – увеличение узнаваемости (интернет-реклама, спонсорство и кросс-брендинг, реклама в социальных сетях, реклама в виджетах);
- маркетинг сообществ и маркетинг в социальных сетях (сайты рейтинга и сравнения товаров, социальные сети, форумы, взаимодействие пользователей, голосование);
- интернет-телевидение, мобильный Интернет;

Интернет является рекордсменом по скорости распространения среди всех когда-либо существовавших средств массовой информации. Чтобы охватить 25 % населения США, телефону понадобилось 35 лет; телевидению – 26 лет; радио – 22 года; а мобильной связи – 13 лет. Интернет сделал это всего за 7 лет, при этом в США процесс интернетизации нельзя назвать самым быстрым, но там хорошо ведется статистика развития интернета. Вся интернет-статистика постоянно обновляется, но различные источники дают разные цифры. В 2009 г. количество пользователей Интернета составляло более 1,5 млрд человек. Список стран по числу пользователей Сетью возглавляет Китай (300 млн человек), затем Европейский союз (298 млн человек) и США (227 млн человек). Как минимум, треть интернет-пользователей относится к странам Азии [2].

Аудитория пользователей Интернета неоднородна. В большинстве своем это покупатели, т. е. люди молодого и среднего возраста со средним и высоким уровнем достатка.

Следует отметить значимость интернет-маркетинга по сравнению с традиционным за счет повышенной вовлеченности потребителей. Рынок в сети сегодня является средством массового воздействия на потребителя, который имеет постоянную возможность вести коммуникацию с организацией. Для предприятия преимуществами являются снижение затрат на содержание сотрудников, сокращение времени на поиск партнеров, принятие решений, заключение сделок, разработка новейшей продукции.

Кроме того, информация в Интернете доступна в любое время суток и, соответственно, коммуникативные характеристики, обладающие высокой гибкостью, позволяют с легкостью производить конфигурации представленной информации и тем самым поддерживать ее актуальность без задержки времени и расходов на распределение, а также увеличение прибыли.

Учитывая, что проведение эффективных маркетинговых коммуникаций является одним из ключевых факторов успеха современной организации, интернет как комму-

никационная среда приобретает все большее значение для решения задач бизнеса. Можно выделить несколько типичных маркетинговых задач, которые компании решают с помощью коммуникационных инструментов Интернета:

- 1) информирование целевой аудитории о товарах и услугах;
- 2) привлечение посетителей на сайт компании;
- 3) продажа товаров и услуг через сайт;
- 4) брендинг в узких нишах;
- 5) повышение узнаваемости бренда;
- 6) повышение эффективности кампаний прямого маркетинга;
- 7) анализ эффективности маркетинговых усилий;
- 8) сбор информации о потенциальных клиентах [3].

Однако следует отметить и некоторые недостатки электронного маркетинга. Как представляется, основной преградой на данный момент выступает большое количество ненужной рекламы, в которой не нуждаются потребители, вследствие чего такая реклама воспринимается потребителями как спам. Зачастую человек получает большое количество сообщений, включающих ненужную информацию. В свою очередь, эта ненужная информация является рекламой какой-либо компании, предоставляющей свои услуги/товар. В итоге большая часть таких писем даже не открывается, а лишь автоматически попадает в корзину, что негативно влияет на репутацию компании. Например, звонки от любого сотового оператора, в процессе которых «нас» пытаются уговорить на всевозможные услуги их компании, из-за чего такой метод часто срабатывает «в минус», так как у потенциального клиента, как правило, даже нет времени выслушивать эту информацию.

Недоверчивое отношение потенциальных покупателей может вызвать небезопасные платежные системы, что является одной из основных проблем сетевого маркетинга. Сейчас достаточно популярен метод взимания денежных средств у потребителей небезопасным путем, чем промышляют мошенники, и что, конечно, влияет на дальнейшее развитие и перспективы электронного маркетинга [4].

Главным толчком для совершенствования рекламы будущего является развитие искусственного интеллекта (ИИ). Deep learning (сложные алгоритмы обучения для моделирования высокоуровневых абстракций) предоставляют различные перспективы использования ИИ в маркетинге – от глобального анализа данных до самостоятельного написания уникального контента. Контекстная реклама на телевидении – это новая возможность для компаний предлагать товары конкретно своей целевой аудитории. Рекламные вставки будут подбираться, исходя из того:

- какой экран у зрителя и какое у него социальное положение, доходы;
- демографических показателей (таких, как пол, возраст, состав семьи и др.).

Персонализация изображения – это еще один шаг на пути к отмене перерывов на рекламу взамен на скрытую рекламу во время просмотра фильма. Персонализация будет заключаться в том, что разные зрители будут видеть разные марки автомобилей или телефонов, Возможно даже, что некоторые сцены и диалоги тоже будут отличаться.

Машинное обучение поможет организовать и упорядочить имеющиеся данные, чтобы затем использовать их для разработки наиболее действенных способов привлечения внимания людей своими рекламными сообщениями, что позволит стимулировать рост их интереса к бренду.

Технологии искусственного интеллекта предполагают применение методов аналитики и интеллектуальной автоматизации для формулирования прогнозов, основанных на имеющихся массивах данных. Такие методы дают маркетологам возможность определять будущее поведение рынка на основе ретроспективных данных. В ходе недавнего

исследования 97 % авторитетных лиц из мира маркетинга сошлись во мнении, что будущее маркетинговой индустрии будет определяться талантливыми людьми, опирающимися на машинное обучение. Говоря проще, в будущем тон развитию маркетинга будет задавать машинное обучение [5].

Таким образом, можно сделать вывод, что современный маркетинг в целом и международный маркетинг, в частности, невозможно представить без широкого использования информационных технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Роль информационных технологий в международном маркетинге. – Режим доступа: https://studbooks.net/717041/marketing/rol_informatsionnyh_tehnologiy_mezhdunarodnom_marketinge.
2. Интернет-маркетинг : тексты лекций / сост.: М. В. Коротков, Д. А. Жук. – Минск : БГГУ, 2011. – 154 с.
3. Саакян, А. И. Интернет-маркетинг как современное направление развития компаний / А. И. Саакян, Т. В. Карпенко // Студенческий научный форум : материалы VIII Междунар. студ. науч. конф. – Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2016/article/2016025150>. – Дата доступа: 05.04.2019.
4. Лазутина, А. Л. Развитие интернет-маркетинга в современном экономическом пространстве / А. Л. Лазутина, Т. Е. Лебедева // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2018. – № 7 (33). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-internet-marketinga-v-sovremennom-ekonomicheskom-prostranstve>. – Дата доступа: 05.04.2019.
5. Шах, А. В. Основные ИТ-тенденции развития маркетинга в Республике Беларусь / А. В. Шах // Инновационное развитие экономики и права в контексте формирования национальной безопасности : сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф., Барановичи / БарГУ ; редкол.: В. В. Климук (гл. ред.) [и др.]. – Барановичи : РИО БарГУ, 2019. – С. 141–143.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РАМКАХ ЕАЭС

Р. И. Громыко

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Беларусь

По оценкам Международной организации труда и международной организации работодателей международная экономическая интеграция названа одним из пяти важнейших факторов современного экономического развития, так как ведет к унификации глобального корпоративного управления, налоговой и нормативно-правовой среды, условий предпринимательской деятельности. Влияние интеграции на экономическое развитие стран выражается в реализации сравнительных преимуществ, снижении издержек производства, росте конкурентоспособности национальной экономики и ее отраслей.

Вместе с тем исследователи отмечают противоречивость этого процесса. Он может как ускорить динамику развития страны, так и снизить ее конкурентоспособность [1, с. 102]. Современный этап развития интеграции стран постсоветского пространства – Евразийский экономический союз (ЕАЭС), рассматривается как более зрелый этап в сравнении с зоной свободной торговли, целью которого является формирование общего рынка. Единый внутренний рынок позволяет обеспечить свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы между странами. Целью исследования является оценка эффективности функционирования рынка ЕАЭС.

Основы теории влияния интеграции на экономику стран разработаны Дж. Вайнером, Дж. Мидом, К. Р. Макконнеллом и С. Л. Брю. Дж. Вайнер выделил два основных вида эффектов, возникающих вследствие экономической интеграции: эффект создания торговли и эффект переориентации торговли. Эффект создания торговли заключается в расширении торговли внутри интеграционного объединения. При этом действует эффект масштаба. Снятие торговых барьеров предоставляет возможности для развития большей специализации в соответствии с теорией сравнительных преимуществ, на этот

момент указывают также К. Р. Макконнелл и С. Л. Брю. Анализируя процесс интеграции в рамках ЕАЭС, они отмечают, что «интеграция создает массовые рынки, столь необходимые для достижения отраслями стран «общего рынка» экономии на масштабах производства. Дж. Вайнер считает необходимым условием роста национальной экономики в рамках интеграционного объединения «мобильность факторов производства», что характерно для общего рынка. Эффект переориентации торговли заключается в переклещивании импорта с высокоэффективного поставщика из страны, не входящей в таможенный союз, на менее эффективного поставщика внутри таможенного союза, товар которого стал дешевле в результате отмены таможенной пошлины [2].

Таким образом, показателем развития интеграционных процессов является внутрирегиональная торговля. Это положение нашло отражение в Договоре о Евразийском экономическом союзе, в котором отражены показатели развития внутренней торговли стран-членов. Создание Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП) сопровождалось эффектом создания торговли. Как показывают статистические данные, Беларусь с 2012 г. наращивает объемы взаимной торговли со странами ТС и ЕАЭС. Если в 2012 г. они составляли 48,4 %, то в 2018 – 50,8 % в общем объеме торговли. Казахстан увеличил долю взаимной торговли со странами ЕАЭС с 18 до 20,4 % за этот период времени. Эта закономерность подтверждается и для новых членов Союза. Так, Армения с 2015 г. увеличила объем взаимной торговли с странами ЕАЭС с 26,3 до 28,8 %. Для России этот показатель изменился лишь на +0,3 %. Таким образом, снятие торговых барьеров ведет к эффекту создания торговли, прежде всего, для малых стран. Эффект от увеличения масштабов производства позволяет странам с малой экономикой получить выгоды от снятия барьеров. Для ЕАЭС в целом доля взаимной торговли выросла с 2012 г. к 2015 г. на 0,8 % и остается сегодня на уровне 13,5 % [3]. Это значительно меньше в сравнении с другими интеграционными группировками. Так, в рамках Европейского союза (ЕС) она равна 60 %; в Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) – 24 % [4]. Росту внутренней торговли в рамках Союза препятствуют: низкий уровень взаимной кооперации, сохранение ряда изъятий и ограничений в торговле, недостаточный уровень инноваций в экономике стран.

Дальнейший рост взаимной торговли сталкивается с сохранением ряда изъятий и ограничений в рамках ТС. На внутренних рынках государства-члены продолжают применять также нетарифные ограничения, завуалированные под санитарные, фитосанитарные, ветеринарные требования в интересах национальной безопасности, а изъятия из национального режима, которые первоначально рассматривались как исключительные меры, стали применяться системно и на постоянной основе. Устранение препятствий, только включенных в «дорожную карту» на 2018–2019 гг., позволит снизить, по оценкам экспертов, транзакционные издержки бизнеса, а совокупный положительный эффект от устранения препятствий составит от 1,5 до 2 % объема взаимной торговли [5]. По предварительным оценкам экспертов, в результате отмены выявленных препятствий будет наблюдаться падение импорта из третьих стран и вырастет импорт из ТС и ЕЭП, что приведет к росту национального производства: в Беларуси – на 3,2 %; в Казахстане – на 0,12 %. Для России рост тоже положительный, но на уровне практически 0 %, что ожидаемо, учитывая масштаб экономик [4, с. 68]. Препятствия, существующие на рынке, направлены, как правило, на защиту национальных сегментов внутренних рынков стран ЕАЭС. Причинами их существования эксперты организации называют: различия в этапах развития и моделях функционирования экономики; слабую дифференциацию структуры и ограниченную номенклатуру взаимной торговли; отсутствие единой системы лабораторной инфраструктуры в ЕАЭС в области применения санитарных, фитосанитарных мер и технического регулирования.

Как отмечает автор И. В. Андропова, сегодняшние экономические выгоды от процесса интеграции часто носят несистемный и временный характер (они связаны с распределением ввозных пошлин, антироссийскими санкциями, увеличением потоков контрабандных грузов) [5, с. 9–10]. В этих условиях возникают разнонаправленные экономические и политические интересы стран и интеграция оценивается с точки зрения краткосрочных выгод. Для преодоления этих тенденций необходимо развитие интеграционных связей в сфере реального сектора производства.

Интеграция в рамках ЕС начиналась с производственной сферы, а затем продолжилась в финансовом секторе и в сфере трудовой миграции. В ЕАЭС интеграция в реальном секторе экономики не является фактором стимулирования интеграционных процессов и не позволяет создавать глобальные цепочки стоимостей в рамках союза. Значение цепочек добавленной стоимости возрастает, так как 80 % мировой добавленной стоимости создается глобальными транснациональными компаниями (ТНК). И создание таких цепочек позволило бы повысить устойчивость интеграционного процесса и ускорить рост взаимной торговли и экономики ЕЭП. Сегодня интегрированность экономик Казахстана и России составляет не более 15 %; Беларуси – значительно меньше. Доля промежуточных товаров в импорте нашей страны из Казахстана составляет 0,1 %. Наиболее значимы для Беларуси кооперационные связи с Россией. Удельный вес российских промежуточных товаров в стоимости промышленной продукции составляет около 13,2 %. Препятствием для развития кооперационных связей и специализации экономик является несовершенство технологической структуры промышленного комплекса стран. Доля высокотехнологичного экспорта в промышленном производстве составляет 2–4 %, что в три раза ниже стран, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития, снижает конкурентоспособность промышленного комплекса ЕАЭС [6]. Политика новой индустриализации развитых стран требует объединения усилий по преодолению технологического отставания и развитию экспорта совместно произведенной продукции на рынки третьих стран.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- эффект создания торговли подтверждается в рамках ЕАЭС для малых экономик;
- формирование единого рынка ЕАЭС сдерживается существующими изъятиями, ограничениями и барьерами;
- низкий уровень кооперативных связей препятствует созданию цепочек добавленной стоимости в ЕЭП и усиливает нестабильность экономики интеграционного союза;
- преодоление технологического отставания стран ЕАЭС требует проведения единой промышленной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Влияние интеграции на конкурентоспособность национальной экономики (на примере АПК ЕАЭС) / А. Б. Темирбекова [и др.] // Практика интеграции. – 2015. – № 1 (26). – С. 101–124.
2. О международной интеграции. – Режим доступа: <http://www.seinst.ru/page>. – Дата доступа: 03.04.19.
3. Анализ внутреннего рынка Евразийского экономического союза. – Режим доступа: <http://barrier.eaeunion.org>. – Дата доступа: 20.03.19.
4. Полякова, О. В. Тенденции и перспективы развития Евразийского экономического союза в контексте опыта европейской интеграции и глобальных вызовов : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 21 апр. 2015 г. / под ред. Л. Н. Красавиной. – М. : Финансовый ун-т, 2016. – 256 с.
5. Андропова, И. В. Потенциал и ограничения новых механизмов коллективного сотрудничества / И. В. Андропова // Вестн. междунар. организаций. – 2016. – № 2 – С. 7–17.
6. Об основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза : решение Евраз. межправительств. совета (с изм. на 27 нояб. 2018 г.). – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/420301148>. – Дата доступа: 20.03.19.

ЦЕННОСТНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРАЗОВАНИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА

Н. А. Курило

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск

На сегодняшний день интеграцию рассматривают как процесс объединения в политической, экономической, правовой, социальной и других сферах жизнедеятельности государства.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – международная организация региональной экономической интеграции. В процессе своего развития данный союз прошел большой и непростой путь своего становления и определения. Но, исходя из основных целей существования союза, таких, как создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках ЕАЭС; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики, мы можем сделать вывод, что его образование обусловлено экономическими и социально-политическими причинами.

Однако не стоит забывать и о немаловажных ценностных предпосылках создания союза. Ведь, несмотря на то, что на этапе создания и в нынешнем состоянии данный союз не провозглашает своей целью единение государств-членов на основе формирования общих идеологии, культуры, религии, мировосприятия граждан, нельзя утверждать, что исторически сложившаяся схожесть вышеназванных категорий не являлась предпосылкой объединения именно этих государств. Общность государств на основе мировоззренческих ценностей народов способствует более глубокой и эффективной интеграции, уменьшая вероятность возникновения конфликтов между государствами-членами.

На данный момент существует несколько теорий, объясняющих причины возникновения данного союза. Одни из них отрицают наличие каких-либо иных, кроме экономических, причин интеграции, другие, в свою очередь, выражают полностью противоположное мнение, сформированное с позиции идеологии евразийства. Данная идеология зародилась еще в 30-е гг. XX в. и на данный момент имеет различные течения, что обуславливает ее гибкость и возможность применения с позиции различных народов. Изначально доктрина евразийства представляла собой учение, отстаивающее историческую самобытность несводимой ни к Западу, ни к Востоку евразийской цивилизации, основу которой образует многовековой плодотворный синтез византийско-греческой, славянской, тюркской и восточно-романской культур, и всегда исходила из необходимости создания альтернативного «советскому проекту» объединения свободных и равноправных государств и народов срединной части Евразийского континента [1, с. 69].

Если говорить о иных трактовках сущности евразийства с позиции создания евразийского экономического союза, то их можно описать следующим образом.

Крайне правые идеологи видят в евразийстве одновременно глобальную кампанию против Запада и процесс неоимперской региональной интеграции с центром в Москве.

Более умеренная позиция, которую, сохраняя некоторый националистический подтекст, поддерживают ряд российских государственных должностных лиц и аналитиков, заключается в том, что евразийство – способ для России утвердиться на международной арене.

Третий же вариант отражает более либеральную позицию сторонников ЕАЭС, которые отвергают националистические версии и делают акцент на практических связях

между евразийской интеграцией и международной экономической системой в широком смысле, между Западом и Востоком [2].

Наиболее приемлемой из современных трактовок позиций евразийства нам представляется четвертая, которая сформировалась в последнее десятилетие XX в. в виде «прагматического евразийства» Н. А. Назарбаева. Он, по сути, инициировал новый этап развития евразийства как политического мировоззрения и как интеграционной практики. Евразийская доктрина Н. А. Назарбаева значительно расширила контекст евразийства, придав идеологии классического евразийства особую актуальность и многосторонность. «Евразийская доктрина Н. А. Назарбаева показывает, что будущее евразийства – в поиске оптимального сочетания национальных, региональных и глобальных аспектов. Только в таком случае оно сможет стать сбалансированным форматом конструктивных взаимоотношений в Евразии» [3, с. 9].

На наш взгляд, образование ныне существующего союза стоит рассматривать с учетом обеих теорий в совокупности. Наши государства прошли длительный путь становления как суверенные государства, на котором их история была тесно взаимосвязана, что обуславливает схожесть культурных традиций и менталитета наших народов, а также желание сохранить установленную автономность и суверенность каждого государства, что, в свою очередь не исключает закономерного стремления государств к взаимовыгодному сотрудничеству, которое имеет под собой основополагающую базу в виде определенной коллективной идентичности, в основании которой лежит сформировавшееся сходство в мировоззрении, традициях, обычаях, мифологических представлениях, религиозном сознании и социально-политическом устройстве. Также важное значение в интеграционной модернизации России, Беларуси и Казахстана имеет оставшаяся от Советского Союза производственная специализация, общее языковое пространство, традиционные научно-образовательные и культурные связи [4, с. 14]. При этом, как уже упоминалось ранее, Евразийский экономический союз не стремится к установлению единой обязательной идеологии внутри союза. Однако, по нашему мнению, неверным будет предположение, что возможно создать сильный союз лишь на платформе гармонизации экономических и политических показателей, ведь в основе любого человеческого института лежат духовные идеи и стремления, именно они максимально стимулируют народы идти к общей цели.

Обычно, с научной точки зрения, под идеологией понимается система взглядов и идей, представлений, чувств и верований о целях развития общества и человека, а также о средствах и путях достижения этих целей [5, с. 112]. Анализируя сущность данной категории, можем выделить ее значимость для эффективного взаимодействия в рамках интеграционного объединения.

Отметим, что каждое из государств-членов союза закрепляет на конституционном уровне множественность идеологий, что обуславливает невозможность установления единой обязательной идеологии как на национальном, так и на наднациональном уровне. Однако схожесть ценностных ориентаций каждого из государств-членов союза предоставляет возможность формирования приемлемых для всех ориентиров на пути взаимного сотрудничества, например: обязательное сохранение политического и духовно-культурного суверенитета каждого государства-участника; патриотизм; политическая стабильность; экономическое и социальное развитие на благо всего народа; сохранение культурной самобытности и нравственных ценностей каждого народа.

Одним из основных элементов для построения эффективного интеграционного образования является понимание общности жизненно важных интересов государств в условиях глобализации, цивилизационного противостояния и нарастающей конфликтности в мире. Исходя из вышеизложенного, можем отметить, что, пройдя столь длительный путь становления, современные независимые государства должны взаимо-

действовать между собой на различных уровнях, и одним из наиболее действенных способов установления взаимовыгодного сотрудничества и взаимоподдержки являются интеграционные союзы, которые будут базироваться на чем-то большем, чем установление общих политических либо экономических целей, ведь эффективность таких союзов во многом зависит от вовлеченности каждого народа.

Поэтому мы считаем наличие ценностных предпосылок образования Евразийского экономического союза в виде общности менталитета народов, культурных традиций, идеологической направленности и мировосприятия существенным условием для достижения поставленных целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балытников, В. Евразийский экономический союз: предпосылки создания, проблемы формирования, перспективы развития / В. Балытников, Д. Боклан // Сравнит. конституц. обозрение. – 2015. – № 3 (106). – С. 69–82.
2. Евразийский экономический союз: власть, политика и торговля / Международная кризисная группа. – Режим доступа: <https://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/twmain/opendocpdf.pdf?reldoc=y&docid=57e52a104>. – Дата доступа: 28.03.2019.
3. Селиверстов, С. В. Казахстан, Россия, Турция: по страницам евразийских идей XIX–XXI веков / С. В. Селиверстов. – Алматы : Баспалар уйі, 2009. – 324 с.
4. Бабосов, Е. М. Менталитет славян и учет его особенностей в создании Евразийского союза России, Беларуси и Казахстана / Е. М. Бабосов // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы : материалы VIII Междунар. науч. конф., Гомель, 23–24 мая 2013 г. / М-во образования Респ. Беларусь [и др.] ; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2013. – С. 13–14.
5. Белорусское общество в контексте цивилизационно-культурного кода, социологическое измерение / И. В. Котляров [и др.] ; редкол.: И. В. Котляров (гл. ред.). – Минск : Беларус. навука, 2017. – 392 с.

СОСТОЯНИЕ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МИГРАЦИОННОГО ОБМЕНА МЕЖДУ СТРАНАМИ, ВХОДЯЩИМИ В СОСТАВ СНГ И ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

С. А. Пушкевич

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

С начала 90-х гг. прошлого столетия в Республике Беларусь произошли кардинальные положительные изменения в объемах, интенсивности и направленности миграционных потоков.

Географическое положение страны в центре Европы, стабильная политическая и экономическая ситуация в Республике Беларусь привлекает мигрантов, в особенности из стран Содружества Независимых Государств, и в последнее время из стран вне СНГ.

Динамика структуры внешней миграции населения по странам въезда и выезда в 2000 и 2017 гг. представлена на рис. 1.

Как видно из данных на рис. 1, за период 2000–2017 гг. произошли значительные изменения в структуре стран-доноров мигрантов для Беларуси. Так, если в 2000 г. основной объем въезжающих в нашу страну составляли мигранты из России (55,6 % от общей численности иммигрантов); Казахстана (13,8 %); Украины (13,7 %) и стран вне СНГ (10,2 %), то в 2017 г. основными странами-донорами были Россия (31,8 %); страны вне СНГ (29,8 %) и Украина (18,4 %).

В 2017 г. в Беларусь прибыло на постоянное место жительства из стран СНГ 13305 человек (70,2 % от общей численности иммигрантов; из стран вне СНГ – 5656 человек (29,8 %). В 2017 г. Республика Беларусь имела положительное сальдо миграции со странами СНГ – 3747 человек, странами вне СНГ – 127 человек.

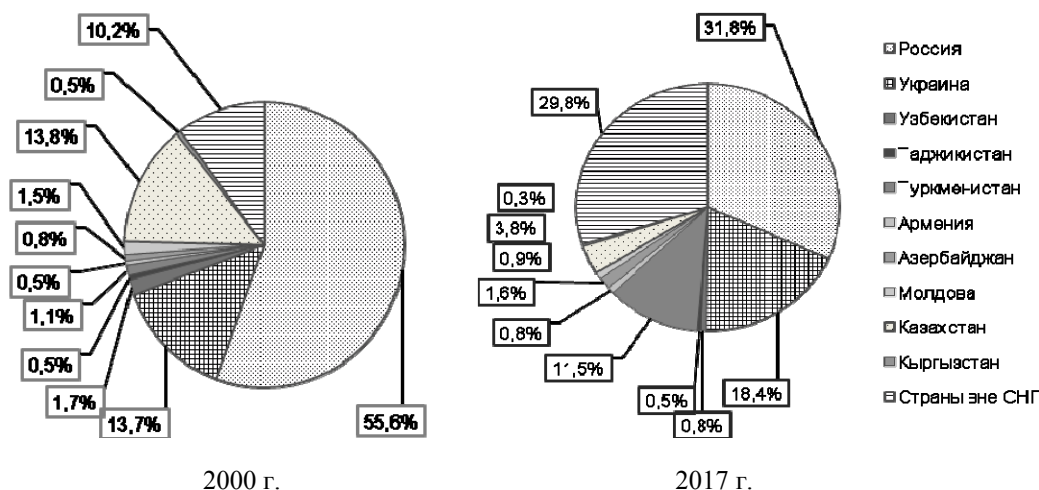

Рис. 1. Динамика структуры стран прибытия мигрантов в Республику Беларусь, 2000 и 2017 гг.

Не менее значительные изменения за период 2000–2017 гг. произошли в структуре стран-реципиентов для белорусских эмигрантов. Если в 2000 г. наибольшее количество граждан Беларуси выехало на постоянное место жительства в страны вне СНГ – 47,6 %; в Россию – 42,4 %; в Украину – 8,2%, то в 2017 г. на первое место выходит Россия – 40,6 %; на второе – страны вне СНГ – 36,6 %; на третье – Украина – 11,8 % (рис. 2).

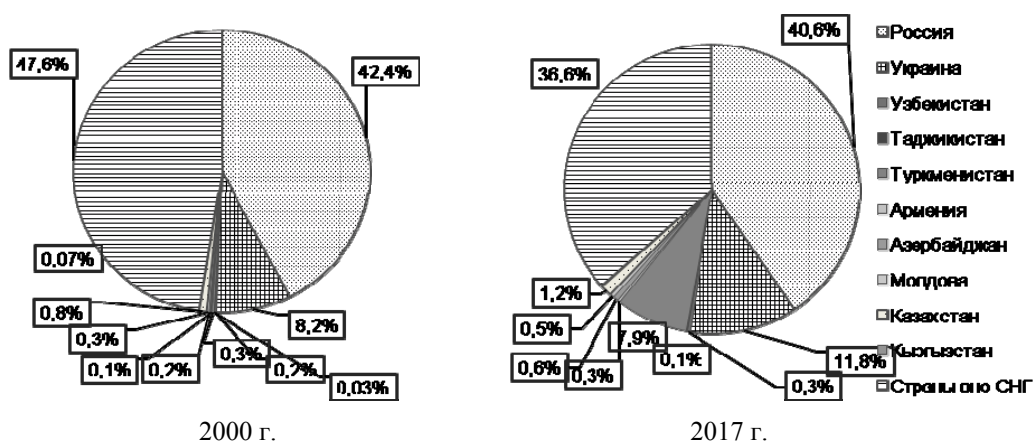

Рис. 2. Структура стран убытия мигрантов из Республики Беларусь, 2000 и 2017 гг.

Всего в 2017 г. в страны СНГ выехало на постоянное место жительства 9558 человек (63,4 % от общей численности эмигрантов); в страны вне СНГ эмигрировали 5529 человек (36,6 %).

Отметим кардинальные особенности характера внешней миграция в последние годы (2014–2016 гг.), которые отражают значительное уменьшение численности выехавших эмигрантов и увеличение численности прибывших иммигрантов. Если раньше основной иммиграционный приток наблюдался из стран СНГ, в том числе России, Украины, Казахстана, на долю которых приходилось около 90 % от общего числа прибывающих в Беларусь, то сегодня произошло значительное увеличение количества граждан Украины, в том числе из Донецкой и Луганской областей. Заявители из Украины составили 76,5 % от общего числа ходатайствующих о защите и явились самой многочисленной группой вынужденных мигрантов, обратившихся с ходатайствами о защите в 2014 г. Из примерно 40 тыс. въехавших для работы иностранных граждан около 13,5 тыс. – граждане Украины.

Наибольший интерес представляет миграционный обмен между странами, входящими в состав Евразийского экономического союза (ЕАЭС), который создан 1 января 2015 г. Первоначально в его состав входили Российская Федерация, Республика Беларусь и Республика Казахстан. 2 января того же года к Союзу присоединилась Республика Армения, а 12 августа – Кыргызская Республика.

Появлению ЕАЭС предшествовало создание в 2001 г. Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), куда вошли Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация и Республика Таджикистан. Одними из важнейших задач Сообщества являлись обеспечение свободного передвижения граждан государств ЕврАзЭС внутри Сообщества и согласование социальной политики с целью формирования сообщества социальных государств, предусматривающего общий рынок труда, единое образовательное пространство, согласованные подходы в решении вопросов здравоохранения, трудовой миграции и др.

ЕАЭС создан в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов. В ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, а также услуг, капитала и рабочей силы и проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики.

Интеграционные процессы не могли не отразиться на процессах миграции населения между странами, входящими в состав Евразийского экономического союза (см. таблицу).

Динамика структуры стран прибытия мигрантов в Республику Беларусь из стран, входящих в Евразийский экономический союз

Страна	Прибывшие, человек				Выбывшие, человек				Сальдо, человек	
	2000 г.	2017 г.	Изменения за 2000–2017 гг.		2000 г.	2017 г.	Изменения за 2000–2017 гг.		2000 г.	2017 г.
			чел.	%			чел.	%		
Россия	14424	6025	8399	+58,2	5854	6125	271	+4,6	8570	–100
Армения	126	156	–30	–23,8	15	41	26	Рост в 2,7 раза	111	115
Казахстан	3590	712	2878	+80,2	110	187	77	+70,0	3480	525
Кыргызстан	132	49	83	+62,9	6	16	10	Рост в 2,6 раза	126	33

Как видим, интеграционные процессы на постсоветском пространстве, к которым относится и создание Евразийского экономического союза, привели к активизации миграционного обмена между странами. За 2000–2017 гг. в полтора раза увеличилась численность прибывших в Беларусь из России; на 80,2 % – из Казахстана; на 62,9 % – из Кыргызстана. За тот же период в 2,7 раза выросла численность выбывших из Беларуси в Армению; в 2,6 раза – в Кыргызстан; на 70 % – в Казахстан.

Особый интерес вызывает трудовая миграция. Договор о ЕАЭС вывел на новый уровень такое направление деятельности, как внешняя трудовая миграция. Раздел XXVI Договора «Трудовая миграция» заложил основы правового регулирования в рамках ЕАЭС в сфере международной трудовой миграции (рис. 3, 4)

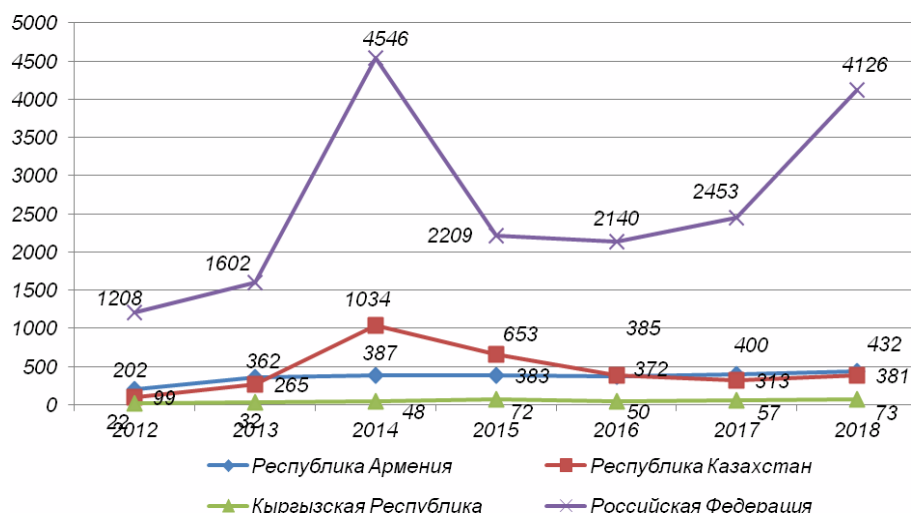

Рис. 3. Численность граждан стран Евразийского экономического союза, въехавших в Республику Беларусь для осуществления трудовой деятельности в 2012–2018 гг.

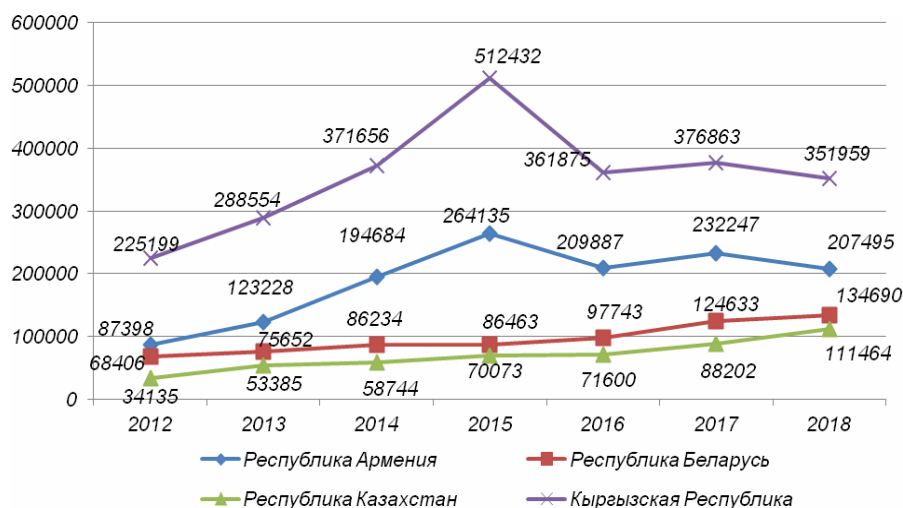

Рис. 4. Численность граждан стран Евразийского экономического союза, въехавших в Российскую Федерацию для осуществления трудовой деятельности в 2012–2018 гг.

Миграционный обмен в области внешней трудовой миграции между Беларусью и Россией в рамках ЕАЭС оказался неравноценен. По данным Департамента трудовой миграции и социальной защиты Евразийской экономической комиссии, за 2012–2018 гг. из Российской Федерации в Республику Беларусь въехали 18284 человека для осуществления трудовой деятельности, а из Республики Беларусь в Российскую Федерацию – 673821 трудовых мигрантов.

Таким образом, предоставляя, по сравнению с СНГ, новые возможности для перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, Евразийский экономический союз формирует вместе с тем и новые реалии в области трудовой миграции. В новых условиях оказываются рынки труда всех стран, входящих в это интеграционное образование. На основе вышеуказанного можно сделать вывод, что в общих чертах в ЕАЭС сформировано правовое пространство, обеспечивающее развитие трудовой миграции. Разработанная нормативная база направлена на защиту прав и гарантий белорусских и российских трудящихся-мигрантов при трудоустройстве в Российской Федерации и Республике Беларусь, соответственно. Вместе с тем необходимо совершенствовать

нормативную базу и ставить вопрос о принятии единого для стран ЕАЭС Закона «О миграции», которым были бы определены основные направления миграционной политики Евразийского экономического союза, регулирующие развитие общего рынка труда и трудовой миграции населения в границах ЕАЭС и обеспечивающие достижение взаимовыгодного сотрудничества в экономической и социальной сферах стран участников Евразийского экономического союза.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ АНОМИИ В ПЕРИОД ПОСТСОВЕТСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

С. Т. Кавецкий, Е. В. Скакун

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, Беларусь

Объективные и субъективные причины распада СССР выявили высокую степень аномичности во всех сферах общества. Е. М. Бабосов, анализируя духовное начало позднего советского общества, отметил: «Социальная жизнь расслоилась на две внутренние, не связанные части: официальную, не подлинную, псевдореальную, провозглашаемую на словах, и неофициальную, подлинную, ни для кого не обязательную. Эти духовные предпосылки надвигающейся катастрофы привели к деструктивному в своей сущности развороту социально-политических процессов, в русле которых осуществляется постепенная замена общественной активности общественной имитацией. Итогом становится крупномасштабная социальная аномия – жизнь вне провозглашенных норм и правил» [1, с. 20].

Переходное состояние постсоветского общества на рубеже XX и XXI вв. значительно ускорило изменения в его социальной структуре. Изменились и продолжают меняться отношения в экономике, политике, перестраивается механизм социальной ориентации, идет интенсивная смена элит. На общественную сцену вышли новые социальные группы, массовые слои изменяют свои качественно-количественные параметры, турбулентным становится «социальное дно», чему способствует неравномерность экономического развития на постсоветском пространстве.

Глубокие и сложные процессы в современном белорусском обществе на рубеже веков: экономические изменения, трансформация социальной структуры, политические и духовные изменения, социальные и другие конфликты происходили в обществе переходного типа, распад СССР и его последствия наложили глубокий отпечаток на все сферы общественной жизни Беларуси. В этот период шел переход от «социализма» к смешанному типу общества, поиск новых путей развития. Общество оказалось в состоянии аномии, т. е. ценностно-нормативного вакуума, характерного для переходного и кризисных периодов, когда старые экономические и социальные нормы уже перестали действовать, а новые еще только устанавливаются.

В рассматриваемый нами период времени сложился глобализационный ряд взаимосвязанных процессов, объединяющих индивидов, группы, сообщества, государства, корпорации, национальные правительства и неправительственные организации в сложные сплетения социальных отношений, стала разрастаться сеть всемирной взаимозависимости. Одной из важнейших причин глобализации является феномен аномии в развитии современного сообщества, проявляющийся в рамках мегааномалий.

Основы теоретико-методологического основания изучения аномии лежат глубоко в недрах европейской цивилизации. Социологический анализ этого явления связан с работами Э. Дюркгейма и Р. Мертон и расширяющимся социологическим полем изучения феномена аномии в XX и начале XXI в.

Мировая социология накопила определенный опыт социологического измерения аномических процессов как способа моделирования социальной реальности. Измере-

ние аномии на микро-, мезо- и макроуровне имеет свои особенности, которые необходимо учитывать в исследовательском процессе.

Если феномен отчуждения (микроаномии) в СССР изучался с марксистских позиций, то более комплексно исследования аномии на всех уровнях проводились на постсоветском пространстве, но адекватные методики социологического измерения этого феномена не представлены на данном социологическом поле.

Анализ аномальных явлений трансформационного периода конца XX – начала XXI в. проводился украинскими социологами Л. Д. Бевзенко, Е. И. Головахой, Н. В. Паниной и др. [2]. Показатели распространенности аномии в первый год независимости Украины превзошли самые пессимистические ожидания. «Как показывали репрезентативные опросы взрослого населения, более 80 % опрошенных были подвержены состоянию аномической деморализованности» [2, с. 6]. Для анализа аномической деморализованности была использована методика изучения социального самочувствия. Полная версия методики измерения интегрального индекса социального самочувствия (ИИСС), включающей 44 вопроса о достаточности социальных благ, впервые была использована в качестве инструментария мониторингового исследования Института социологии НАН Украины в 1995 г. [2, с. 11].

Белорусские социологи в течение последних десятилетий проводили комплексные исследования разных сторон общественной жизни в период системной трансформации общества. Важным представляется социологический анализ в рамках проекта «Исследование мировых ценностей» в 1990–2008 гг. Базовой организацией этого проекта стал Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (ЦСПИ БГУ, руководитель – профессор Д. Г. Ротман); участие в нем принимали также сотрудники Института социологии НАН Беларуси (1990 г.) и лаборатории НОВАК (1996 г.) [4]. Проблемы трансформации белорусского общества были в период 2009–2016 гг. в центре внимания ЦСПИ БГУ [3]. Результаты исследований позволили построить комплексный рейтинг социальной озабоченности граждан постсоветских стран по четырем параметрам (экономика, условия достойной жизни, проблемы окружающей среды, политические проблемы).

Опыт проведения в Беларуси крупных социологических проектов в мониторинговом режиме дает возможность учесть возникновение трудностей для теоретико-методологического обоснования предложенного к рассмотрению «социологического барометра аномии», поскольку системных исследований непосредственно аномических процессов в конце XX – начале XXI в. не проводилось.

В процессе написания диссертационного исследования эмпирическую базу которого составили результаты социологических исследований, проведенных С. Т. Кавецким или при его непосредственном участии на национальном и региональном уровнях на протяжении более чем 20-ти лет, выявлялись аномальные явления во многих областях общественной жизни. Постоянный социологический мониторинг дал возможность предложить авторский подход к изучению феномена аномии, получивший название «социологический барометр аномии» (СБА).

Исследование СБА осуществлялось в два этапа в 2017 и 2018 гг. На первом этапе проводился национальный опрос 40 экспертов, который позволил откорректировать разработанный автором инструментарий. На втором этапе было опрошено 300 респондентов на региональном уровне. Индекс СБА имеет комбинированный характер. Ему предшествовали сравнительные социологические опросы по единой методике 1997, 2005, 2016 гг. В 2017 г. было проведено экспертное национальное исследование, а в 2018 г. – региональное комбинированное исследование во всех сферах общественной жизни и на личностном уровне.

Индекс СБА рассчитывается по следующей формуле:

$$I_{\text{сба}} = \frac{A(1) + B(0,75) + V(0,50) + \Gamma(0,25)}{N},$$

где $I_{\text{сба}}$ – социологический барометр аномии; А, Б, В, Г – число респондентов, избравших соответствующий вариант ответа (А – не хватает; Б – трудно сказать, хватает или нет; В – хватает; Г – не интересует); 1, 0,75, 0,50, 0, 25 – условные корректирующие коэффициенты; N – общее число респондентов.

Полученные индексы СБА суммируются и усредняются. При этом необходимо отметить, что при вычислении комплексного индекса СБА на личностном уровне из четырех показателей жизни респондента значимыми являются два (хватает; не хватает).

Комплексный индекс СБА исчисляется по формуле

$$I_{\text{сба.комп}} = \frac{\sum I_{\text{сба}}}{\Pi},$$

где $I_{\text{сба.комп}}$ – индекс СБА комплексный; $I_{\text{сба}}$ – индекс СБА по комплексным переменным; Π – число избранных переменных.

При этом необходимо отметить, что при вычислении комплексного показателя СБА необходимо учитывать его комбинированный и многоступенчатый характер.

Таким образом, исследование социологического барометра аномии раскрывает вопросы, посвященные всем сферам общества, что дает возможность анализировать аномичные состояния на структурном, личностном и комплексном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабосов, Е. М. Социология катастроф / Е. М. Бабосов // Социс. – 1998. – № 4. – С. 19–25.
2. Головаха, Е. И. Интегральный индекс социального самочувствия населения Украины до и после «оранжевой революции» / Е. И. Головаха, Е. И. Панина // Вестн. обществ. мнения. – 2008. – № 6. – С. 11–16.
3. Актуальные проблемы современного белорусского общества (2011–2016): социологический аспект / под общ. ред. Д. Г. Ротмана, А. Н. Данилова, В. В. Правдивца. – Минск : БГУ, 2016. – 247 с.
4. Ценностный мир современного человека: страны Восточного партнерства, Европейский союз и Россия в международных проектах по изучению ценностей / Д. Г. Ротман [и др.] ; под ред. Д. М. Булышко [и др.]. – Минск : БГУ, 2016. – 219 с.

БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК КАК ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПОЛЬШЕ

К. А. Бобрык

*Естественно-гуманитарный университет, г. Седльце
Факультет экономических и юридических наук, Польша*

Местное самоуправление играет ключевую роль в публичной администрации в Польше. Политические изменения, проведенные в стране на рубеже 80–90-х гг., очень сильно повлияли на его место в структуре управления. Создан механизм широкого участия населения в деятельности местных органов власти, что было закреплено на конституционном уровне. В Основном законе в ст. 16 записано, что «Общность жителей как единица территориального деления составляет в силу закона самоуправляющуюся общину. Местное самоуправление принимает участие в осуществлении публичной власти. Принадлежащую ему в пределах закона власть решения общественных задач самоуправление выполняет от собственного имени, под собственную ответственность» [12]. Признано, что

общественные задачи, служащие удовлетворению потребностей самоуправляющейся общины, выполняются местными органами самоуправления (ст. 166). Территориальное самоуправление выполняет общественные задачи, не закрепленные Конституцией или законами за органами иных публичных властей (ст. 163) [12].

Закон «О местном самоуправлении» определяет 20 основных направлений деятельности муниципальных органов власти. Они ориентированы, в первую очередь, на решение общественных вопросов местного значения. Местное самоуправление, представляющее население, проживающее в данной административной единице, также должно учитывать его разнообразие. Это особенно должно быть учтено в учреждениях государственного образования, в функционировании учреждений культуры, сотрудничестве с отдельными местными меньшинствами, сотрудничестве городов-побратимов [14]. Данное сотрудничество также предполагает использование языка национальных меньшинств.

Гарантия сохранения прав национальных меньшинств закреплена в Конституции. В ст. 35 написано: «Республика Польша гарантирует право сохранения польским гражданам, принадлежащим к национальным и этническим меньшинствам, свободу сохранения и развития собственного языка, сохранения обычаев и традиций, а также развития собственной культуры» [12]. Многие из этих задач на практике выполняются местными органами власти. Права национальных меньшинств были определены в Законе от 6 января 2005 г. Указано в нем, что он регулирует вопросы сохранения и развития культурной идентичности национальных меньшинств, а также сохранения и развития регионального языка, реализации принципа равноправия граждан, независимо от их происхождения, а также определяет задачи и компетенции органов государственной администрации и муниципальных органов в данной сфере деятельности. В ст. 6 принято, что административные органы обязаны принимать соответствующие меры для обеспечения полного равенства «в сфере экономической, общественной, политической и культурной деятельности между всеми гражданами, в том числе и представителями нацменьшинств; защиты лиц, являющихся объектом дискриминации, вражды или насилия, по причине принадлежности к нацменьшинству; укрепления межкультурного диалога» [15].

После Второй мировой войны доля национальных меньшинств в структуре населения Польши значительно сократилась. Это было результатом изменения границ, обмена населением с СССР и другими миграционными движениями. Политика государственных органов власти в то время была ориентирована на постепенную ассимиляцию меньшинств. Разрешено было функционировать только нескольким организациям, школам, средствам массовой информации и культурным учреждениям. В целом это была очень ограниченная сфера деятельности. Одними из меньшинств, которые воспользовались этими возможностями, были белорусы. Компактно проживали они в Подляской области. Однако раньше они не могли в полной мере реализовать свои ожидания как нацменьшинство, потому что у местных органов власти не было соответствующих полномочий. Белорусский язык функционировал в школах, учреждениях культуры, издавался еженедельник «Нива», была белорусская радиопрограмма, действовала одна белорусская общественная организация, но не было возможности использования белорусского языка в качестве вспомогательного в администрации [13].

Последствием социально-политических изменений в конце 80-х гг. XX в. стала также отмена всех ограничений деятельности национальных общин. Они получили свободу в организации своей деятельности и функционировании, а государственные институты власти наделены полномочиями создания условий для развития и укрепления принципов мультикультурализма [6, с. 74]. В Польше проживают представители 109 национальностей [2, с. 224]. В принципе они не формируют больших сообществ. Одним из наиболее значимых нацменьшинств на территории современной Польши яв-

ляются белорусы. Они даже имеют своих представителей в местных органах власти, что дает больше возможностей влияния на управление в местных государственных учреждениях [8, с. 385–413]. Белорусское национальное меньшинство является одним из девяти нацменьшинств, официально признанных Республикой Польша.

Закон о меньшинствах четко определяет границы защиты языка нацменьшинств, которые имеют закрепленное законом право свободного использования своего языка в общественной и личной жизни; распространения информации на языке меньшинства; обучения языку меньшинства или на языке меньшинства (ст. 8). Особое значение для повышения статуса языка и признания ему официального статуса является назначение его как вспомогательного в органах местного самоуправления. Однако важным условием для его введения в использование является требование наличия определенного числа граждан, проживающих на данной территории и принадлежащих к нацменьшинству. Вспомогательный язык может применяться только в гминах, где количество жителей гмины, причастных к меньшинству, язык которого должен применяться как вспомогательный, составляет не менее 20 % от общего количества всех жителей гмины по итогам переписи населения. Вспомогательный язык не вводится автоматически, по причине присутствия представителей нацменьшинства, а только после проведения определенных процедур. Наиболее важным является заявление совета гмины (ст. 10). Установление данного языка в качестве вспомогательного означает, что лица, принадлежащие меньшинству, имеют право: «обращения в органы гмины на вспомогательном языке в письменном или устном виде; получения по запросу ответа также на вспомогательном языке в письменном или устном виде. Допускается подача заявления на вспомогательном языке. Подача заявления на вспомогательном языке не является недостатком, который позволяет оставить заявление без ответа или соответствующего разъяснения» (ст. 9) [15]. Поддержкой популяризации использования вспомогательного языка является также тот факт, что сотрудники местных органов власти, которые знают язык меньшинства, что должно быть подтверждено соответствующим документом, имеют право на надбавку к заработной плате (ст. 11) [15].

Кроме того, в муниципалитете могут использоваться дополнительные названия городов и улиц на языке меньшинства, что, однако, требует проведения отдельной процедуры признания (ст. 11). Следует также подчеркнуть, что лица, принадлежащие к меньшинствам, имеют право использовать свои имена и фамилии в документах в соответствии с правилами и правописанием своего родного языка (ст. 11). Однако белорусские фамилии транслитерируются, приспособиваясь к латинскому алфавиту [15]. Закон, принятый в Польше, особенно в сфере использования родного языка, был в значительной степени ответом на международные обязательства Польши и требования национальных меньшинств, в том числе белорусов [7, с. 454; 9, с. 105].

Согласно последней Национальной переписи населения, проведенной в 2011 г., 43880 человек декларировались как белорусы. В 9 гминах, входящих в Подляскую область, белорусы составляют более 20 % населения, что дает право использования Закона о введении вспомогательного языка. Тем не менее, он был введен только в 5 гминах: Хайнувка (городское самоуправление); Чиже, Хайнувка (сельское самоуправление); Наревка, Орла. В последней гмине, как единственной, были введены в использование также названия деревень на белорусском языке [16]. По причине отсутствия инициативы со стороны белорусского нацменьшинства, несмотря на предоставления законодательной властью возможности использования белорусского языка как вспомогательного, данный язык используется не в полной мере. Можно было бы ввести его использование еще в четырех единицах местного самоуправления: Бельск-Подляски (сельское самоуправление), Дубиче-Церковне, Клещеле, Нарев [11].

Эльжбета Чиквин отмечает, что идентичность белорусского меньшинства основана на трех фундаментах, а именно: земля, язык и православная вера [10, с. 36]. Следует

отметить, что процесс ограничения влияния белорусского языка наблюдается уже несколько десятилетий, и в последние годы он прогрессирует. Миграция сельского населения в город ускоряет процессы ассимиляции [3, с. 90–91]. Все больше верующих Православной церкви декларируются как поляки при определении своей национальности [4, с. 14]. В результате этих процессов сокращается использование белорусского языка в повседневной жизни. В качестве родного языка белорусский указали в последней переписи только 16202 человека, что составило только 37 % от общего числа тех, кто декларировался как белорус [5, с. 189–190]. Одним из основных механизмов, ограничивающих процесс ассимиляции среди белорусов, является система белорусского просвещения [1, с. 248, 253]. Несомненно, существенную роль играет тоже присутствие белорусского языка в общественной сфере, прежде всего, его функционирование в качестве вспомогательного. Это повышает статус не только самого языка, но и, в первую очередь, национальности. Как показывает практика использования белорусского языка органами местного самоуправления, язык нацменьшинств может быть полезен не только в личной жизни, но и в управлении. В значительной степени вспомогательный язык способствует повышению групповой сплоченности и солидарности, показывая потенциал сообщества и возможность достижения национальных идей. Данные социальные процессы способствуют формированию всего сообщества, проживающего на территории местного самоуправления, с учетом фактора мультикультурализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобрык, А. В. Влияние системы образования на формирование общины. Школьная система белорусского меньшинства в Польше / А. В. Бобрык, Ц. Калита // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы : материалы X Междунар. науч. конф., Гомель, 25–26 мая 2017 г. / М-во образования Респ. Беларусь [и др.] ; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2017. – С. 247–234.
2. Бобрык, А. Национальные меньшинства Польши в процессе общественной перемены. Вопрос численности / А. Бобрык // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы : материалы IV Междунар. науч. конф., Гомель, 26–27 мая 2005 г. / М-во образования Респ. Беларусь [и др.] ; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2005.
3. Бобрык, А. Подход белорусского меньшинства, проживающего в Польше, к родному языку / А. Бобрык // Праблемы развіцця, функцыянавання і нармавання лексікі беларускай мовы / гал. рэд. Д. Д. Паўлавец. – Гомель, 2004.
4. Бобрык, А. Региональная тождественность польско-белорусского пограничья / А. Бобрык // Рэгіянальная геаграфія: праблемы развіцця і выкладання : зб. навук. арт. / гал. рэд. М. І. Вішнеўскі. – Магілёў, 2004.
5. Bobryk, A. Attitudes towards the Mother Tongue as an Identity Manifestation of National and Ethnic Minorities in Poland / A. Bobryk ; editorial board: V. Yevtukh [et al.] // Identities of Central-Eastern European Nations. – Kyiv, 2016.
6. Bobryk, A. Policy and the national minorities in Poland. Social and philosophical aspect / A. Bobryk, C. Kalita // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. – 2015. – 1–12.
7. Browarek, T. Uwarunkowania polityki etnicznej państwa polskiego po 1989 roku / T. Browarek. – Lublin, 2018.
8. Historia Białorusinów Podlasia / P. Chomik [et al.]. – Białystok, 2016.
9. Chałupczak, H. Mniejszości narodowe w Polsce 1918–1995 / H. Chałupczak, T. Browarek. – Lublin, 2000.
10. Czykwin, E. Białoruska mniejszość narodowa. Problem asymilacji w kontekście stygmatu społecznego / E. Czykwin ; edytor T. Zaniewska // Białorusini. – Warszawa, 2010. – S. 36.
11. Gminy, w których udział mniejszości narodowych, etnicznych lub społeczności posługującej się językiem kaszubskim wśród ogółu mieszkańców stanowił w 2011 roku co najmniej 10 %. – Tryb dostępu: <http://mniejszosci.narodowe.mswia.gov.pl/mne/mniejszosci/wyniki-narodowego-spis/8022,Gminy-w-ktorych-udzial-mniejszosci-narodowych-etnicznych-lub-spolesznosci-poslug.html>.
12. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 1997 r. // Dziennik Ustaw. – 1997. – № 78. – Poz. 483.
13. Mironowicz, E. Polityka narodowościowa PRL / E. Mironowicz. – Białystok, 2000.
14. Ustawa z dnia 8 marca 1990 r. o samorządzie gminnym // Dziennik Ustaw. – 2018. – Poz. 994–1000.
15. Ustawa z dnia 6 stycznia 2005 r. o mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym // Dziennik Ustaw. – 2005. – № 17. – Poz. 141.

16. V Raport dotyczący sytuacji mniejszości narodowych i etnicznych oraz języka regionalnego w Rzeczypospolitej Polskiej. – 2015. – Tryb dostępu: <http://mniejszosci.narodowe.mswia.gov.pl/mne/prawo/ustawa-o-mniejszosciac/raporty-ustawowe/9711,V-Raport-dotyczacy-sytuacji-mniejszosci-narodowych-i-etnicznych-oraz-jezyka-regi.html>.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАУЧНЫХ КАДРОВ В РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

И. Н. Шарый

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

В конце первого десятилетия XXI в. в России началось осуществление широко-масштабной системы мер по воспроизводству научных кадров, была создана многоуровневая система реализации политики в области воспроизводства научных кадров. Координационный Совет по делам молодежи в научной и образовательной сферах Совета при Президенте Российской Федерации по науке, технологиям и образованию был создан в 2007 г. Совет принял активное участие в разработке мер по регулированию воспроизводства научных и научно-педагогических кадров, которые были реализованы в Федеральной целевой программе (ФЦП) «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 апреля 2008 г. № 440-р. Целью программы было создать условия для эффективного воспроизводства научных и научно-педагогических кадров и закрепления молодежи в сфере науки, образования и высоких технологий [1]. В Концепции подчеркивалось, что в период перевода экономики на инновационный путь развития «необходимо усилить роль государства в привлечении современных научных и научно-педагогических кадров в сферу науки, образования и высоких технологий, а также закрепления их в этой сфере как основы для осуществления преобразований» [2]. Отмечалось, что в настоящее время невозможно эффективно решить проблему эффективного воспроизводства научных и научно-педагогических кадров только за счет использования действующих рыночных механизмов [2].

Программа была нацелена на повышение качества возрастной и квалификационной структуры кадрового потенциала сферы науки, позволяющего преодолеть негативную тенденцию повышения среднего возраста исследователей, создание многоуровневой системы стимулирования притока молодежи в сферу науки, образования и высоких технологий [1]. Как показал анализ, основная часть (55 %) финансовых ресурсов программы была предназначена для проведения НИОКР молодыми учеными. Третью часть всех расходов составляли затраты на строительство общежитий для студентов, молодых ученых и приглашенных преподавателей. Остальные средства предусматривались для проведения молодежных научных конференций, школ, олимпиад и конкурсов. Основная доля финансирования НИОКР приходилась на естественные и технические науки, по 40 %, соответственно. На гуманитарные науки предусмотрено 10 % финансирования, столько же – на финансирование исследований в интересах высокотехнологичных секторов науки [1]. ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» закончилась в 2015 г. (после решения о ее продлении в 2013 г.), однако принцип бюджетной поддержки российской науки сохранен.

Таким образом, осуществление крупномасштабных мер, направленных на развитие науки и воспроизводство ее кадрового потенциала, потребовало существенного увеличения доли бюджетного финансирования. В России 2/3 расходов на исследования и разработки финансируется за счет бюджетных источников [3]. Это характеризует особенности

государственной научной политики на нынешнем этапе развития науки России, когда остро стоит проблема сохранения численности ученых. Как показывают исследования, обеспечение стабилизации и роста численности исследователей непосредственно связано с проблемой воспроизводства кадрового потенциала науки [4].

При анализе особенностей процесса воспроизводства научных кадров в России необходимо учитывать, что после 2000 г. осуществлялось крупномасштабное реформирование научно-образовательной сферы, которое включало развитие исследовательских университетов – высших учебных заведений, осуществляющих на высоком уровне образовательную и научную деятельность. Темпы прироста численности работников высшей научной квалификации в сфере образования были выше, чем в академическом и предпринимательском секторах науки.

Позитивные изменения в динамике кадрового потенциала российской науки были во многом связаны с реализацией поэтапного повышения заработной платы в период с 2012 по 2018 г. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» для совершенствования государственной социальной политики было предусмотрено к 2018 г. обеспечить повышение средней заработной платы врачей, преподавателей образовательных учреждений высшего образования и научных сотрудников до 200 % от средней заработной платы в соответствующем регионе, а также увеличить к 2020 г. число высококвалифицированных работников, чтобы оно составляло не менее трети от числа квалифицированных работников [5]. С учетом поступлений по грантам в 2018 г. во всех субъектах Российской Федерации средние заработные платы научных сотрудников организаций, которые входили в РАН, составили 200 % и более от средней заработной платы в регионах [6].

Как показал анализ, с 2000 по 2017 г. численность исследователей в России сократилась на 13 %. За этот период число докторов наук выросло на 25 %. Численность кандидатов наук с 2000 по 2015 г. почти не изменилась.

Перспективы реализации политики в области воспроизводства научных кадров связаны с реализацией национального проекта «Наука» (2018–2024 гг.). Цель – обеспечить присутствие Российской Федерации в числе пяти ведущих стран мира, осуществляющих научные исследования и разработки. Одна из задач проекта – обеспечить рост количества исследователей, что должно позволить России сохранить 4 место в мире по этому показателю [7].

Национальный проект «Наука» включает три проекта: 1) развитие научной и научно-производственной кооперации; 2) развитие передовой инфраструктуры для проведения исследований и разработок в Российской Федерации; 3) развитие кадрового потенциала в сфере исследований и разработок. Цель проекта «Развитие кадрового потенциала в сфере исследований и разработок» – формирование целостной системы подготовки и профессионального роста научных и научно-педагогических кадров, обеспечивающей условия для осуществления молодыми учеными научных исследований и разработок, создания научных лабораторий и конкурентоспособных коллективов. Как показал анализ, большинство задач проекта ориентированы на молодых ученых и повышение эффективности аспирантуры. Так, предусмотрена грантовая поддержка научных и научно-технических проектов аспирантов, поставлена задача повысить долю аспирантов, которые по окончании обучения предоставят диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук, предусмотрено повышение числа аспирантов, успешно защитивших диссертационную работу и выбравших карьеру исследователя или преподавателя [7]. Поставлена задача поддержать научные проекты по приоритетам научно-технологического развития, не менее 50 % из них осуществляются под руководством

молодых перспективных исследователей, а также создание новых лабораторий, не менее 30 % из которых будут возглавляться молодыми исследователями. Предусмотрено увеличение доли молодых исследователей на 25 %.

Меры поэтапного повышения заработной платы в сфере исследований и высшего образования, реализация активной политики в области воспроизводства научных и научно-педагогических кадров способствовали тому, что в России удалось предотвратить сокращение численности научных кадров высшей квалификации за период с 2000 по 2015 г. Значительно выросла доля исследователей в возрасте до 39 лет. Одна из задач национального проекта «Наука» – обеспечить рост численности исследователей, а также увеличить долю исследователей в возрасте до 39 лет в общей численности исследователей: с 43,3 % в 2018 г. до 50,1 % в 2024 г. [7].

Проведенный анализ показывает, что роль государственного регулирования воспроизводства научных кадров повышается. Политика в области воспроизводства научных кадров в России носит долгосрочный, комплексный характер, включая такие компоненты, как «молодежная политика», «программно-целевой подход», «политика в области заработной платы в науке». Перспективы реализации политики в области воспроизводства научных кадров связаны с реализацией национального проекта «Наука», совершенствованием мотивационно-стимулирующего механизма научно-исследовательской деятельности, разработкой системы мер по повышению эффективности аспирантуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России». – Режим доступа: <https://docplayer.ru/58135776-Federalnaya-celevaya-programma-nauchnye-i-nauchno-pedagogicheskie-kadry-innovacionnoy-rossii-na-gody.html>. – Дата доступа: 08.02.2019.
2. Концепция федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы». – Режим доступа: <http://uchebana5.ru/cont/2038270.html>. – Дата доступа: 07.03.2019.
3. Об итогах деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации. – Режим доступа: https://minobr-ga.ru/upload/%D0%9E%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82_%D0%9C%D0%9E%D0%9D_2018.pdf. – Дата доступа: 29.03.2019.
4. Шарый, И. Н. Основные тенденции изменения численности и воспроизводственной структуры научных кадров в Республике Беларусь / И. Н. Шарый // Социол. альманах. – Минск : Беларус. навука, 2017. – Вып. 8. – С. 323–331.
5. О мероприятиях по реализации государственной социальной политики. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70170950/>. – Дата доступа: 08.02.2019.
6. По министерскому счету. Зарплаты ученых растут небывалыми темпами. – Режим доступа: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=0bc517dd-9b3b-436d-a7c3-d97fcda929a0#content>. – Дата доступа: 08.02.2019.
7. Паспорт национального проекта «Наука». – Режим доступа: <http://government.ru/projects/selection/740/35565/>. – Дата доступа: 27.03.2019.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РАМКАХ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

М. И. Артюхин

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

В современном мире важным фактором социально-экономического развития большинства стран становится международная трудовая миграция населения. Она способствует более рациональному использованию трудовых ресурсов и оказывает непосредственное влияние на формирование национального рынка труда и социального положения трудоспособного населения как в стране-доноре, так и в стране-реципиенте.

Сегодня перед Беларусью стоят стратегические задачи совершенствования государственной миграционной политики, вытекающие из особенностей современного демографического, экономического и политического развития. Важнейшая из них – обеспечение потребности белорусского рынка труда в дополнительной рабочей силе в условиях сокращения численности национальных трудовых ресурсов за счет привлечения международных трудовых мигрантов. Решение этой задачи возможно путем создания действенных социально-экономических механизмов, обеспечивающих минимизацию негативных социально-политических последствий внешней трудовой миграции, и превращения трудовой миграции из фактора, осложняющего социально-экономическое развитие Беларуси, в фактор, способствующий ее поступательному развитию.

Как известно, основным потребителем белорусских трудовых мигрантов является Россия. Во многом это связано с тем, что Беларусь и Россия подписали Договор о создании Союзного государства, в рамках которого поставлена задача формирования единого экономического пространства и единого рынка труда. Важным шагом к построению единого рынка труда и миграционного пространства стало подписание в январе 2006 г. Соглашения об обеспечении равных прав граждан Республики Беларусь и Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства на территориях государств-участников Союзного государства. В соответствии с Договором граждане Республики Беларусь в России, как и граждане России, находящиеся на территории Беларуси, пользуются исключительным привилегированным статусом по сравнению с мигрантами из других государств (белорусы и россияне являются одновременно гражданами Союзного государства). Кроме того, Россия привлекательна для белорусов тем, что россияне и белорусы наиболее толерантно воспринимают друг друга, имеют общие религиозные и культурные корни, также не существует и языкового барьера. Все это способствует интенсивному миграционному обмену между Россией и Беларусью в области общего рынка труда. При этом декларируется, что трудовая миграция населения в границах Беларуси и России имеет своей целью достижение взаимовыгодного сотрудничества в экономической и социальной сферах стран-участников Союзного государства.

В Беларуси государственная статистика процессов внешней трудовой миграции населения не дает полноценной картины внешней трудовой миграции населения. Это связано с тем, что Беларусь со многими странами СНГ имеет режим безвизового передвижения населения. В результате учет и определение реальных масштабов внешней трудовой миграции населения Беларуси затруднены. Специалисты и эксперты определяют ежегодный объем внешней трудовой миграции в Беларуси в количестве 100–300 тыс. человек.

Основным источником статистических данных, позволяющих отслеживать направления и объемы внешней трудовой миграции в Республике Беларусь, является численность трудовых мигрантов, которые выезжают за границу и въезжают в Беларусь для работы на основе договоров и контрактов, заключенных при посредстве организаций-лицензиатов.

Анализ данных организаций-лицензиатов показывает, что за период 2000–2017 гг. общее количество трудовых эмигрантов из Беларуси на основе договоров и контрактов составило 103,6 тыс., а трудовых иммигрантов – 169,4 тыс. Страновое распределение выездов трудовых мигрантов за границу для работы на основе заключенных договоров и контрактов за период 2000–2017 гг. представлено на рис. 1.

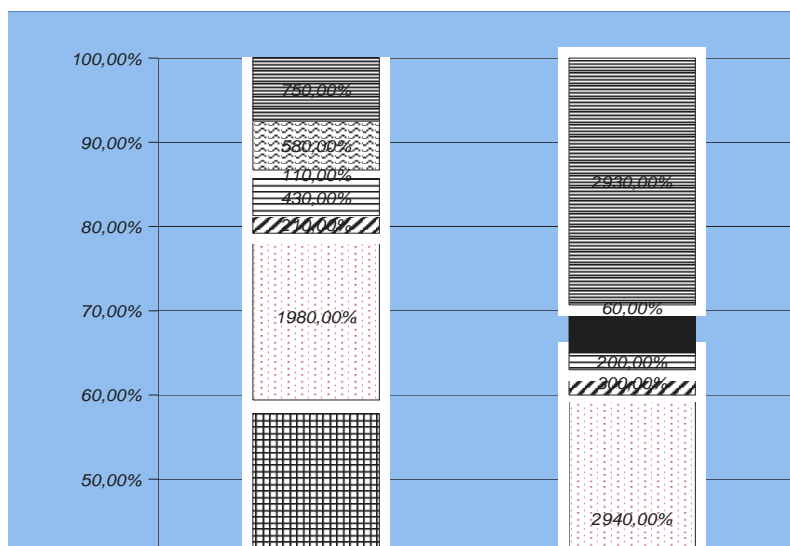

Рис. 1. Страновое распределение численности трудовых мигрантов, выехавших за границу для временной работы на основе заключенных договоров и контрактов за период 2000–2017 гг., %

Как видим, 61,0 тыс. человек или 60 % от общей численности трудовых мигрантов, выехавших за границу для временной работы на основе заключенных договоров и контрактов за период 2000–2017 гг., приняла Россия. Для сравнения – за этот период в США выехало 20,5 тыс. человек (19,8 %); в Польшу – 6,0 тыс. человек (5,8 %); в Великобританию – 4,4 тыс. человек (4,3 %); в Германию – 2,2 тыс. человек (2,1 %); в Молдову – 1,1 тыс. человек (1,1 %).

Другим источником объемов внешней трудовой миграции являются сведения о трудовых мигрантах, въехавших в страны СНГ для осуществления трудовой деятельности. Наиболее полная статистика по внешней трудовой миграции представлена Департаментом трудовой миграции и социальной защиты Евразийской экономической комиссии.

Сведения о миграционном обмене между Беларусью и Россией как членами Евразийского экономического союза в области трудовой миграции за 2012–2018 гг. представлены в таблице.

Из данных таблицы следует, что если в 2012 г. численность граждан Республики Беларусь, въехавших в Российскую Федерацию для осуществления трудовой деятельности, составляла 68,4 тыс. человек, то в 2018 г. – 134,7 тыс. человек. Всего за 2012–2018 гг. общая численность белорусских трудовых мигрантов, выехавших из Республики Беларусь для осуществления трудовой деятельности в Российской Федерации, составила 673,8 тыс. человек. Такой масштабный отток рабочей силы из Беларуси только в Россию ставит много проблемных вопросов. Признавая положительные для Беларуси стороны трудовой миграции в границах Союзного государства, которая позволяет снизить проблему безработицы, обеспечить приток денежных поступлений из-за рубежа, следует признать и негативные последствия неконтролируемого оттока высококвалифицированных трудовых ресурсов. В ряде случаев он может привести к снижению технологического потенциала ведущих отраслей национальной экономики и стать серьезным экономическим вызовом для Беларуси. На это обратил внимание Президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко в своем выступлении на республиканском семинаре-совещании о повышении эффективности строительного комплекса Беларуси, которое состоялось 23 ноября 2018 г. В своем выступлении Глава белорусского государства отметил, что «важнейшими задачами строительной отрасли являются сохранение и развитие

кадрового потенциала. В последние годы идет серьезный отток специалистов. За пять лет отрасль потеряла более 50 тыс. рабочих, лучших рабочих и специалистов. Они уезжают на заработки за границу».

**Сведения о миграционном обмене между Беларусью и Россией как участниками
Союзного государства в области трудовой миграции за 2012–2018 гг., человек**

Представители трудовой миграции	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	Всего за 2012– 2018 гг.
Российские трудовые мигранты, въехавшие в Республику Беларусь для осуществления трудовой деятельности	1208	1602	4546	2209	2140	2453	4126	18284
Белорусские трудовые мигранты, въехавшие в Российскую Федерацию для осуществления трудовой деятельности	68406	75652	86234	86463	97743	124633	134690	673821

Таким образом, можно сделать вывод, что в общих чертах сформировано правовое пространство, обеспечивающее развитие трудовой миграции в рамках Союзного государства. Разработанная нормативная база направлена на защиту прав и гарантий белорусских и российских трудящихся-мигрантов при трудоустройстве в Российской Федерации и Республике Беларусь, соответственно. Однако необходимо законодательно закрепить основные направления развития и совершенствования миграционной политики России и Беларуси, приняв единый для России и Беларуси закон Союзного государства «О миграции», которым были бы определены основные направления миграционной политики Союзного государства Беларуси и России, регулирующие развитие общего рынка труда и трудовой миграции населения в границах Беларуси и России и обеспечивающие достижение взаимовыгодного сотрудничества в экономической и социальной сферах стран-участников Союзного государства.

**К ВОПРОСУ МИНИМИЗАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ
КАТАСТРОФЫ В РАМКАХ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА
БЕЛАРУСИ И РОССИИ**

Д. М. Демичев

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

Перевернута еще одна страница трагической летописи Беларуси и ее народа: 26 апреля 2019 г. исполнилось 33 года со дня одного из самых драматических событий XX века – Чернобыльской катастрофы, последствия которой исторически длительный период будут сказываться как на живущих, так и на будущих поколениях людей.

Ионизирующему воздействию радиоактивных осадков «чернобыльского» выброса прямо или косвенно подверглось около 5 млн человек, проживающих в 17 европейских государствах. На территории бывшего СССР радиоактивные вещества выпали в основном тремя крупными пятнами – в Беларуси, Украине и преимущественно западных областях России, где располагалось около 5 тыс. населенных пунктов.

Изменившиеся в результате Чернобыльской катастрофы условия жизни, труда и быта населения пострадавших регионов, характер его психологического и морального состояния не могли не отразиться на показателях здоровья людей. При этом медико-биологические последствия катастрофы (как бы ни пытались их занизить в последние годы всевозможные эксперты и комиссии по линии ООН) оказались значительно серьезнее и многообразнее. Ведь согласно докладу ООН, опубликованному в Нью-Йорке в 2002 г., Чернобыльская катастрофа рассматривается уже не как катастрофа, не даже как незначительная технологическая авария, а просто пожар, в результате которого погибло всего несколько десятков человек, а ее негативные последствия преувеличены и в основном связаны с радиофобией и непродуманным переселением.

К настоящему времени накоплен достаточно обширный и убедительный материал о воздействии радионуклидов на человеческий организм, доказывающий, что ионизирующее излучение вызывает не только непосредственные биологические эффекты, но и может приводить к возникновению заболеваний в течение всей жизни человека.

Проведенное за послеаварийный период комплексное исследование социальных последствий Чернобыльской катастрофы с участием социологических служб Беларуси, Украины и России (в том числе Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси, Белорусским институтом информации и прогноза, Белорусской социологической службой «Общественное мнение», Независимым институтом социально-экономических и политических исследований) показывает, что процессы и явления, происходящие в подвергшихся радиоактивному загрязнению регионах и сопредельных с ними территориях, после апреля 1986 г. оказали и продолжают оказывать существенное влияние на социально-психологический статус населения.

Несмотря на проводимую государственными органами трех пострадавших государств работу по минимизации последствий Чернобыльской катастрофы, негативное отношение граждан к властным структурам в районах радиоактивного загрязнения и далеко за их пределами, к сожалению, не уменьшается.

Исключительно важное значение в минимизации последствий Чернобыльской катастрофы имеют совместные усилия государственных органов Российской Федерации и Республики Беларусь в рамках Союзного государства. Координация деятельности по эффективному сотрудничеству между двумя странами в данном направлении началась по существу с момента приобретения ими статуса независимых государств. Если в 1991–1992 гг. проблемы минимизации последствий Чернобыльской катастрофы в Республике Беларусь и Российской Федерации решались в рамках национальных мероприятий и программ на основе собственной нормативной правовой базы, то в последующие годы данная проблема все больше стала выходить на межгосударственный уровень.

После подписания 2 апреля 1997 г. в Москве Договора об образовании Союза Беларуси и России, его ратификации и Устава данного Союза от 23 мая 1997 г. Постановлением Исполнительного комитета Союза Беларуси и России от 10 июня 1998 г. № 1 была утверждена Программа совместной деятельности по преодолению последствий Чернобыльской катастрофы в рамках Союза Беларуси и России на 1998–2000 гг. [1].

С вступлением в силу Договора о создании Союзного государства Беларуси и России от 8 декабря 1999 г. и его ратификации проблемы минимизации последствий Чернобыльской катастрофы выходят на новый, качественно более содержательный уровень.

В результате реализации Программы совместной деятельности по преодолению последствий Чернобыльской катастрофы в рамках Союза Беларуси и России получены ощутимые результаты, позволяющие планировать и реализовывать совместную дея-

тельность по решению медицинских, социальных, экологических и других проблем, связанных с последствиями Чернобыльской катастрофы.

В качестве основного административно-финансового инструмента по минимизации последствий Чернобыльской катастрофы в Республике Беларусь выступают государственные программы, каждая из которых содержит комплекс дополняющих друг друга мероприятий в различных сферах – от социальной защиты пострадавшего населения до организации радиационного контроля.

Существенным дополнением к государственным «чернобыльским» программам Республики Беларусь являются программы совместной деятельности по минимизации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС в рамках Союзного государства Беларуси и России.

Вместе с тем в настоящее время во всех государствах и регионах, пострадавших в результате Чернобыльской катастрофы, осуществляется переход в длительную и затяжную стадию ее отдаленных последствий. На загрязненных радионуклидами цезия-137 и стронция-90 землях эти радиоэлементы продолжают оставаться в корнеобитаемом слое и даже переходят в свободную, более доступную для растений форму, а следовательно, в большей степени стали включаться в пищевые цепочки. Кроме того, за последние годы начался распад «горячих» частиц с высвобождением миграционно подвижных радионуклидов, легко поступающих и накапливающихся в организме человека, увеличивая тем самым риск для здоровья человека. Одновременно наблюдается переход плутония-241 в америций-241, который, будучи альфа-излучателем, является намного опаснее плутония.

Данные обстоятельства требуют не свертывания, а, наоборот, усиления научных исследований в данной сфере и осуществления дополнительных правовых и организационно-практических мер, направленных на снижение поступления радионуклидов в организм человека по цепи «почва–растение–продукты–человек».

В ряде пораженных радиацией регионов теряется и то положительное, что было сделано в первые годы после аварии: не везде в нужных объемах проводится известкование кислых почв, позволяющее снизить поступление радионуклидов в 1,5–2 раза; меньше стало вноситься удобрений, и особенно минеральных, скрепляющих распространение радиоизотопов. Все это привело к повышению за последние годы производства радиоактивно загрязненной сельскохозяйственной продукции в отдельных регионах.

В целях обеспечения получения чистых продуктов питания необходима разработка основополагающего нормативного правового акта в рамках Союзного государства – *Межгосударственной долговременной программы повышения плодородия почв и радиационно-защитных технологий производства растениеводческой и животноводческой продукции в радиоактивно загрязненных зонах*, учитывающей указанные выше обстоятельства. Данная Программа должна включать правовые нормы и регламенты безопасной производственной деятельности в агропромышленном комплексе двух государств, радиационно-гигиенические требования и ограничения, направленные на снижение дозовых нагрузок, работающих в данном секторе экономики, а также содержать защитные меры, исключающие или снижающие до минимального уровня радиационную опасность для людей с учетом их внутреннего и «объемного» облучения. Помимо этого в Программе должно быть предусмотрено детальное изучение тех профессиональных факторов, которые имеют наибольший удельный вес при формировании доз облучения основных профессиональных групп в сельском хозяйстве. Необходимо также выработать четкий механизм эффективности всех проводимых радиационно-защитных мероприятий, исходя из реальной необходимости контроля конкретных объектов. Очевидна необходимость скоординированного уточнения действующих в России и Беларуси допустимых уровней содержания радионуклидов в продуктах питания.

Необходима выработка надежного правового механизма обеспечения радиационно-экологического и санитарно-эпидемиологического благополучия населения в условиях перманентного ионизирующего воздействия радиации, создания нормативной правовой базы по обеспечению единого методологического руководства системой радиационного контроля в пострадавших государствах и единой стратегии оснащения измерительными приборами и средствами радиационного контроля как параметров жизнеобеспечения и среды жизнедеятельности людей, так и народнохозяйственных объектов.

В ходе совершенствования законодательства Республики Беларусь и России, регулирующего общественные отношения в данной сфере, должны быть предприняты меры по унификации норм, определяющих права, компенсации и льготы пострадавшим в результате Чернобыльской катастрофы, других радиационных аварий и ядерных испытаний. В целом же в пострадавших от катастрофы на ЧАЭС странах СНГ должна быть создана комплексная правовая база, которая бы представляла собой единую систему правового регулирования общественных отношений в области минимизации последствий Чернобыльской катастрофы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларусь и Россия: организационно-правовые основы интеграции (1996–2001 гг.) / Л. П. Козик [и др.]. – Минск : Полымя, 2001. – С. 268.

ПРОГРЕССИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ТАДЖИКИСТАНЕ

Р. Ш. Абдусаттарова

Институт экономики и торговли Таджикского государственного университета коммерции, г. Худжанда

Как показывает опыт многих развитых стран, построение эффективной экономики невозможно без динамичного развития предпринимательства, обладающего немалым инновационным и инвестиционным потенциалом.

При этом к критериям, необходимым для развития предпринимательства, относятся государственное регулирование, благодаря которому образуется законодательная база для функционирования предпринимательства, предоставление защиты конкуренции, ограничивающей монополию и обеспечивающей защиту прав потребителей, оказание государственной поддержки отдельных видов предпринимательской деятельности, прежде всего, в общественно-значимых сферах экономики.

В последнее время в мире активно используется особая форма государственного регулирования предпринимательской деятельности – механизм государственно-частного партнерства, позволяющий решить ряд важнейших задач, в том числе повышение инвестиционной и инновационной активности предпринимателей в сферах деятельности, финансирование которых традиционно осуществлялось государством. Этим объясняется актуальность представленной статьи.

На сегодняшний день важности сосредоточения на содействии инновационным процессам требует задача формирования модернизации экономики страны. По утверждениям новой институциональной теории, любая новая система отношений должна создавать необходимые институты. Эти институты могут быть сформированы и спонтанно, и осмысленно путем формализации, т. е. законодательно, существующих неформальных отношений или путем создания новых учреждений. В рамках формирующейся «новой экономики», базирующейся на инновациях, мировая практика отражает важность образования Национальной инновационной системы [3], представляющей ин-

теграцию государственных, частных, общественных организаций и их сотрудничества. Имеется в виду то объединение, где восстанавливаются, рождаются, хранятся научно-технические знания и технологии.

Заметим, что Национальная инновационная система (НИС) создает систему отношений между наукой, промышленностью и обществом. В том случае, когда инновации являются основой экономического развития, потребность в развитии инновационных направлений, в свою очередь, в значительной степени обуславливает и стимулирует наиболее важные области научных исследований.

Конечно, определенные национальные характеристики могут быть сформированы на фоне этой общей модели НИС. Они часто выражаются в той или иной степени выполняемой роли государства и частного сектора в осуществлении этих функций, а также роли крупных и малых предприятий в функционировании данных процессов, доли фундаментальных исследований и прикладных исследований и разработок, а также отраслевых и региональных структур инновационной деятельности.

Заметим, что одним из наиболее противоречивых вопросов остается связь между ролью государства и частного сектора в реализации этих новых тенденций. Нельзя считать, что научные дебаты о роли государства в экономике закончились, потому что в определенное время они будут вспыхивать регулярно, чаще всего с неожиданными новыми поворотными моментами в национальном развитии.

При этом общие дебаты по этому вопросу должны перейти на более конкретный уровень, так как присутствует необходимость получения ответа на конкретный вопрос. На вопрос о том, какие механизмы должны быть созданы для эффективного обеспечения процесса кооперации государства и рыночных рычагов в развитии инновационной экономики, ответом можно считать то утверждение, что одним из таких институтов в мире стало государственно-частное партнерство – ГЧП, сочетание средне- и долгосрочных взаимодействий между государством и предприятием для решения основных социальных задач на условиях, являющимися выгодными для обеих сторон [2].

В Республике Таджикистан с 2002 г. государственно-частное партнерство привлекает внимание людей, но, к сожалению, эти проблемы в нашей стране в недостаточной мере решаются ни в теории, ни на практике. Несмотря на то, что наша страна активно вовлечена в экономические процессы, Таджикистан все еще сильно отстает в вопросе использования этого института, хотя он весьма актуален для потребностей нашей экономики.

Наконец, любой важный национальный инвестиционный проект, основанный на приоритетах правительства и личных интересах частного сектора, имеет больше шансов на успех в нынешних сложных условиях экономики Таджикистан по сравнению с традиционными крупномасштабными инвестиционными проектами.

Подчеркнем, что никаких сомнений не вызывает тот факт, что сотрудничество с частным сектором позволит властям мобилизовать больше ресурсов для государственного сектора экономики, смягчить серьезность бюджетной проблемы, перенести большую часть риска в бизнес-сектор, сохранить использование государственной собственности. В такой системе отношений случается агрегирование ресурсов и возможностей двух хозяйствующих субъектов.

Действительно, это факт, но большая часть этого утилитарного «взгляда» приводит к довольно узкому пониманию причин и характера государственно-частного партнерства [5].

Именно по этой причине образование ГЧП в основном рекомендуется при производстве общественных благ и отделений, близких к естественной монополии, и нередко это сектор инфраструктуры: строительство дорог, аэропортов, железных дорог, модер-

низация электростанций, в основном – из разгрузки бюджета страны без осуществления разгосударствления.

Однако при создании и функционировании ГЧП могут появиться определенные недостатки, которые можно отнести к категории неэкономических издержек:

- возможна асимметрия информации у государственных и частных партнеров, что может привести к различным расхождениям в реализации финансовых интересов;
- на практике иногда проявляются элементы оппортунизма в поведении партнеров, т. е. нечестные намерения, например, частного партнера;
- часто из-за опасности передачи рисков частному сектору и невозможности рассчитать доходность и составить разумный бизнес-план с учетом всех наложенных государством ограничений частный бизнес отказывается от участия в конкурсах;
- существует риск олигополизации поставляющих отраслей;
- еще одна проблема, когда в случае возможного банкротства частного партнера «спасение» ГЧП «ложится» на государство, что уже на первоначальной стадии создания этого института может поставить под сомнение необходимость и возможность его развития [1].

Государственно-частное партнерство поначалу выступает как форма взаимодействия сторон и должно определять мотивацию национальных и частных инвесторов к участию в ГЧП. В целях эффективной разработки механизма государственно-частного партнерства стремления участников партнерства единогласно должны быть сконцентрированы не только на решении сопряженных с экономической сферой проблем, но и неизбежных социальных.

Вторая группа проблем, влияющих на трудности развития ГЧП в Таджикистане, связана со слабой юридической проработанностью этих вопросов в законодательстве Республики Таджикистан. До сих пор не существует общего закона о государственно-частном партнерстве, не создан единый государственный орган, который бы был уполномочен выполнять функции оценки, согласования, утверждения и контроля соответствующих проектов ГЧП.

Создание правовой основы для государственно-частного партнерства может прояснить позицию собственности, распределение прав и налоговую структуру, которая является довольно сложной в многостороннем и многофункциональном партнерстве, а также устранить потенциальные конфликты интересов. Предлагаются следующие базовые модели ГЧП (см. таблицу).

Базовые модели государственно-частного партнерства [4]

Базовая модель	Собственность	Управление	Финансирование
Модель оператора	Частная/государственная	Частное	Частное
Модель кооперации	Частная/государственная	Частное/государственное	Частное/государственное
Модель концессии	Государственная	Частное/государственное	Частное/государственное
Модель договорная	Частная/государственная	Частное	Частное
Модель лизинга	Частная	Частное/государственное	Частное/государственное

Третий комплекс проблем основан на общих недостатках инвестиций в Республике Таджикистан, которые присущи и другим постсоциалистическим странам, и включает в себя недостаточную уверенность инвесторов, слабые национальные рынки капитала, медленный рост доходов и традиционно неэффективные методы управления в национальных учреждениях. Но, несмотря на все эти трудности, проведенный анализ показывает, что в Таджикистане уже заложен фундамент такой большой институциональной структуры, как ГЧП в виде целого ряда современных, перспективных форм и инструментов.

Проведение комплексного анализа государственно-частного партнерства позволило сделать ряд выводов:

- установлена специфика инфраструктурных проектов в связи с моделями построения экономической системы;
- выявлены главные принципы государственно-частного партнерства как для государства, так и для частного бизнеса;
- раскрыта мотивация к государственно-частному партнерству как государства, так и частного инвестора;
- отражены основные направления повышения эффективности партнерских отношений в Таджикистане.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова, К. А. Государственно-частное партнерство: современные подходы / К. А. Антонова // Экономика и управление. – 2010. – № 3. – С. 49–51.
2. Государственно-частное партнерство в мировой практике и российский опыт // Экон. науки. – 2009. – № 61. – С. 112–117.
3. Гринберг, Р. С. Основания смешанной экономики / Р. С. Гринберг. – М. : Ин-т экономики, 2008. – 480 с.
4. Касьянова, А. К. На пути к экономике знаний: общетеоретический и институциональный подходы / А. К. Касьянова, М. В. Ченцова. – М., 2008.
5. Кнаус, В. В. Развитие государственно-частного партнерства / В. В. Кнаус. – М. : Проспект, 2010. – 79 с.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ БУДУЩИХ СОСТОЯНИЙ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ЧЕРЕЗ КАТЕГОРИЮ «ОБРАЗ БУДУЩЕГО»

О. Ю. Кравцов

Национальный институт образования, г. Минск, Беларусь

Раскрытие дефиниции «образ будущего» необходимо с утверждения, что *образ будущего* – это не будущее как таковое, а набор представлений о нем, достаточный для оценочного суждения. Термин «образ будущего» представляет собой иррационально-аффективный (эмоционально-чувственный) уровень восприятия будущего. Важнейшей качественной характеристикой образа будущего является его *убедительность*, т. е. принятие в качестве возможного и правдоподобного субъектами-носителями образа [1, с. 76–77].

В конкретный момент времени в культуре доминирует какой-то один образ будущего, состояние которого свидетельствует о степени жизнеспособности общества. Нездоровый, негативный образ будущего является показателем кризиса культуры и свидетельствует о ее скором закате [2, с. 19].

Западная и русская (под именем «советская») цивилизации первыми вступили в эру индустриализации, разделив в XX в. человечество на конкурирующие между собой лагеря.

На наш взгляд, в сфере смыслообразования успешно конкурировать с западной цивилизацией раннему Советскому Союзу помогал эмоционально насыщенный позитивный образ *коммунистического светлого будущего*, который обладал колоссальной мотивирующей и мобилизационной мощью.

Однако к концу XX в. идейно-философский и идеологический ресурсы коммунистического образа будущего оказались исчерпанными. Они утратили в сознании населения свои важнейшие качественные свойства: убедительность, правдоподобность, реалистичность.

На концептуальном уровне соревнование между двумя цивилизациями свелось к соревнованию между *светлым будущим* русского коммунизма и *светлым настоящим* западного капитализма. К концу XX в. *иррациональный идеализм* русского коммунизма проиграл *рациональному позитивизму* запада.

Несколько десятилетий существования после распада СССР показали, что переход на западный путь развития, требующий основательной корректировки и фактически отказа от собственной культурно-цивилизационной идентичности, оказался неприемлемым для русского (постсоветского) социокультурного организма. Отказавшись принимать западные универсальные нормы и не предлагая миру позитивного опыта в качестве нормативного, русская цивилизация оказалась таким образом в «историческом тупике уникальности». Постепенно общей характеристикой суждений обыденного характера, публицистики и научной аналитики стали *пессимизм* и неверие в будущее собственной страны [3, с. 159, 197, 282–287, 290].

Отсутствие у русской цивилизации четкого позитивного образа будущего говорит о утрате глобальных смыслов существования. На уровне обывателя вопрос может свестись к концепту «во имя чего мы должны жить хуже, чем соседи?».

Мифологизированный образ «светлого прошлого»: победа над нацизмом, полеты в космос и другое помогает выиграть время, однако не решает проблемы онтологического кризиса.

На наш взгляд, одним из путей преодоления кризиса для русской цивилизации может стать уход из мировоззренческой прогрессивистско-потребительской парадигмы Запада. Обязательным элементом такого действия стала бы замена перенятого от западной идеологии образа будущего, основанного на атрибутике личного материального достатка, на некий иной, вероятнее всего, ретроградный, отвечающий задаче самосохранения русской цивилизации.

Данный шаг, безусловно, будет означать переход к самоизоляции и самодостаточности. Его осуществление, по всей видимости, будет сопровождаться архаизацией общества: понижением уровня общей образованности и информированности, снижением уровня потребления и качества жизни, возвратом к религиозной картине мира, дифференциацией общества на новые сословия и касты. Методологической опорой в данном случае снова станет идеализм и социальная инженерия «сверху».

В сфере нашего внимания находится Беларусь, которую и западные, и российские авторы относят к православной (русской) цивилизации [4]–[7]. Как подсистема (политически обособленная часть) русской православной цивилизации, Беларусь несет на себе в той или иной степени общесистемную симптоматику кризиса.

Необходимо отметить, что политическая обособленность Беларуси от России, а также ее географические, исторические и культурные особенности предоставляют ей гораздо большую степень свободы в рамках русского цивилизационного пространства, включая возможность смены цивилизационной идентичности в пользу западной.

В общем виде возможные проекции движения Беларуси можно свести к двум: сохранению цивилизационной идентичности и смене цивилизационной идентичности в пользу западной (трансформация идентичности).

При этом сохранение русской цивилизационной идентичности Беларуси может происходить как в формате *автономизма*, так и в формате *синхронизма*.

Формат *автономизма* обусловлен вполне естественным стремлением социальных систем к самосохранению и стабильности. Для Беларуси это выражено в стремлении отстоять государственную независимость в рамках русской цивилизации и сложившихся отношений с Россией.

Формат *синхронизма* означает частичное изменение внутрисистемных отношений в рамках общей русской цивилизации под воздействием внешних факторов. На практике это может проявиться в более тесной политической и экономической интеграции Беларуси и России с последующей совместной самоизоляцией в общих внешних границах.

При смене (*трансформации*) цивилизационной идентичности в пользу западной цивилизационной модели политическая граница между Беларусью и Россией будет выступать линией цивилизационного разлома. Цивилизационная трансформация, по сути, будет означать смерть существующей социальной системы (исчезновение существующей постсоциалистической Беларуси), на смену которой придет новая система отношений по западному образцу.

В отношении образа будущего необходимо констатировать, что на текущий момент для Беларуси характерен общий для русской цивилизации пессимистический образ будущего (*прогрессивный пессимизм*), который естественным образом функционирует в условиях стабильности системы.

При усилении внешних угроз и/или накоплении внутренних противоречий естественной реакцией русской цивилизации может стать самоизоляция в общих границах России и Беларуси. В условиях самоизоляции и самодостаточности образ будущего может принять альтернативную позитивную форму *ретроградного оптимизма*.

При приближении белорусской социосистемы к некоторым пороговым кризисным состояниям поведение системы может принять неуправляемый и непредсказуемый характер. В этом случае возможна актуализация *прогрессивного оптимизма*, что, на наш взгляд, будет свидетельствовать о готовности общества к коренным трансформациям и переходу к западной цивилизационной модели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Желтикова, И. В. Образ будущего как образ / И. В. Желтикова // Ученые зап. Орлов. гос. ун-та. – 2013. – № 5 (55). – С. 75–80.
2. Polak, F. The Image of the Future / F. Polak. – Amsterdam, London, New York : Elsevier Scientific Publishing Company, 1973. – 320 p.
3. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В. С. Мартыанова, Л. Г. Фишмана. – М. : Полит. энцикл., 2016. – 334 с.
4. Тойнби, А. Дж., Постижение истории / А. Дж. Тойнби. – М. : Айрис-Пресс, 2010. – 640 с.
5. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2014. – 571 с.
6. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М. : Де'Либри, 2015. – 768 с.
7. Батанова, О. Н. Русский мир и проблемы его формирования : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / О. А. Батанова. – М., 2009. – 163 с.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМАЯ ЦЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНА РЕЛИГИОЗНОСТИ ПОЛЬСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

B. Pliszka

Силезский технологический университет, г. Гливице, Польша

D. Czakon-Tralski

Педагогический университет имени Комиссии Национального Образования, г. Краков, Польша

В. К. Борецкая

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Беларусь

В современном западноевропейском обществе в контексте процессов глобализации и идеологии мультикультурализма толерантность рассматривается как одна из приоритетных общечеловеческих ценностей, способствующая достижению взаимопонимания и сплоченности. Существуют различные подходы к определению понятия «толерантность», которые данный феномен истолковывают как моральное качество личности, принцип (условие) взаимоотношений между людьми, отношение личности к социальным процессам и межличностным отношениям. Отличительными чертами данного феномена являются понимание и стремление к диалогу с Другим.

Особое значение толерантность приобретает в условиях постиндустриального общества, а именно – миграционных процессов, быстрого распространения и освоения пользователями сети Интернет. Данные процессы создают условия, с одной стороны, для интенсивного развития межкультурной коммуникации, с другой стороны – способствуют потере нравственных ориентиров, прежде всего, у молодежи, росту необоснованной агрессии и межнациональной розни, конфликтогенности. В условиях современного общества толерантность предстает как необходимое социокультурное качество, которое выражается в стремлении достичь взаимного уважения, понимания и согласования различных интересов и точек зрения. Методами толерантности признаются методы разъяснения и убеждения, без применения насилия.

В контексте вышеуказанного одной из самых актуальных задач современной системы образования наряду с формированием чувства патриотизма является и формирование толерантности среди подростков и молодежи. В настоящем исследовании предпринята попытка сравнительного анализа понимания феномена толерантности студентами Гомельского региона и Малопольского воеводства в контексте феномена религиозности. Рабочей гипотезой исследования является предположение о доминировании в мировоззренческой системе студенческой молодежи определения толерантности, которое является характерным для христианской мысли.

Проблема толерантности является актуальной и для религиозной мысли. Любая религия предстает как система ценностей, которая формирует принципы морали. Религия, легитимируя моральные принципы и соответствующие модели поведения, также способствует процессам консолидации общества. С другой стороны, являясь элементом культуры, религия решает для себя вопрос сосуществования среди множества других элементов культуры. К примеру, для христианства проблема толерантности решалась в первые века, когда формировались догматическое учение и культовая практика в контексте гонений на христианство и его сосуществования с другими элементами древнеримской политеистической культуры. Данную проблему решало христианство в эпоху Ренессанса с интенсификацией процессов секуляризации. Проблема толерантности актуальна для христианства и в современном обществе в контексте процессов секуляризации и десекуляризации.

Феномен толерантности в христианском учении истолковывается на основании слов Иисуса, который обращается к своим ученикам: «Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего небесного» (Мф. 5, 43–45). Данное утверждение, которое содержится в Евангелии от Матвея, акцентирует внимание на эмоциональном аспекте толерантности, т. е. признании и выражении отношения к позиции и поведению Другого. В Евангелии от Луки содержатся слова Иисуса Христа, которые подчеркивают деятельностный аспект толерантности: «Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены» (Лк. 6, 36–38). В Евангелии от Луки находим также другие слова Господа, где он предупреждает своих учеников: «Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает» (Лк. 11, 23). Здесь указывается на определение и понимание позиции своего «Я» и позиции Другого – гностический уровень толерантности. Толерантность в христианской мысли истолковывается как принятие Другого с его взглядами и идеями, но не как безразличие или приобщение к другим нормам, чуждым христианской морали, т. е. имеет положительные характеристики. Толерантность предстает в качестве инструментальной ценности, способствующей достижению какого-то блага, прежде всего, общественного.

Согласно результатам проведенного опроса, среди польских и белорусских студентов и магистрантов атеистами себя назвали 30 % опрошенных белорусов. Православными себя считают 50 %; христианами назвали себя 4 %; неопределившимися – 10 % (табл. 1).

Среди польских студентов количество самоидентифицирующихся как атеисты намного меньше, а именно: всего лишь 8 %. Католиками себя считают 77 % польских студентов; не определились только 7 % (табл. 2). Следует отметить, что среди ответов респондентов имеются достаточно оригинальные определения конфессиональной принадлежности, связанные, прежде всего, с философско-мировоззренческими предпочтениями. Агностиками себя назвали 3 % опрошенных белорусских студентов и 2 % – польских студентов. Среди белорусских студентов 2 респондента позиционирует себя язычниками, такие ответы отсутствуют у польских студентов (табл. 1 и 2). Деистами себя назвали 1 белорусский и 2 польских студента. Большинство среди польских и белорусских студентов декларируют свою принадлежность к христианской церкви. Соответственно, среди польских респондентов больше самоидентифицирующихся как католики, среди белорусских студентов – как православные.

Таблица 1

**Распределение респондентов относительно религиозной самоидентификации
(общие показатели среди белорусских студентов)**

Позиции религиозной самоидентификации	Количество опрошенных	
	человек	%
Православные	150	50
Атеисты	91	30
Неопределившиеся	30	10
Христиане	13	4
Агностики	11	3
Язычники	2	0,6
Католики	1	0,3
Иудеи	1	0,3
Деисты	1	0,3

Таблица 2

**Распределение респондентов относительно религиозной самоидентификации
(общие показатели среди польских студентов)**

Позиции религиозной самоидентификации	Количество опрошенных	
	человек	%
Католики	235	77
Атеисты	25	8
Неопределившиеся	22	7
Христиане	3	1
Агностики	6	2
Православные	2	0,6
Деисты	2	0,6
Собственная вера и философия	2	0,6
Теисты	1	0,3
Адвентисты седьмого дня	1	0,3
Протестанты	1	0,3
Греко-католики	1	0,3
Буддисты	1	0,3

Участникам опроса были предложены варианты ответов, из которых необходимо было выбрать то определение, которое соответствует их пониманию толерантности. Большинство среди белорусских респондентов (55 %) определило толерантность как терпимость к религиозным, политическим и иным взглядам, идеям, ценностям других (табл. 3). Среди польских участников опроса 89 % определили толерантность как терпимость к взглядам и идеям других, т. е. как понимание Другого, что существенно выше показателей белорусских респондентов (табл. 4). Толерантность как терпимость к другим нормам поведения, т. е. как тактичность, уступчивость обозначили 35 % опрошенных белорусских студентов и только 11 % – польских респондентов (табл. 3 и 4). Понимание толерантности как изменение своих норм поведения ради Другого определили только 12 % опрошенных белорусов и 3 % поляков. Примечательным является тот факт, что среди белорусских и польских респондентов толерантность как безразличие к другим взглядам и ценностям определили только 2 % (табл. 3 и 4).

Таблица 3

**Распределение респондентов в зависимости от определения понятия толерантность
(общие показатели среди белорусских студентов)**

Определение толерантности	Количество опрошенных	
	человек	%*
Терпимость к взглядам, идеям других	166	55
Терпимость к нормам поведения других	105	35
Изменение своих взглядов и норм поведения ради Другого	37	12
Безразличие к взглядам других	7	2

Примечание. *Сумма больше 100 %, так как предлагалось более одного варианта ответа на вопрос.

Таблица 4

**Распределение респондентов в зависимости от определения понятия толерантность
(общие показатели среди польских студентов)**

Определение толерантности	Количество опрошенных	
	человек	%*
Терпимость к взглядам, идеям других	272	89
Терпимость к нормам поведения других	33	11
Изменение своих взглядов и норм поведения ради Другого	8	3
Безразличие к взглядам других	6	2

Примечание. *Сумма больше 100 %, так как предлагалось более одного варианта ответа на вопрос.

Таким образом, следует отметить, что толерантность большинство белорусских и польских респондентов обозначили как миролюбие, желание понять другого, но не как уступчивость, снисходительность, потакание взглядам Другого или безразличие. Можно указать на то, что абсолютное большинство среди польской молодежи определили толерантность как понимание Другого, только десятая ее часть понимает толерантность как уступчивость, терпимость к нормам поведения других. Среди белорусских респондентов практически третья часть опрошенных воспринимает толерантность как уступчивость. Выбранные большинством опрошенных определения толерантности схожи с христиан-

ским пониманием данного феномена. Толерантность воспринимается современной молодежью как принцип мирного сосуществования. Результаты исследования подтверждают рабочую гипотезу о историко-культурной значимости христианства для жителей Польши и Беларуси, в том числе и для понимания толерантности.

БЕЛОРУССКОЕ МЕНЬШИНСТВО В ЛИТОВСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В АСПЕКТЕ ОБЩЕСТВЕННО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН

А. В. Бобрык

*Естественно-гуманитарный университет, г. Седльце
Институт общественных наук и безопасности, Польша*

В двадцатом веке положение и статус белорусов в Литовской Республике неоднократно серьезно изменялись. Это было в значительной степени последствием геополитических изменений и стремлений отдельных национальностей к созданию независимого государства. После Первой мировой войны территории, населенные поляками, литовцами, белорусами и другими национальностями, были разделены между вновь созданными государствами. Были созданы Республика Польша и Литовская Республика. В межвоенный период эти государства спорили о принадлежности Вильнюса и Вильнюсского региона. Эти земли до 1939 г. находились в границах Польши. Белорусы были также традиционным населением на данной территории. Они функционировали как национальное меньшинство в условиях доминирования поочередно польской и литовской национальностей. Национальное меньшинство – это сообщество, которое имеет гражданство страны проживания и постоянно пребывает вне родного государства, где ее нация является доминирующим населением. Вместе с тем оно отличается от большинства граждан страны проживания специфическими национальными особенностями, прежде всего, языком и культурой. В то же время есть много случаев потери некоторых национальных атрибутов или их частей, что не приводит к автоматической потере национального самосознания, основанного на ощущении его отделенности от большинства и связей с конкретной нацией. Важным критерием является стремление сохранения своей групповой индивидуальности и поддержание контактов с родной страной. Эти факторы влияют на формирование чувства коллективной идентичности.

В Литовской Республике, согласно переписи населения, с 1923 г. проживало 4421 белорусов, что составляло 0,22 % от общего количества всех граждан. Белорусы были седьмой по величине национальностью в стране. Прежде всего, это было сельское население. Только 13,9 % белорусов проживало в городах. Наибольшая концентрация белорусского населения была зафиксирована в Тракайском повете – 2,5 % жителей. Результаты переписи были оспорены многими польскими, немецкими, а также белорусскими демографами. Они указали на занижение числа разных национальностей, что было направлено на получение более высокого показателя литовской общины в демографической структуре страны [1, с. 253–255]. Несомненно, данные, полученные в ходе переписи, следует рассматривать как минимальные, имеется много признаков того, что число разных национальностей, в том и белорусов, намного выше, чем указано было по результатам переписи. Разумеется, групповая активность белорусов в Литве сталкивалась с ограничениями демографического характера и политики литовского государства, стремящегося ограничить влияние национальных меньшинств.

Значительные изменения произошли после начала Второй мировой войны. Восточные территории Польши были включены в состав СССР. Вильнюсский регион после заключения Советско-литовского договора в октябре 1939 г. был передан Литве. После включения Литвы в состав СССР в качестве союзной республики в 1940 г. ее границы были расширены. В это же время ей были переданы дополнительные бывшие польские территории, которые в 1939–1940 гг. входили в состав БСРР. Согласно

польским данным, на территории, которая была включена в состав Литвы, проживало 15,3 тыс. белорусов, т. е. 2,8 % населения [5, с. 43]. Однако, по разным оценкам, белорусы составляли 13,7 % населения Вильнюсского края [9, с. 56]. Поэтому можно предположить, что во второй половине 1940 г. в Литве белорусами были от 0,6 до 2,8 % населения.

Первая перепись населения на территории нынешней Литвы (тогда республики СССР) была проведена в 1959 г. Установлено, что в то время в Литве проживало 30240 белорусов, которые составляли 1,1 % от общего числа жителей республики и являлись четвертой частью всего количества национальных меньшинств в республике. Больше всего белорусов проживало в городе Друскининкай – 10,9 %. Также большие общины белорусов были в Вильнюсе (6,2 %), Бирштонасе (3,8 %) и Тракае (3,2 %). Характерно, что в отличие от Литвы в межвоенный период белорусское население проживало преимущественно в городах (82,5 %). Родным языком считали они в основном белорусский (54,8 %), русский (41 %) и литовский (1 %) [6, с. 184, 188, 194–195]. Увеличение белорусского населения было следствием миграционных перемещений внутри СССР, вызванных процессами урбанизации и индустриализации. В то же время в советской Литве у белорусов не было особых языковых, культурных или организационных прав, что было следствием политики центральных властей в Москве. Тем не менее, условия жизни в Литве были настолько благоприятными, что это способствовало увеличению белорусского меньшинства.

В ходе последней переписи, проведенной в условиях советского государства в 1989 г., было установлено, что в республике проживало 63169 белорусов, что составляло 1,7 % от всего населения республики. Наибольшая концентрация белорусского меньшинства была зафиксирована в ИгнаLINE (7,5 %). Другими центрами, где проживали белорусы, являлись Швенчёнский район (5,5 %), Вильнюс (5,2 %) и Вильнюсский район (4,7 %). В то же время более динамичной стала тенденция к уменьшению признания белорусского языка родным – только у 40,5 % белорусов. Одновременно белорусы декларировали как родной язык русский (53,3 %) и литовский (2,5 %) [6, с. 215, 232–233]. В период между переписями в 1959–1989 гг. численность белорусского меньшинства увеличилась на 32929 человек. Это было следствием, прежде всего, миграционных процессов в рамках одного Союзного государства. Развитие городов и промышленности вблизи места жительства в Беларуси способствовало принятию решения о переселении в Литву. Например, наибольшее скопление белорусов было в ИгнаLINE, где в 1974 г. началось строительство атомной электростанции. С 1983 г. она поставляла энергию не только в Литву, но и в другие республики, включая Беларусь [12].

В результате реализации политики перестройки независимо от намерений во всех республиках СССР происходило национальное возрождение. В Литве, как первой республике СССР, были также предприняты действия по достижению независимости, завершившиеся через нескольких месяцев восстановлением государственности, которая была признана международным сообществом на рубеже августа и сентября 1991 г. Тогда же было осуществлено много мероприятий, направленных на укрепление позиции основной национальности за счет снижения значения нацменьшинств [10, с. 127–128]. Некоторые механизмы их защиты были созданы, но они не были полностью эффективными или не функционировали, как, например, положения, касающиеся использования языка меньшинств в районах их плотного проживания или написания фамилий [2, с. 452–466]. Для белорусов неблагоприятным явлением было также появление новой государственной границы, что существенно повлияло на ограничение контактов с представителями своей национальности. Это также нашло свое выражение в количестве и процентной доле белорусского меньшинства в литовском обществе.

В независимой Литве были проведены два переписи населения. Первая – в 2001 г. и вторая – в 2011 г. Данные переписи зафиксировали тенденцию сокращения количества белорусского населения и его процентной доли в национальной структуре страны. В 2001 г. было установлено, что в Литве проживало 42866 белорусов, что составляло 1,23 %. Через десять лет это было уже только 36227 и 1,19 % [8, с. 155]. В 1989–2011 гг. произошло снижение численности белорусской общины на 26942 человека. Наибольшая концентрация белорусского населения была зафиксирована в Швенченском районе (4,6 %); Вильнюсском районе (4,2 %), Вильнюсе (3,5 %) и Шальчининском районе (3,4 %) [8, с. 162]. В то же время отмечено четкое снижение использования белорусского языка. В последней переписи только 18,4 % белорусов указали белорусский язык в качестве родного. При этом 56,3 % отметили русский как родной; 9,3% – польский; 5,2 % – литовский [8, с. 164]. Как отмечает Роман Вольницкий, прежде всего, привязаны к белорусскому языку те белорусы в Литве, которые уже несколько поколений живут в этой республике. Однако белорусы, поселившиеся в результате внешней миграции, определенно предпочитают русский [11]. Язык является одним из наиболее явных критериев национальной принадлежности, но одновременно ее не определяет. Данные о белорусах в Литве подтверждают определенную тенденцию, что потеря языка не означает потери национальности. Конечно, это не способствует полноценному участию в культуре своей нации. Специфика Литвы заключается в том, что, несмотря на политику интенсивного продвижения литовского языка, среди белорусов он не получил признания как родного, в гораздо большей степени присутствует влияние других меньшинств, т. е. русских и поляков. В сфере религии также существует значительное влияние других общин. Большинство белорусов исповедуют католицизм, который является доминирующей религией в республике. К католиками себя относят 49,6 % белорусов; к православным – 32,3 % [8, с. 172]. Тенденция к принятию белорусами языка и религии более крупных групп наблюдается в Литве в течение последних десятилетий. Как отмечают Беата Чех и Анна Врублевска: «Делают так люди, которые не совсем уверены в своей национальности. Потенциально они могут стать как поляками, так и белорусами. Этому процессу способствует языковая близость, близкое соседство и похожее, как у поляков, чувство угрозы со стороны литовцев. Религиозной ассимиляции способствует большое расстояние между местом проживания и церковью, католическая среда и многочисленные смешанные браки» [4, с. 84].

Демографическо-общественные перемены, происходящие в Литве, такие, как рост миграции, отрицательный естественный прирост населения, постепенный процесс ассимиляции национальных меньшинств также влияют на существование белорусской общины. Становится очевидным, что уменьшаются количество белорусов и их участие в национальной структуре страны, а также сфера влияния белорусского языка. Это не связано с административными ограничениями, а в значительной степени является следствием большого пространственного расселения белорусов. Важно то, что опросы общественного мнения не сообщают о существовании литовско-белорусского конфликта. Бывают случаи напряженности или дискриминирующего поведения, но они носят маргинальный характер, что также может быть следствием стратегии белорусов избегать участия в политических спорах, и сосредотачиваться в основном на общественно-культурной деятельности [7, с. 121]. Это не значит, что белорусы не участвуют в политической жизни. Они принимают участие в выборах на разных уровнях, получая места депутатов местных органов власти и даже парламента. Следует отметить, что мандат депутата Сеймаса получил Вацлав Станкевич, который в 2000 и 2004 гг. был избран в парламент [3, с. 196, 264, 266, 269, 275, 281]. Он возглавлял, в частности, группу по контактам с Беларусью, а в настоящее время является консулом Литвы в Сейнах (Польша).

Белорусы создали более 20 национальных организаций на территории Литвы. В настоящее время существует школа имени Ф. Скорины, есть также дополнительное обучение в различных формах, развивается художественная самодеятельность, работают белорусские СМИ. Однако этого было недостаточно, чтобы остановить процессы снижения участия белорусов в демографической структуре страны. Определенно, без существующей деятельности белорусских организаций масштаб данного процесса был бы еще больше. Однако, чтобы эффективно противодействовать процессам ассимиляции, следует искать новые инструменты. Прежде всего, надо стремиться защищать язык и расширять контакты с белорусским обществом, ограничивая разделительную функцию границы. Для будущего белорусов в Литовской Республике также имеет значение качество официальных межгосударственных отношений. В заключение следует отметить, что белорусы поддерживают развитие Литвы, активно участвуя в общественных процессах, а их присутствие способствует сохранению традиционного мультикультурализма страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Błaszczak, T. Białorusini w Republice Litewskiej 1918–1940 / T. Błaszczak. – Białystok, 2017.
2. Bobryk, A. Odrodzenie narodowe Polaków w Republice Litewskiej 1987–1997 / A. Bobryk. – Toruń, 2005.
3. Bobryk, A. Społeczne znaczenie funkcjonowania polskich ugrupowań politycznych w Republice Litewskiej 1989–2013 / A. Bobryk. – Siedlce, 2013.
4. Czech, B. Różnice w obrzędach i zwyczajach Białorusinów, Polaków i Litwinów na wschodniej Litwie / B. Czech, A. Wróblewska // Konteksty. Polska sztuka ludowa. – 1993. – № 3–4.
5. Eberhardt, P. Między Rosją a Niemcami / P. Eberhardt. – Warszawa, 1996.
6. Eberhardt, P. Przemiany narodowościowe na Litwie / P. Eberhardt. – Warszawa, 1997.
7. Kubaczyk, T. Mniejszości narodowe i etniczne w polityce bezpieczeństwa państw subregionu Europy Środkowej i Wschodniej. Państwa bałtyckie / T. Kubaczyk, S. Piotrowski, M. Żyła. – Warszawa, 2018.
8. Lietuvos Respublikos 2011 metų gyventojų ir būstų surašymo rezultatai. Results of the 2011 Population and Housing Census of the Republic of Lithuania / pod redakcją D. Ambrozaitienė [i drugi]. – Vilnius, 2013.
9. Łossowski, P. Litwa a sprawy polskie 1939–1940 / P. Łossowski. – Warszawa, 1985.
10. Popovski, V. Nationalism and Citizenship: The Lithuanian Case, 1988–1993 / V. Popovski // Revija za sociologiju. – 2006, vol. XXXVII. – № 3–4.
11. Radczenko, A. Białorusini – „paradoksalna świadomość narodowa” / A. Radczenko // Kurier Wileński. – 2009. – 28–30 listopada.
12. Zuchowicz, K. Litwa żegna elektrownię w Ignalinie / K. Zuchowicz, R. Mickiewicz // Rzeczpospolita. – 2009. – 31 grudnia.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ

О. Б. Каламан

Одесская национальная академия пищевых технологий, Украина

Стратегический подход от повседневной деятельности отличается стремлением достичь поставленных целей и дальновидностью, подчиненностью сегодняшней цели идеалу саморазвития, подбором наиболее оптимальных сценариев и умением переходить от одного сценария развития к следующему в наиболее благоприятный с точки зрения развития момент. В условиях постоянного риска стратегический взгляд на инновационную деятельность позволяет вовремя среагировать на изменения, запустить именно ту технологию, которая предоставит серьезное преимущество и принесет первенство на рынке. Именно стратегический подход к предпринимательству превращает сегодня инновацию в деятельность и общественный фактор особой важности [1].

Проблемы экономического роста, повышения конкурентоспособности в условиях информационно-технологической революции могут быть решены с помощью эффективных стратегий инновационного развития. Именно последовательная инновационная стратегия обусловила высокое качество жизни, национальной безопасности, охраны окружающей среды и высокий технический уровень развитых стран мира [2, с. 141].

Итак, речь идет не просто об одноразовом использовании нововведений для достижения сиюминутных преимуществ, но о непрерывном, подробно спланированном стратегическом инновационном развитии, которое формирует методы и средства управления инновациями и позволит подчинить внедрение инноваций общим целям, превращая интенсивное внедрение инновационных процессов в фактор экономического роста.

Потребность в разработке механизма стратегического инновационного развития предприятий требует уточнения содержательной составляющей понятия «инновационная стратегия» в современных условиях хозяйствования, а также разработки новых подходов к процессам ее формирования и выбора. По утверждению Г. Т. Пятницкой, научные наработки в указанных направлениях приобретают сегодня особое значение для Украины [3, с. 22].

Аналитический обзор работ отечественных и зарубежных авторов показал, что иногда в толкование понятия «инновационная стратегия» не только вкладывается разный смысл, но и понимание сущности понятия «инновационной стратегии» находим в различных интерпретациях: «стратегия инноваций» [4, с. 206], «инвестиционно-инновационная стратегия» [5, с. 35], «инвестиционная стратегия инновационного развития» [6, с. 273], «стратегия научно-технического развития» [7, с. 24], «стратегическое инновационное управление» [8, с. 10], «стратегия развития предприятия» [9, с. 46].

Профессора А. И. Волков и М. П. Денисенко относят понятие «инновационная стратегия» к «чисто теоретическим, виртуальным, которые в практической деятельности предприятия нужно соотносить со стратегией научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), соответствующие меры стратегических планов производства, маркетинга, финансов, по управлению персоналом, материально-техническим обеспечением» [10]. Однако отождествление инновационной стратегии со стратегией НИОКР [11]–[13], как и со стратегией научно-технического развития [14, с. 86], приводит к сокращению ее функций, сужая их только к поиску направлений научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по реализации нововведений. По нашему мнению, инновационная стратегия несомненно включает в себя процессы принятия решений относительно направленности научных исследований и конструкторских разработок, но это только ее единичное проявление из множества различных взаимозависимостей, которые связывают стратегические цели фирмы, НИОКР, нововведения и потенциал предприятия.

И. А. Павленко, Н. П. Гончарова стратегию нововведений приравнивают к понятию «инновационная политика», что предполагает объединение целей технической политики и политики капиталовложений и направленность на внедрение новых технологий и видов продукции [9, с. 46]. Инновационная политика фирмы с этой точки зрения ориентируется на достижения будущих результатов через инновационный процесс (стадия исследований, внедрение нововведений в производственное использование и нового продукта в рыночную среду). Однако понятие «политика организации» по отношению к понятию «стратегия» используется в значении «миссии», т. е. основной общей цели, которая детализирует статус фирмы, обеспечивает ее направление и ориентиры на определенные цели, стратегии, тактики. Итак, инновационная политика является лишь формой стратегического управления, определяет цели и условия осуществления инновационной деятельности организации и направлена на обеспечение ее конкурентоспособности и оптимального использования, имеющегося производственного и интеллектуального потенциала [12, с. 213].

Согласно трактовкам Л. Фаея и Р. Ренделла [16] инновационная стратегия близка по сути к понятию эксплорентной стратегии, которая определяется как конкурентная, ориентированная на радикальные нововведения [17]. Однако подобное сравнение ограничивает инновационную стратегию лишь созданием абсолютного нового для предприятия, в частности на уровне научно-исследовательских работ, исключая при этом

возможные незначительные модификации, усовершенствования, с которыми чаще всего связана специфика современного выживания на рынке.

Исходя из системного подхода инновационная стратегия – это одна из составляющих экономической стратегии, определяется как набор правил, методов и средств поиска лучших перспективных для организации направлений развития научно-технических исследований, ресурсной политики [18].

Менее распространенным к рассмотрению понятием является подход целей и средств, который основан на определении целей организации и путей их достижения. В рамках этого подхода делается акцент именно на инновационном способе действий как на главном средстве достижения конкурентоспособных позиций на рынке в условиях глобализации и быстрых изменений. И с этих позиций инновационная стратегия определяется как одно из средств достижения целей организации, которое отличается от других своей новизной, прежде всего для данной организации, для отраслей рынка, потребителей, страны в целом [19]. То есть в этом случае стратегия управления инновациями принимает на себя роль корпоративной стратегии развития предприятия.

Анализ рассмотренных классификаций позволяет сделать вывод, что чаще всего выделенные разными авторами типы инновационных стратегий обладают одинаковыми характеристиками, условиями выбора, имеют схожие названия, не повторяя при этом содержания, или схожие виды имеют разные названия. Например, наступательная инновационная стратегия Х. Фримана, сочетая в себе черты активно наступательной инновационной стратегии и острой наступательной инновационной стратегии, является по своим содержательным характеристикам близкой к стратегии «самостоятельного производства инноваций». Аналогичная ситуация прослеживается с имитационной, защитной и пассивной инновационными стратегиями, остаточной и стратегией «заполнение пробелов». Однако в общем случае подобные классификации описывают различия инновационной деятельности предприятия с позиции активной или пассивной инновационной политики, радикальных нововведений, в частности в сфере НИОКР и модификаций, имеющихся ресурсов, отношения к рискам и имеющейся стратегической позиций предприятия на рынке, где защитные инновационные стратегии характеризуются концентрацией на определенном рынке или его сегменте, узкой рыночной ориентацией или защитой своей доли рынка, направленностью на сохранение стратегических позиций, стремлением удержаться среди новаторов, а наступательные инновационные стратегии - постоянным расширением деятельности, освоением новой продукции, поиском конкурентных преимуществ. На практике предприятие редко следует неизменно одной и той же стратегии, как и стратегии в «чистом виде», используя многочисленные модификации инновационных стратегий, комбинированные инновационные стратегии как наиболее эффективные в случаях закрепления позиций и перехода с защитной к инновационной стратегии наступательного типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Санто, Б. Инновация как средство экономического развития : пер. с венг. / Б. Санто. – М. : Прогресс, 1991. – 320 с.
2. Антонюк, Л. Л. Інновації: Теорія, механізм розробки та комерціалізації : монографія / Л. Л. Антонюк, А. М. Поручник, В. С. Савчук. – К. : КНЕУ, 2003. – 394 с.
3. П'ятницька, Г. І. Інноваційні стратегії в сучасних умовах господарювання: суть та наукові підходи до формування вибору / Г. І. П'ятницька // Проблеми науки. – 2004. – № 11. – С. 21–29.
4. Гальчинський, А. С. Економічна енциклопедія : у 3 т. / А. С. Гальчинський, В. М. Геєць, О. І. Амоша ; відп. ред. С. В. Мочерний. – К. : Академія, 2001. – Т. 3. – 800 с.
5. Ткач, І. М. Концепція стратегії розвитку оборонно-промислового комплексу України на інвестиційно-інноваційних засадах / І. М. Ткач // Проблеми науки. – 2007. – № 12. – С. 9–14.
6. Инновационный менеджмент / под ред. В. М. Аньшина, А. А. Дагаева. – М. : Дело, 2003. – 528 с.

7. Економічна енциклопедія : у 3 т. / редкол. : С. В. Мочерний (відп. ред.) [та ін.]. – К. : Академія, 2002. – Т. 3. – 952 с.
8. Мостовая, И. В. Инновационный менеджмент в современном производстве: развитие социальных технологий / И. В. Мостовая, К. М. Дзыбов. – Ростов н/Д. : Изд-во Ростов. ун-та, 1998. – 105 с.
9. Економіка та організація інноваційної діяльності : навч. посіб. / І. А. Павленко ; Київ. нац. екон. ун-т. – К. : КНЕУ, 2004. – 202 с.
10. Інноваційний розвиток промисловості України / О. І. Волков [та ін.] ; під ред. О. І. Волкова, М. П. Денисенко. – К. : КНТ, 2006. – 648 с.
11. Новиков, Д. А. Модели и методы организационного управления инновационным развитием фирмы / Д. А. Новиков, А. А. Иващенко. – М. : КомКнига, 2006. – 332 с.
12. Пастухова, В. В. Стратегічне управління підприємством: філософія, політика, ефективність : монографія / В. В. Пастухова ; Київ. нац. торг.-екон. ун-т. – К. : КНТЕУ, 2002. – 301 с.
13. Немцов, В. Д. Стратегічний менеджмент: навч. посіб. / В. Д. Немцов, Л. Є. Довгань. – К. : ЕксОб, 2001. – 559 с.
14. Ляско, В. И. Стратегическое планирование развития предприятия : учеб. пособие для вузов / В. И. Ляско. – М. : Экзамен, 2005. – 288 с.
15. Стадник, В. В. Інноваційний менеджмент : навч. посіб. / В. В. Стадник, М. А. Йохна. – К. : Академвидав, 2006. – 463 с.
16. Лайм, Фасей. Курс МВА по стратегическому менеджменту : пер. с англ. / Лайм Фасей, Роберт Ренделл (ред.). – М. : Альпина Паблишер, 2002. – 608 с.
17. Юданов, А. Ю. Конкуренция: теория и практика : учеб.-практ. пособие / А. Ю. Юданов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Ассоц. авт. и изд. «Тандем», «ГНОМ-ПРЕСС», 1998. – 384 с.
18. Краснокутська, Н. В. Інноваційний менеджмент : навч. посіб. / Н. В. Краснокутська ; Мін-во освіти і науки України, КНЕУ. – К. : КНЕУ, 2003. – 504 с.
19. Гунин, В. И. Управление инновациями: 17-модельная программа для менеджеров «Управление развитием организации». Модуль 7 / В. И. Гунин. – М. : ИНФРА-М, 1999. – 328 с.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ, ОСОБЕННОСТИ И ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

О. А. Кузьменко, С. И. Барановский

Белорусский государственный технологический университет, г. Минск

Цели в области устойчивого развития являются своеобразным призывом к действию, исходящим от всех стран – бедных, богатых и среднеразвитых. Он нацелен на улучшение благосостояния и защиту нашей планеты. Государства признают, что меры по ликвидации бедности должны приниматься параллельно усилиям по наращиванию экономического роста и решению целого ряда вопросов в области образования, здравоохранения, социальной защиты и трудоустройства, а также борьбе с изменением климата и защите окружающей среды.

На примере регионалистики: устойчивое развитие – процесс обеспечения функционирования территориальной системы с заданными параметрами в определенных условиях на протяжении длительного периода, что приведет к гармонизации факторов производства и улучшению качества жизни современных и будущих поколений при условии сохранения и поэтапного восстановления целостности окружающей среды [1].

Регион выступает основным звеном системы устойчивого развития, регулирующим осуществление государственной политики по конкретным направлениям с координацией действий в соответствии со спецификой территории, является представителем решения региональных проблем на макроуровне. С точки зрения административного районирования он определяется как субъект управления экономической деятельности, являющийся структурной частью целостной сложной системы (мегаэкономики) и имеющий совокупность следующих признаков: единую территорию с четко определенными границами, сходными социально-экономическими условиями и общими социально-экономическими интересами, определяющими региональную специализацию и локализацию; наличие органов власти [2].

Стратегию регионального развития необходимо разрабатывать исходя из комплексной оценки природных ресурсов, сложившейся социально-экономической, демографической и экологической ситуации в регионах, научно-технического и производственного потенциала отдельных видов экономической деятельности, оптимизации внешнеэкономических связей, формирования производственно-территориальных кластеров.

В Стратегии регионального развития должна быть обоснована целесообразность размещения определенных видов экономической деятельности (секторов экономики, предприятий, производств) по регионам страны, исходя из общегосударственных приоритетов, выявлены основные внутриобластные и межрегиональные опорные территории (точки роста), формирование которых станет основой перспективного развития областей и их отдельных районов [3].

В соответствии с этим необходимо выделение основных методологических принципов устойчивого развития региона (см. таблицу).

Методологические принципы устойчивого развития региона

Принцип	Сущность
Экономическая эффективность	Экономическая эффективность включает рациональное использование природных и кадровых ресурсов; наличие сфер экономики, создающих конкурентные преимущества региона (производство, туризм, сельское хозяйство)
Социальная защищенность	Обеспеченность населения учреждениями культуры, образования, медицинского обслуживания; уровень преступности; уровень занятости населения; соблюдение мер социального страхования
Экологическая безопасность	Уровень загрязненности территорий бытовыми отходами, отходами жизнедеятельности (мусор, выбросы CO ₂ и т. д.), а также радиоактивными веществами; риск возникновения природных катаклизмов или экологических катастроф
Ответственность за принимаемые решения	Наличие региональных (областных и городских) органов управления, уполномоченных в управлении бюджетными ресурсами, взаимодействии с финансовым блоком, другими регионами страны с целью координации стратегии развития
Забота о будущих поколениях	Недопущение создания условий, худших по отношению к настоящему моменту, или факторов, способствующих ухудшению ситуации
Географическое положение	Расположение по отношению к ближайшим рынкам, наличие быстро/медленно развивающихся регионов-соседей, доступность инфраструктуры любого типа, использование безусловных ресурсов в соответствии с географическим положением

Однако в результате международного разделения труда и международного разделения факторов производства, а также с учетом различной обеспеченности регионов теми или иными ресурсами (в том числе исторически) и принимая во внимание основные принципы устойчивого развития региона, следует также учитывать особенности развития регионов:

- климатические и природные особенности региона;
- регионы (области) страны в разной степени наделены природными и кадровыми ресурсами (в том числе из-за направленности предоставления образовательных услуг, уровня прироста населения);

- в соответствии с экономическим потенциалом региона различно и наличие соглашений и связей международного характера с целью привлечения инвестиций (в том числе на основе сотрудничества с Торгово-промышленной палатой);
- предпринимательский потенциал региона с учетом исторически сложившихся обычаев, «регионального» менталитета;
- удаленность от столицы, областных и районных центров;
- оценка уровня устойчивого развития регионов-соседей (в том числе регионов других стран) и влияния этого уровня на уровень развития конкретного региона;
- наличие научно-исследовательских институтов и исследовательских центров;
- экологическое состояние региона;
- роль региона в экономической безопасности государства и т. д.

Использование методологических принципов и особенностей развития региона, а также использование ориентиров в области целей устойчивого развития позволит сформулировать единую концепцию устойчивого развития региона с учетом единой национальной стратегии и согласованности всех элементов экономической системы страны.

Опираясь на определение региональной конкурентоспособности и триаду «человек – природа – экономика», на которой базируется концепция устойчивого развития, можно выделить факторы региональной конкурентоспособности.

Таким образом, устойчивое развитие регионов определяется через конкурентоспособность, в основе которой лежат преимущества (факторы), которые основываются на обладании лучшими по сравнению с другими экономическими, социальными, экологическими факторами и входящими в них элементами.

Факторы, влияющие на устойчивое социально-экономическое развитие региона, могут быть сгруппированы в следующие основные группы: по направлению действия, по характеру действия и устойчивости, по времени действия. По направлению действия факторы влияния делятся на внешние и внутренние. Под внешними факторами развития региона понимают причинно-следственные связи, обусловленные внешним воздействием окружающей среды. К числу важнейших внешних факторов можно отнести политические, правовые, хозяйственные, социальные, технологические и другие силы влияния внешних систем.

Влияние внешних факторов на развитие региона бывает прямое (например, влияние на индивидуальное развитие человека – здоровье человека, его физическую выносливость, работоспособность, рождаемость и смертность, деструктивное влияние на природные системы) и косвенное (влияние на общее и индивидуальное развитие человека, зависимость человека от средств существования, от средств и результатов труда). В свою очередь косвенное влияние внешних факторов может быть выражено в износе основных фондов промышленности в результате загрязнения окружающей среды, а также может стимулировать или дестимулировать влияние природной среды на социально-экономическое развитие региона.

Внутренние факторы развития региона включают:

- условия среды (климат, рельеф) и обеспеченность территории природными ресурсами;
- качество компонентов природной среды данной территории;
- формы социально-экономического устройства;
- законодательную базу;
- исторически сложившиеся системы размещения производительных сил и др.

На основе внутренних факторов влияния регион формирует стратегию социально-экономического развития. То есть существуют причинно-следственные связи, обусловленные внутренним состоянием общества и развитием территории.

К новейшим внутренним факторам региональной системы, определяющим развитие территории в современных условиях, можно отнести:

- способность накапливать, закреплять и использовать информацию;
- степень развития различных уровней общества;
- уровень технологического развития;
- социальные условия существования общества (включая нравственное воспитание, отношения между поколениями);
- инновационный, инвестиционный, ресурсный, производственный, кадровый потенциал региона [4].

На характер действия и устойчивость социально-экономического развития региона также влияют объективные и субъективные факторы. Объективные факторы формируются под влиянием исторических (традиционных) и рыночных (современных, новейших) предпосылок. К ним относятся: природные, производственные, финансовые, трудовые ресурсы; экономико-географическое положение региона; природные условия; рыночная конъюнктура. «Для некоторых конкретных регионов более высокое значение имеют те факторы, которые характерны для отраслей специализации» [5].

Субъективные факторы формируются под влиянием экономических субъектов, общественных организаций, государственных и муниципальных органов власти. К этой группе факторов относятся: нормативная и законодательная база, экологическая ситуация в регионе, политика государства, направленная на социально-экономическое развитие и внутренняя политика самого региона [6].

Таким образом, устойчивое развитие региона представляет собой комплексный процесс, учитывающий методологические принципы, особенности развития и факторы конкурентоспособности, что предполагает рассмотрение региона как сложной системы с различными сложившимися преимуществами и ограничениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасимчук, И. В. Международное право окружающей среды: Региональный опыт в решении глобальных проблем / И. В. Герасимчук // *Международ. право.* – 2000. – № 1. – С. 67–100.
2. Морозова О. В. Методологические подходы к определению устойчивого экономического развития региона / О. В. Морозова. – Гомель : БГЭУ ПК, 2013.
3. Богданович, А. В. Методологические вопросы разработки стратегии регионального развития страны / А. В. Богданович, Д. А. Чиж. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/111770/1/chi17.pdf> – Дата доступа: 27.02.2019.
4. Цомарова, Л. В. Факторы устойчивого развития региональных социально-экономических систем / Л. В. Цомарова // *Экономика и эффективность организации производства.* – 2011. – № 14. – Режим доступа: http://science-bsea.narod.ru/2011/ekonom_2011_1/comarova_factory.htm. – Дата доступа: 27.02.2019.
5. Минаев, Ю. Н. Анализ факторов, влияющих на уровень социально-экономического развития региона / Ю. Н. Минаев // *Вестн. ТГУ.* – 2009. – № 1. – С. 334.
6. Гаврилов, А. И. Региональная экономика и управление : учеб. пособие для вузов / А. И. Гаврилов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – С. 22.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РЕГИОНОВ РОССИИ И БЕЛАРУСИ В СФЕРЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

С. В. Деревянко

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, г. Москва

В октябре 2018 г. прошел Пятый форум регионов Беларуси и России, который явно продемонстрировал, что эффективное использование имеющегося в регионах Беларуси и России производственного потенциала, развитие кооперации и специализации предприятий, расширение ранее сложившихся связей и образование новых – это дейст-

венный резерв и прочный фундамент дальнейшего совершенствования интеграционных процессов. При этом в повестке Пятого форума регионов России и Беларуси особое внимание уделено вопросам цифровой экономики.

Если рассматривать приграничные регионы, то к общей функции, которая способствует их интеграции, относится обслуживание взаимной торговли двух стран, а также их торговли с третьими странами.

К сожалению, невозможно выделить реальный товарообмен между регионами российско-белорусского приграничья. Доступна статистическая информация, описывающая взаимную торговлю в масштабе «государство – регион». На основе данной информации Агентством анализа интеграционных инициатив были проанализированы численные характеристики взаимной торговли России и Беларуси [2].

Результаты торгово-экономических отношений между двумя странами в 2017 г. являются достаточно оптимистичными. Впервые с 2013 г. наблюдается рост товарооборота Республики Беларусь на 24 % в целом и на 23,5 % – с Российской Федерацией, в частности. Во многом это можно связать с оживлением российской экономики и ее адаптацией к санкционному давлению.

Однако не стоит забывать, что экономическая ситуация в приграничье хуже, чем в целом по странам. Анализ распределения приграничных регионов России и Беларуси по размеру душевого валового регионального продукта (ВРП) в 2016 г. свидетельствует о том, что по данному показателю области российско-белорусского пограничья различаются на сравнительно небольшую величину. Пограничные с Беларусью российские регионы относятся к периферийным территориям со средними по сравнению с другими регионами страны темпами роста ВРП [4], [5].

Практика высокоразвитых стран показывает, что инновационные стратегии в значительной степени готовы внедрять и депрессивные регионы для преодоления кризиса с помощью новых технологических решений. Примером служит Венгрия, большинство высокотехнологичных компаний которой сосредоточено в нескольких западных промышленных регионах, которые еще в 1998 г. были депрессивными. Создание условий по привлечению иностранных инвестиций преимущественно в «новую экономику» привело к уменьшению разрыва в уровне развития регионов этой страны [1, с. 60].

Мы полагаем, что синергетический эффект сотрудничества регионов России и Беларуси может быть достигнут при эффективном использовании региональных преимуществ, ориентированных на цифровую экономику, которая в настоящее время является трендом экономического развития всех развитых стран мира и следствием совершения новой, четвертой революции в развитии производительных сил.

«Цифровая экономика – это совокупность общественных отношений, складывающихся при использовании электронных технологий, электронной инфраструктуры и услуг, технологий анализа больших объемов данных и прогнозирования в целях оптимизации производства, распределения, обмена, потребления и повышения уровня социально-экономического развития государств» [3].

Если в ресурсной экономике наиболее высокую рыночную капитализацию имеют энергетические компании, то в цифровой экономике растет капитализация IT-компаний.

Цифровая экономика помимо традиционных технологий (беспроводная связь, мобильное устройство, микроэлектроника) предусматривает принципиально новые сущности, такие, как Big Data (технология работы с большими данными), Blockchain (способ хранения данных или цифровой реестр транзакций, сделок, контрактов), машинное обучение, виртуальная и дополненная реальность, искусственный интеллект, квантовые технологии и т. д.

В настоящее время и в России, и в Беларуси поставлена задача импортозамещения. Однако в связи с тем, что происходит постоянное появление новых технологий,

которые вытесняют старые, а из-за спешки внедряются в основном западные новинки, зависимость только растет. Если новые технологии будут преимущественно отечественными, то к 2025 г. мы как раз и получим ту самую независимость на 80–90 %. Возможность формировать свои данные и распоряжаться ими является сегодня признаком суверенитета.

Чтобы обеспечить глобальную конкурентоспособность экономики, нужна консолидация партнеров, в том числе на международном уровне.

В 2017 г. главы государств Евразийского экономического союза (ЕАЭС) утвердили основные направления развития цифровой повестки до 2025 г. [6]. Это цифровая прослеживаемость, цифровая торговля, цифровые транспортные коридоры и цифровая промышленная кооперация. Все эти направления так или иначе затрагивают тему трансграничной торговли или внешней торговли. И понятно, что они затрагивают тему и взаимодействия субъектов хозяйствования по обе стороны границы, как между собой, так и с таможенными органами. Поэтому остается важным вопрос сближения стандартов, которые используются при формировании электронных документов, описании товаров при идентификации и т. д.

Следует отметить, что основным инструментом реализации промышленной политики Союзного государства, в том числе и на региональном уровне, по-прежнему, являются союзные программы, в которых задействованы производственные коллективы двух стран. В бюджете Союзного государства на 2019 г. в приоритете – финансирование реализации не производственных программ, а научно-технических программ, которые позволяют проводить научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, нацеленные на создание инновационных продуктов. Это связано с тем, что стоимость таких работ составляет до 40 % в цене конечного продукта, что усложняет процесс инвестирования.

В Беларуси созданы все условия для развития IT-отрасли: принят Декрет «О развитии цифровой экономики», указ по его реализации. Беларусь обладает хорошими компетенциями в сфере программирования, «обгоняя» многие страны Евросоюза – Германию, Италию и др. Объединение опыта использования современных технологий регионов России и Республики Беларусь при условии использования цифровизации экономики как инструмента для повышения производительности труда позволит перейти на новый уровень производства.

Правительство Республики Беларусь, Государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)», ОАО «Банк развития Республики Беларусь», Государственный специализированный Российский экспортно-импортный банк и ОАО «Белвнешэкономбанк» 8 декабря 2016 г. подписали меморандум о намерениях по созданию интеграционной платформы развития.

В апреле 2017 г. между Республикой Беларусь и Российской Федерацией достигнута договоренность по реализации научно-технических мероприятий для создания пилотного российско-белорусского сегмента открытой программно-технической платформы интернета вещей (ИВ) на основе технологий радиочастотной идентификации (RFID) и формирования на ее основе системы мониторинга товарных потоков.

Реализация пилотного белорусско-российского проекта позволит на практическом уровне подтвердить возможность решения важнейших экономических задач, стоящих как перед Беларусью, так и Россией. А это реальное импортозамещение, а не промышленная сборка из иностранных компонентов, развитие ключевых технологий в сфере радио- и микроэлектроники, загрузка существующих промышленных активов, а значит – создание высококвалифицированных рабочих мест, улучшение качества жизни людей и, как показывают экономические расчеты, увеличение ВВП обоих государств.

Безусловно, развитие проекта в сфере цифровой экономики в российских и белорусских регионах и минимизация рисков для граждан, общества и государства требуют серьезной законодательной работы.

В данном случае, на наш взгляд, необходимо учитывать следующее:

- 1) опережающее законодательство;
- 2) «регулятивные песочницы»;
- 3) быстрое реагирование и настройка.

В перспективе развитие общего проекта позволит встроиться в мировую систему прослеживаемости товаропотока обеим странам с уже готовыми и апробированными технологическими решениями. Проблема прикладной реализации имеющегося интеллектуального потенциала требует решения в сжатые сроки. А концентрация усилий обеих стран может гарантировать создание конкурентоспособных наукоемких интеллектуальных инновационных технологий и систем в те же сроки, что и в развитых странах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов, Р. А. Конкурентоспособность инновационных систем Союзного государства в целях экономической безопасности в мире / Р. А. Абрамов, С. Г. Стрельченко, С. В. Дервянко // *Международ. отношения.* – 2017. – № 4. – С. 55–73.
2. Агентство анализа интеграционных инициатив. – Режим доступа: <http://np-aaii.ru/>.
3. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» : Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 28.07.2017 г. № 1632-р.
4. Регионы Республики Беларусь. Основные социально-экономические показатели городов и районов : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2018. – Т. 2. – 584 с.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017 : стат. сб. / Федер. служба гос. статистики. – М. : Росстат, 2017. – 1402 с.
6. Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 года: перспективы и рекомендации / Офиц. сайт Евраз. экон. ком. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/SiteAssets/%D0%9E%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80%20%D0%92%D0%91.pdf>.

СЕКЦИЯ II

**ОБРАЗОВАНИЕ, ТУРИЗМ,
СЕМЬЯ И БРАК
В СЛАВЯНСКОЙ
КУЛЬТУРЕ**

ВИРУСНЫЙ МАРКЕТИНГ КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО АКТИВИЗАЦИИ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. Н. Карчевская

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Беларусь

Вирусный маркетинг представляет собой совокупность разнообразных средств и способов распространения рекламы. Важная отличительная черта вирусного маркетинга от других методов состоит в том, что в данном случае получатели информации являются одновременно и ее распространителями. Распространяется полученная информация посредством формирования содержания, способного привлечь новых получателей информации за счет яркой, творческой, необычной идеи или с использованием естественного или доверительного послания. Это способ воздействия на целевую аудиторию, обеспечивающий продвижение товаров и услуг за счет и силами самой целевой аудитории, участвующей в распространении информации о предмете маркетинга.

Популярность вирусного маркетинга в последнее время заметно растет. Различные интернет-ресурсы дают возможность своим пользователям быстро обмениваться информацией. А интернет-сообщества и блоги способствуют обмену мнениями и комментариями. Все это создает благоприятные условия для распространения вирусного маркетинга. Грамотный вирусный продукт дает возможность предприятию эффективно и на протяжении долгого времени продвигать на рынок свои товары и услуги с малыми финансовыми затратами, сформировать благоприятное отношение потребителей к собственному продукту.

Туристские компании для налаживания контакта с клиентами и выбора целевой аудитории прибегают к использованию приемов интернет-маркетинга [1]. Эффективный интернет-маркетинг позволяет сформировать положительный имидж туристской компании, что, в свою очередь, обеспечивает ей устойчивую рыночную нишу. Поэтому одним из эффективных способов завоевания рыночной ниши для туристского предприятия может быть использование вирусного маркетинга. Перспективной площадкой для внедрения вирусного маркетинга являются социальные сети.

В рамках настоящего исследования изучалась степень использования участниками туристского рынка Гомельского региона приемов вирусного маркетинга в развитии бизнеса по данным таких интернет-порталов как Holiday.by и Relax.by [3], [4]. Используемые социальные сети для активизации инструментов вирусного маркетинга: ВКонтакте, Одноклассники, Мой мир, Instagram, YouTube, Facebook, Twitter.

Анализ проводился экспертным методом по следующим компонентам:

- структурные элементы на странице турфирмы в социальной сети;
- текстовая информация;
- мультимедийная информация;
- онлайн-диалог с пользователями;
- использование ссылочного ранжирования;
- возможность интеграции данных;
- динамика развития сети.

Проведенное исследование показало, что наиболее подвержена воздействию вируса следующая информация (в порядке убывания значимости для потребителя):

- видеoinформация;
- графическая информация;
- текстовая информация.

Как правило, вирусная информация проходит следующие стадии: зарождение, инкубация, распространение, упадок, возрождение (в некоторых случаях), исчезновение вируса.

Потребителями вирусной информации выступают читатели интернет-странички турфирмы. Ими являются, прежде всего, подписчики группы, затем (по закону распространения вируса) люди, контактировавшие с подписчиками группы (друзья), а также целевые туристы, подыскивающие информацию для отдыха, и, наконец, случайные посетители странички в социальной сети.

По степени воздействия на читателей всю вирусную информацию в социальных сетях можно представить следующим образом (рис. 1).

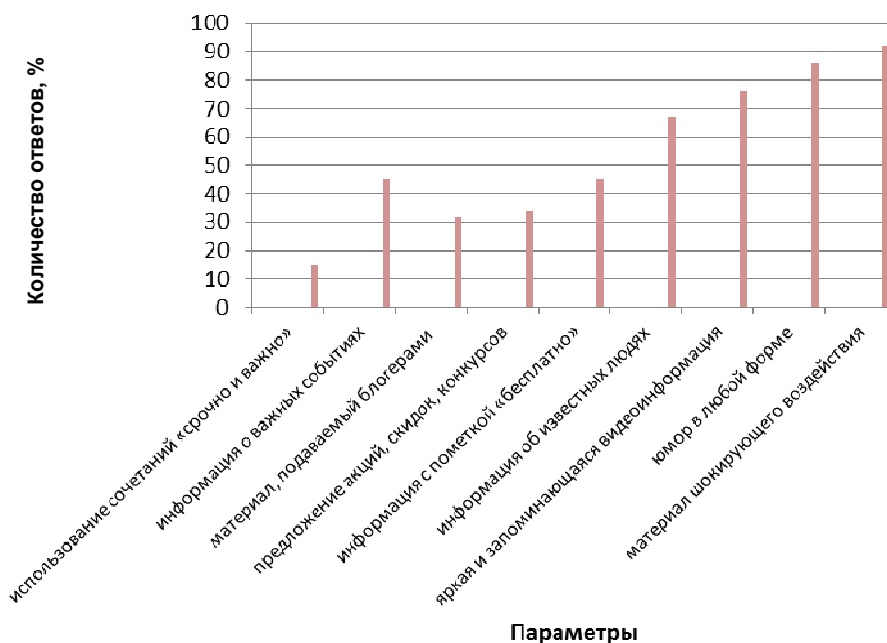

Рис. 1. Степень воздействия на читателей вирусной информации в социальных сетях

Для эффективного использования инструментов вирусного маркетинга в социальных сетях предприятиям туристского бизнеса необходимо:

- использовать в качестве вирусного текста статьи провокационного характера, вызывающие у эмоциональных людей желание поделиться с другом прочитанным;
- делать ставку на юмор;
- использовать таргетированную рекламу, направленную на конкретных пользователей;
- активизировать свою целевую аудиторию с помощью акций, скидок, конкурсов;
- использовать блогеров и активных пользователей, рассказывающих о компании, турах, курортах и местах отдыха;
- делать акцент на запоминающихся моментах в видео;
- предлагать на собственном ресурсе услуги с пометкой «бесплатно»;
- использовать в заголовках сочетания «срочно и важно»;
- проводить постоянный мониторинг эмоциональных откликов на распространенную вирусную информацию.

Итоговый анализ ресурсов социальных сетей турфирм Гомельской области представлен на рис. 2 (в баллах согласно экспертной оценке).

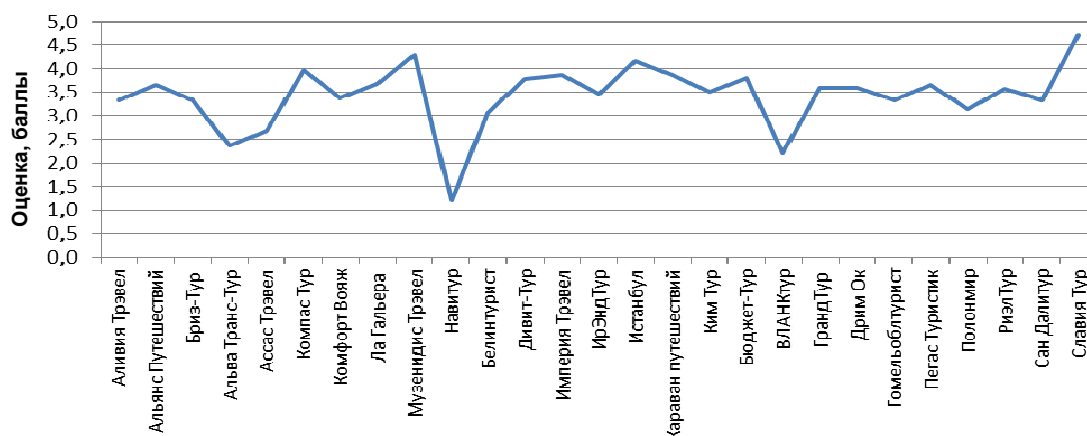

Рис. 2. Оценка использования приемов вирусного маркетинга турфирмами

Таким образом, социальные сети могут использоваться в разных целях и разными способами, но, в любом случае, являются эффективным средством продвижения услуги туристского предприятия на рынок. Перспективным инструментом работы в социальных сетях является вирусный маркетинг. Бесспорное преимущество вирусного маркетинга заключается в небольшом количестве затраченных предпринимателем для продвижения продукции или услуг денег. Однако вирусный маркетинг имеет и недостатки: недостаточный контроль над ситуацией, высокая вероятность искажения информации. Тем не менее, грамотное использование вирусного маркетинга может быть одним из ключевых факторов успеха туристского предприятия. Вряд ли на туристском рынке будут конкурентоспособными компании, игнорирующие интернет-технологии и инструменты вирусного маркетинга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карчевская, Е. Н. Анализ использования приемов SMM-маркетинга туристскими предприятиями Гомельского региона / Е. Н. Карчевская // Вестн. Гомел. гос. техн. ун-та им. П. О. Сухого. – 2017. – № 1. – С. 102–106.
2. Туристический портал в Беларуси Holiday.by, все об отдыхе. – Режим доступа: <http://www.holiday.by/>. – Дата доступа: 25.02.2019.
3. Информационный портал Relax.by. – Режим доступа: <http://www.relax.by/>. – Дата доступа: 25.02.2019.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ РОССИЯНАМИ И БЕЛОРУСАМИ В РАМКАХ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Л. И. Грошева

*Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, Россия*

Россия и Беларусь имеют значительный потенциал в развитии туристической отрасли. Основным преимуществом для развития данной отрасли в Беларуси является ее территориальное нахождение на границе двух цивилизаций – западной и восточной. Выгодное географическое положение, богатое культурно-историческое наследие, разнообразные и уникальные природно-территориальные комплексы являются неотъемлемой частью национального туристского продукта и играют непосредственную роль в его формировании и создании конкурентных преимуществ с другими государствами.

В то же время протяженность территории Российской Федерации имеет преимущество в регулярном и системном привлечении туристов в рамках туристических ком-

плексов, охватывающих различные регионы по историческому, культурному или потребительскому концептам.

Однако, несмотря на вышеперечисленные положительные стороны, туристская привлекательность стран по-прежнему находится на низком уровне. Если доля России в привлечении туристов азиатских и европейских стран стабильно возрастает на 10–15 % ежегодно, а внутри страны граждане стали путешествовать на 37 % чаще, то относительно Республики Беларусь данные показатели осложнены ослаблением внутреннего ресурса туристической активности [3, с. 189]. Так, въездной и внутренний туризм до сих пор не получил должного развития. В частности, по данным Государственного пограничного комитета Республики Беларусь, в 2017 г. число поездок иностранных граждан в Республику Беларусь (без учета граждан, пересекавших российско-белорусский участок границы, а также прибывших и выехавших на постоянное место жительства) составило 4327,8 тысячи и по сравнению с 2016 г. увеличилось на 146,5 тысяч. Среди них из стран СНГ с целью туризма прибыло в республику 97801 человек, что на 3695 больше, чем в 2016 г. Лидирующие позиции среди стран Содружества по организованным туристам сохранились за Россией – 94,2 тыс. человек и Украиной – 2,1 тыс. человек. Среди стран дальнего зарубежья лидерами по числу посещений республики являлись: Польша (11963), Литва (9271 чел.), Латвия (4471) [2, с. 5].

Обладая рядом очевидных преимуществ, туристический бизнес в Республике Беларусь не всегда получает должное внимание в отдельных регионах. Данный факт может быть связан как с проблемами на уровне управленческого аппарата в виде недостаточного понимания возможностей отрасли, так и в разрезе объективных и субъективных проблем, находящихся в основе локальной системы коммуникаций. Своевременная коррекция возникающих проблем может быть реализована посредством инструментов гражданского контроля, в рамках которого могут проявлять активность общественные организации, социальные институты и рядовые граждане. Актуальность рассмотрения активности граждан заключается в их погружении в туристическую среду, что позволяет производить более комплексный анализ сложившейся ситуации.

С целью анализа оценки качества туристической отрасли и форм активности граждан в коррекции выявляемых недостатков в апреле–июне 2018 г. был проведен контент-анализ российских и белорусских систем отзывов о качестве гостиничных услуг (193 отзыва с оценкой ниже трех баллов из пяти или ниже пяти по десятибалльной шкале, опубликованные не ранее апреля 2016 г.).

Заслуживает внимания тот факт, что среди представленных отзывов 32,1 % информации содержали рекомендации по повышению качества обслуживания, что говорит о стремлении населения скорректировать выявленные недостатки. 18,4 % включали оскорбительные речевые обороты или бранную, нецензурную лексику, защищенную от автоматической модерации специальными символами или эмотивными элементами. Использование подобных языковых средств чаще всего относилось к субъективным проблемам сервиса: недоброжелательное отношение персонала, отсутствие обратной связи или недостаточно четко оговоренные условия заселения. Проблемы, связанные с работой автоматической системы бронирования, а также соответствия позиционируемых на фотографиях номеров фактическому их состоянию отмечались в 13,7 % случаев и характеризовались достаточно умеренным эмоциональным компонентом.

Таким образом, основными сдерживающими факторами увеличения масштабов пользования услугами мест для отдыха являются следующие проблемы.

1. Неоднородность качества и уровня оказываемых услуг. Цены за предлагаемые туристические услуги, как правило, в большей степени ориентированы на показатели приобретаемых франшиз и среднего сегмента по отрасли в целом, нежели на покупательную способность и текущий потенциал региона.

2. Информирование о достопримечательностях городов происходит достаточно разрозненно. Информация обновляется в среднем раз в 3–4 года, что приводит к значительному устареванию данных. С одной стороны, наблюдается диспропорция в рекламе крупных уже известных туристических мест и новых маршрутов. С другой – проявляется необходимость в создании автоматизированных маршрутных карт, создание которых должно быть доступно для рядового туриста согласно его предпочтениям.

3. Качество развития туристической инфраструктуры, в том числе системы информационной поддержки туриста, планирования туристических маршрутов и застройки городов, негативно влияющее на формирование привлекательности регионов. Согласно данным исследовательских центров, коэффициент износа отечественной гостиничной базы составляет 68,5 %. А количество гостиниц, удовлетворяющих мировым стандартам, составляет 23 % [1]. Стоит отметить также нехватку объектов индустрии развлечений, особенно крупных (аквапарки, развлекательные комплексы, аттракционы и т. д.). Удручающим остается положение с дорогами и дефицитом доступных комфортабельных транспортных средств.

4. Предложение сопутствующей продукции также развито неравномерно в региональном представлении. Согласно отзывам, практически повсеместно наблюдается однотипная сувенирная продукция китайского производства, торговля которой развита слабо или вообще отсутствует. Также присутствуют проблемы снабжения необходимыми бытовыми средствами – отдыхающему порой приходится самому искать необходимые товары для отдыха или заранее привозить их с собой.

5. Недостаточное внимание к проработке туристических пакетов делает отечественную сферу путешествий и отдыха менее привлекательной. Официальная статистика касательно туристических услуг показывает, что около 20 % граждан, выбирая отдых за рубежом, отдают предпочтение турам с экскурсионным пакетом. Еще приблизительно 15 % прибегают к услугам, которые предоставляются отелями и гостиницами [1]. Отечественные же места отдыха пока не могут удовлетворить данные потребности. Работа в данном направлении несет потенциал увеличения доли легальных экскурсионных бюро, обеспечивающих необходимую организацию с соответствующим уровнем безопасности.

Следовательно, активная позиция граждан в сфере оценки и контроля качества туристической отрасли имеет в себе значительный потенциал. По результатам анализа официальной статистики и авторского исследования рефлексии туристов можно определить ряд перспективных направлений, которые могут использовать предприниматели и государственные деятели в качестве возможных аспектов совершенствования сложившейся ситуации.

1. Перспектива туризма связана с освоением новых мест с большим потенциалом [3].
2. Увеличение внутреннего туризма возможно путем увеличения туристической мобильности граждан со средним уровнем дохода, молодежи и лиц пожилого возраста.
3. Продвижение детско-юношеского туризма в рамках спортивного, оздоровительного, походного туризма позволяет прививать туристическую культуру населению.
4. Рост спроса на бюджетные путешествия «выходного дня» должен стимулировать создание соответствующих объектов, ориентированных на возможное разделение детского и взрослого отдыха приезжающих.
5. Популяризация экологического туризма актуализируется в связи с увеличением плотности заселения городов и морально-психологической перегруженностью средне-статистического городского жителя.
6. Создание комбинированных туров по малым городам России и Республики Беларусь содержит в себе популяризацию мобильного образа жизни.

7. Достаточно мало проработанным, но перспективным остается направление сочетания активного отдыха, связанного с региональным перемещением, и обеспечения лечения граждан.

Таким образом, формирование привлекательности отдыха в Союзном государстве сопряжено с необходимостью ликвидации базовых проблем туристической отрасли, а также с ограничением влияния сдерживающих факторов на развитие туристской индустрии. Данные действия приведут к экономической, социальной и экологической устойчивости регионального развития, что повысит значимость туристской отрасли как одной из важнейших отраслей развития страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Качурина, М. М. Развитие внутреннего туризма: импортозамещение / М. М. Качурина, Н. Ю. Губанова // Гуманитар., социал.-экон. и обществ. науки. – 2015. – № 11-2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-vnutrennego-turizma-v-rossii-importozameshenie>. – Дата доступа: 05.12.2018.
2. О развитии туризма, деятельности туристических организаций, коллективных средств размещения Республики Беларусь за 2017 год : стат. бюл. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2018. – 36 с.
3. Шарухо, И. Н. Туристический потенциал культурно-географических районов Беларуси / И. Н. Шарухо // Теория и практика устойчивого развития: географическое обеспечение : материалы Междунар. науч.-практ. конф. ; под ред. И. Н. Шарухо. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2008. – С. 188–193.

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ТРАНЗИТНОГО ТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Е. Н. Карчевская, О. А. Богдановская

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Беларусь

Транзитный туризм – достаточно новое явление для белорусского туристического рынка. Географическое положение нашей страны обеспечивает ей ряд преимуществ в данном направлении по сравнению со многими другими странами. Следовательно, транзитный туризм для Беларуси – перспективный источник дохода. Вместе с тем, рынок транзитного туризма Республики Беларусь нуждается в совершенствовании. Приходится констатировать, что в нашей стране некоторые объекты придорожного сервиса находятся на том же уровне развития, что и 10–15 лет назад. К сожалению, иногда и качество объектов и услуг придорожного сервиса находятся на том же уровне. Иностранцы, проезжающие по белорусским трассам, зачастую оставляют крайне негативные отзывы о транзитных отелях и кафе [1].

В перспективе транзитный и трансграничный туризм может и должен стать одним из приоритетных направлений развития туризма в Беларуси. А значит, и придорожный сервис должен развиваться вместе с транзитным туризмом и выравниваться по качеству с европейским придорожным сервисом.

Для анализа транзитного туризма воспользуемся основными методами: индексным методом анализа конкурентоспособности и матричным методом SWOT-анализа.

Расчет конкурентоспособности транзитного туризма Республики Беларусь проведем в сравнении с Россией и Польшей. Обе страны находятся в одном туристском регионе – Центрально-Восточной Европе, они близки нам по историческому и экономическому развитию, и, наконец, они соединены между собой проходящей через Беларусь трассой М1. Следует также иметь в виду, что крупнейшая автомобильная дорога Беларуси – трасса М-1/Е30 Брест – Минск – граница Российской Федерации – является участком трансъвропейского транспортного коридора II Берлин – Варшава – Минск – Москва – Нижний Новгород. Для сравнения возьмем три аналогичных участка трассы: М1 (белорусский), М7 (российский), А1 (польский).

Для расчета конкурентоспособности выделим наиболее значимые для транзитного туризма показатели (на основании анализа данных интернет-источников) [2], [4]:

- 1) качество транзитных трасс;
- 2) качество работы и разнообразие объектов придорожного сервиса;
- 3) разнообразие достопримечательностей и объектов туризма, расположенных на доступном расстоянии от трасс (в пределах не более 1 ч езды).

По результатам исследования мы получили оценки по каждому фактору трех стран от 0 до 5 (экспертный опрос использовался для получения оценок по качественным показателям). Используемый способ расчета аддитивного показателя конкурентоспособности проводился без учета веса важности показателей, так как изначально предполагалось, что все показатели одинаково важны для полноценного развития транзитного туризма.

Анализ показал, что наиболее конкурентоспособным потенциалом для развития транзитного туризма обладают Беларусь и Польша в одинаковой степени.

Кроме того, таким же способом был проведен анализ конкурентоспособности крупнейших автомобильных трасс, проходящих по самой территории Беларуси: М1, М3, М4, М5, М6, М8, М10, объединяющих 355 объектов придорожного сервиса [3]. Анализ проводился по тем же показателям и теми же экспертами, что и оценка конкурентоспособности стран.

Используя значения оценок экспертов, была составлена долевая таблица (табл. 1). Расчет производился следующим образом: каждое значение каждой ячейки отдельного показателя таблицы со средними значениями оценок экспертов делится на наибольшее среднее значение по данному показателю.

Таблица 1

Долевая таблица анализа трасс

Показатель	Трасса						
	М1	М3	М4	М5	М6	М8	М10
Качество транзитных трасс	1	0,8	0,7	0,7	0,6	0,8	0,5
Качество и разнообразие объектов придорожного сервиса	1	0,6	0,4	0,6	0,8	0,2	0,8
Количество объектов туризма на доступном расстоянии от трасс	0,98	0,9	0,94	0,85	0,9	1	0,68

Используя значения коэффициентов значимости и значения таблицы с долями, была построена сводная таблица (табл. 2).

Таблица 2

Расчет аддитивного показателя

Показатель	Трасса						
	М1	М3	М4	М5	М6	М8	М10
Качество транзитных трасс	0,5	0,4	0,35	0,35	0,3	0,4	0,25
Разнообразие объектов придорожного сервиса	0,33	0,2	0,13	0,2	0,26	0,07	0,26
Количество достопримечательностей на доступном расстоянии от трасс	0,16	0,15	0,16	0,14	0,15	0,17	0,12
Аддитивный показатель	0,99	0,75	0,64	0,69	0,71	0,64	0,63

Значения рассчитывались следующим образом: коэффициент значимости определенного показателя умножался на долю данного показателя данной трассы.

В строке «Аддитивный показатель» находилась сумма по столбцам и выбиралось наибольшее значение. Лучшие показатели имеют трассы с наибольшими значениями аддитивного показателя. Это, прежде всего, трасса М1.

Таким образом, можно сделать вывод, что придорожный сервис в Республике Беларусь, равно как и качество трасс, находится на недостаточно высоком уровне, чтобы конкурировать с зарубежными. Однако для развития данного направления у Республики Беларусь есть все предпосылки.

Развивая качество придорожного сервиса и улучшая качество трасс, страна дает возможность развиваться транзитному туризму, что окажет положительное влияние на туристическое сальдо и уровень доходов от въездного туризма. Так как понятия «придорожный сервис» и «транзитный туризм» тесно переплетены между собой, то развитие в стране транзитного туризма окажет исключительно положительное влияние на развитие придорожного сервиса и даст толчок предпринимателям к развитию собственного дела, повышая общий уровень развития и позволит Республике Беларусь конкурировать на международном рынке наравне со многими европейскими странами.

Используя метод SWOT-анализа, были выявлены сильные и слабые стороны, а также возможности и угрозы для анализируемой отрасли. Сильные и слабые стороны относятся к факторам внутренней среды, возможности и угрозы – к факторам внешней среды.

В качестве сильных сторон для развития транзитного туризма в Республике Беларусь можно выделить следующие:

- наличие туристских ресурсов вблизи основных транзитных трасс;
- выгодное географическое положение Республики Беларусь;
- устойчивый поток иностранных туристов, проезжающих транзитом через Республику Беларусь;
- благоприятная в целом экологическая ситуация (за исключением отдельных районов);
- безвизовый пятидневный режим.

Слабые стороны для развития транзитного туризма в Республике Беларусь:

- слабое предложение транзитных путешествий;
- слабое информационное обеспечение;
- радиоактивное загрязнение некоторых районов;
- недостаточная реклама.

Угрозы в развитии транзитного туризма в Республике Беларусь:

- конкуренция со стороны зарубежных транзитных маршрутов;
- изменение вкусовых предпочтений туристов;
- политический или экономический кризис в странах-поставщиках туризма.

Возможности для развития транзитного туризма в Республике Беларусь:

- популяризация транзитного туризма среди населения;
- продвижение туристических услуг транзитного характера;
- развитие международных связей.

Таким образом, транзитный туризм представляет собой перспективное направление и при некоторых усилиях может стать одним из самых прибыльных в Республике Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальное состояние дорог // Статистика по отзывам. – Режим доступа: <http://autostrada.info/by/>. – Дата доступа: 21.12.2018.

2. Александрова, А. Ю. Роль и влияние границы, пограничности и трансграничности в развитии туризма / А. Ю. Александрова // Устойчивое развитие туризма: стратегические инициативы и партнерство : материалы III междунар. науч.-практ. конф. – Улан-Уде : БНЦ СО РАН, 2009. – С. 56–66.
3. Государственная программа по развитию и содержанию автомобильных дорог в Республике Беларусь на 2015–2019 годы // М-во экономики Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://www.economy.gov.by/ru/gp_avto-ru/. – Дата доступа: 21.04.2018.
4. Ступина, О. Г. Туризм и государственные границы / О. Г. Ступина // Псков. регион. журн. – 2010. – № 10. – С. 100–107.
5. Как ангlosаксы видят Беларусь и белорусов // ТелескОп. – Режим доступа: <http://teleskop-by.org/2017/10/11/kak-anglosaksy-vidyat-belarus-i-belorusov/>. – Дата доступа: 21.12.2018.

СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ И РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ

В. А. Клименко

Исполнительный комитет СНГ, г. Минск, Беларусь

В современных условиях углубления и диверсификации интеграционных процессов на пространстве СНГ, необходимости обеспечения устойчивого развития государств Содружества в контексте перехода к цифровой модели экономики многократно увеличивается значение науки, прежде всего фундаментальной, как основы процветания и благополучия будущих поколений наших стран.

Современная инновационная экономика основана на развитии четвертичного (информационного) сектора экономики и производств шестого технологического уклада (нано-, био-, IT-технологии). В ближайшие год-два ожидается начало нового подъема мировой экономики после системного кризиса, вызванного сменой действующего (пятого) технологического уклада. В 2020–2040 гг., по мнению экспертов, ключевую роль для конкурентоспособности будут играть технологии шестого технологического уклада – NBICS (nano, bio, info, cogno, socio)-технологии. Их развитие в Беларуси только начинается. В то же время в настоящее время в США доля технологий VI технологического уклада составляет 5 %, V – 60 %. В России доля V уклада составляет 10 %, IV – 50 %. Кроме того, инновационная экономика характеризуется также концентрацией занятого населения в четвертичном секторе экономики (IT-сфера, финансовые, маркетинговые и консалтинговые услуги, наукоемкие производства) и в меньшей степени в третичном секторе, сфере услуг.

Следует, однако, подчеркнуть, что сейчас экономики стран СНГ отстают от промышленно развитых государств Запада по многим показателям инновационного развития. В частности, в настоящее время наукоемкость ВВП в странах Содружества меньше критического по международным критериям порогового значения в 1 %, ниже которого происходит разрушение научно-технического потенциала страны, тогда как его среднемировое значение достигает 2,2–2,3 %.

Сотрудничество на пространстве СНГ в сфере науки за период его функционирования прошло путь от проведения отдельных совместных проектов и мероприятий до программного взаимодействия (сотрудничества) по всем направлениям научной тематики. Наглядным примером может служить Межгосударственная программа инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 года [1], выполнение утвержденных на заседании Совета глав правительств СНГ 30 октября 2015 г. ее пилотных инновационных проектов. При этом участниками этих инновационных проектов являются научные организации семи стран Содружества.

В целях создания благоприятных условий для развития, координации и последовательного углубления сотрудничества государств – участников СНГ в области фундаментальной науки на заседании Совета глав правительств СНГ 19 мая 2011 г. подписано

Соглашение о создании Совета по сотрудничеству в области фундаментальной науки государств – участников СНГ [2].

За период функционирования Совета в его деятельности нашли отражение вопросы, касающиеся гармонизации правовой базы сотрудничества в области фундаментальных исследований государств – участников СНГ, подготовки предложений по приоритетным направлениям фундаментальных исследований государств Содружества, разработки перспективных научных проектов, соответствующих приоритетным направлениям фундаментальных исследований, создания Межгосударственного фонда научных исследований, взаимодействия с Международной ассоциацией академий наук (МААН) и др.

Так, в 2018 г. на экспертном уровне согласован подготовленный Советом проект Соглашения о координации межгосударственных отношений в области фундаментальных исследований государств – участников Содружества Независимых Государств. Соглашение планируется принять Решением Совета глав правительств СНГ 31 мая 2019 г. (г. Ашхабад).

На заседании Совета, которое состоялось 12 октября 2018 г., также одобрен проект Перечня перспективных научных проектов, соответствующих приоритетным направлениям фундаментальных исследований государств – участников Содружества Независимых Государств. В настоящее время осуществляется экспертная проработка данного проекта документа.

Одним из актуальных и в то же время проблемных вопросов, стоящих перед Советом по сотрудничеству в области фундаментальной науки, является создание Межгосударственного фонда научных исследований государств – участников СНГ. Потребность его образования обуславливается не только необходимостью консолидации интеллектуальных, материальных, информационных и других ресурсов при реализации совместных научных программ и проектов фундаментального характера стран СНГ, но и в целях создания эффективного механизма их финансирования. Как показывает практика сотрудничества ученых стран СНГ, наибольшие трудности при финансировании научных исследований возникают тогда, когда в реализации научно-технических проектов участвуют исследователи трех и более государств Содружества. Такие трудности, необходимо отметить, возникли и при финансировании пилотных инновационных проектов Межгосударственной программы инновационного сотрудничества.

И несмотря на то, что сейчас в каждом государстве Содружества существуют свои национальные фонды поддержки и развития фундаментальной науки, создание такого фонда в рамках СНГ является, по мнению научного сообщества, весьма важной задачей. На IV, V и VI заседаниях Совета была подтверждена позиция о продолжении работы по дальнейшей проработке вопроса о создании Межгосударственного фонда научных исследований.

Необходимость создания Межгосударственного фонда научных исследований была отражена в резолюциях Форума ученых СНГ–2015 (26–27 октября 2015 г., г. Москва), Форума ученых СНГ–2018 (15–16 октября 2018 г., г. Ереван), Международной научно-практической конференции «25 лет Содружеству Независимых Государств: итоги, перспективы» (28–29 сентября 2016 г., г. Минск).

Поэтому в настоящее время продолжается дальнейшая проработка вопроса о создании Межгосударственного фонда научных исследований государств – участников СНГ.

Реализация вышеуказанных проектов документов в конечном итоге, на наш взгляд, будет способствовать гармонизации правовой базы сотрудничества в области фундаментальных и прикладных исследований, развитию межгосударственной кооперации в научной и инновационной сферах, мобилизации и развитию научно-технологического потенциала в странах СНГ, эффективному использованию и развитию инновационной инфраструктуры и на этой основе созданию модели генерации, распространения и использования знаний и инноваций во всех сферах государств Со-

дружества, формированию в целом на пространстве СНГ новой зоны мирового технологического лидерства.

В развитии научных коммуникаций на пространстве СНГ, активизации научно-технического сотрудничества и создании условий для инициирования и реализации совместных проектов в области науки и технологий государств Содружества важную роль играют Форумы ученых государств – участников СНГ.

За прошедший период состоялось два Форума ученых государств – участников СНГ. Первый Форум ученых СНГ по инициативе Россотрудничества состоялся 25–26 октября 2015 г. в г. Москва. В соответствии с Планом приоритетных мероприятий в сфере гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ на 2017–2018 годы 15–16 октября 2018 г. в г. Ереван (Республика Армения) прошел II Форум ученых СНГ. Основными организаторами выступили Национальная академия наук и Министерство науки и образования Республики Армения. Форум проводился при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ.

Итоговым результатом данного масштабного мероприятия ученых государств – участников СНГ является усиление в перспективе процессов формирования общего научно-инновационного пространства в рамках Содружества, усовершенствование механизмов его функционирования, выработка рекомендаций по проведению слаженной и системной работы ответственных ведомств стран СНГ в области науки. Кроме того, Форум будет способствовать налаживанию устойчивых «горизонтальных» неформальных связей между общественно активными представителями научных сообществ стран СНГ, популяризации науки и научной деятельности среди молодежи стран Содружества.

Следует отметить, что на VI заседании Совета (12 октября 2018 г., г. Душанбе) принято решение провести очередной Форум ученых государств – участников СНГ в 2020 г. в г. Минск. Данное мероприятие внесено в План приоритетных мероприятий в сфере гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ на 2019–2020 годы.

Вместе с тем в новых социально-экономических реалиях функционирования Содружества, на наш взгляд, в научной и инновационной сферах необходимо сделать акцент на следующем: активизировать усилия, направленные на формирование разносторонних, взаимовыгодных и эффективных форм межстрановых связей; усилить взаимодействие государств Содружества в сфере трансфера инновационных технологий, в том числе информационных; активизировать работу по формированию целевых программ и фондов, финансирующих приоритетные межгосударственные исследования и инновационные проекты; создать условия для обеспечения свободного доступа ученых к научной инфраструктуре в странах Содружества; усилить популяризацию науки и научной деятельности среди молодежи стран Содружества.

Таким образом, в последнее время на пространстве СНГ развитию и укреплению интеграционных процессов в сфере науки уделяется особое внимание. Наука и инновации определены как приоритетные направления деятельности Содружества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Межгосударственная программа инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 года : Утверждена Решением Совета глав правительств СНГ от 18 окт. 2011 г. – Режим доступа: <http://www.e-cis.info/foto/pages/20060.doc>. – Дата доступа: 05.08.2013.
2. Соглашение о создании Совета по сотрудничеству в области фундаментальной науки государств – участников Содружества Независимых Государств : Утверждено Решением Совета глав правительств СНГ от 19 мая 2011 г. – Режим доступа: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=3041>. – Дата доступа: 18.03.2016.

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ИЗДЕРЖКИ УНИВЕРСИТЕТОВ БЕЛАРУСИ: ПОНЯТИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ, ФАКТОРЫ

А. М. Бондарева

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Беларусь

Необходимость снижения издержек в ходе производства услуг образования продиктована задачами современного периода, когда университет, будучи организационно-правовой формой социального предпринимательства, сориентирован не только на извлечение полезности для общества, но и выгоды (прибыли) для себя.

Трансформационные издержки для высшего учебного заведения – те, которые возникают собственно в процессе обучения студентов, аспирантов, слушателей. Это все те затраты продавца услуг, «которые бы он нес, продавая товар самому себе».

Трансформационные издержки вуза связаны с преобразованием особенных приобретаемых вузом ресурсов в образовательную услугу. Данные ресурсы могут быть классифицированы на стандартные (здания и сооружения, оборудование, необходимые для обучения студентов) и специфические (труд профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников). Процесс переноса стоимости трансформационных издержек происходит через расходование жизненной энергии работников, наделенных передаваемыми знаниями, а также через износ специализированного оборудования, зданий, сооружений. В результате создаются специалисты или люди, наделенные знаниями и умениями определенного рода. Практически этот процесс походит на создание особенного продукта (товара), обладающего потребительной стоимостью (полезностью) и меновой стоимостью (способностью к обмену на другие блага).

Начиная исследование с трансформационных издержек, мы следуем неоклассической традиции. Неоклассиками, во-первых, признаются только издержки, которые опосредуют процесс производства, т. е. все издержки сводятся к трансформационным, во-вторых, условие максимизации прибыли сводится к задаче минимизации такого рода издержек. Рассмотрим факторы, предопределяющие величину трансформационных издержек университета.

Трансформационные издержки вуза зависят от количества примененных ресурсов (величины аудиторного фонда, числа приглашенных преподавателей и научных сотрудников), от цен ресурсов (цен на строительные услуги, аренду аудиторного фонда, цен на услуги преподавателей и научных сотрудников), от эффективности аллокации ресурсов внутри вуза (рациональности использования аудиторного фонда, площадей научных лабораторий, распределения учебной нагрузки ППС), от используемых технологий (соотношения традиционных и современных образовательных технологий, в том числе дистанционных).

Факторы, определяющие трансформационные издержки, можно классифицировать как эндогенные и экзогенные. К эндогенным отнесем: структуру ППС по квалификации и применяемые образовательные технологии. Квалификационная структура кадров в случае преобладания в ней кадров самых высоких квалификационных разрядов (докторов и кандидатов наук) вызывает повышенные издержки оплаты их труда, но порождает повышенную отдачу в виде явных (не формально высокая квалификация выпускников и хорошие перспективы их трудоустройства) и неявных выгод (статус вуза, высокие рейтинговые оценки, привлекательность для абитуриентов). Затраты на новые и новейшие технологии обучения студентов, в том числе и дистанционные, предполагают существенно меньшие затраты, чем полученный результат от их применения благодаря мультипликационному эффекту, выражающемуся в лавинообразном увеличении добавленных стоимостей в результате первичных инвестиций и в пролонгированном «сжатии» издержек всех видов.

Важнейший эндогенный фактор трансформационных издержек – аллокация ресурсов внутри вуза, находящий проявление в использовании аудиторного фонда и площадей научных лабораторий, распределении учебной нагрузки ППС, формировании учебных потоков, корректировке учебных планов, изменении перечня специальностей.

Аллокация – распределение ограниченных ресурсов в соответствии с заданными целями. В процессе аллокации ресурсов университета преследуется ряд частных целей. Например, оптимальное использование имеющегося аудиторного фонда, обеспечивающее качественную организацию учебного процесса. Критериями управления ресурсами являются показатели использования аудиторного фонда, как с точки зрения обеспечения качества учебного процесса, так и с экономической точки зрения. Рациональное использование аудиторного фонда на современном этапе не может быть реализовано без автоматизации процесса управления им. Применение современных программных продуктов позволяет не только, например, автоматизировать составление расписания занятий, но и анализировать, оптимизировать данные, используемые в процессе его составления (информация по учебным планам), выявлять степень рациональности использования фонда (аудитории, не задействованные в учебном процессе), делать рекомендации по планированию аудиторного фонда. Расходы на содержание аудиторий занимают ведущее место в структуре эндогенных трансформационных издержек, потому заслуживают детального анализа для их минимизации.

К экзогенным факторам трансформационных издержек отнесем демовоспроизводственные процессы национальной экономики, которые на современном этапе предопределяют количество потенциальных абитуриентов, следовательно, количество примененных ресурсов (число аудиторий, преподавателей, научных сотрудников, приглашенных для обучения студентов). Особое внимание в исследовании факторов трансформационных издержек отводится исследованию динамики демографических показателей и особенностей демовоспроизводства. Предпринимаемые правительством меры благоприятно сказались на численности населения, однако основные тенденции демовоспроизводственных процессов в Беларуси сохранились: постарение населения, прогнозируемое снижение числа рождений, изменение возрастной модели рождаемости, уменьшение числа семей. Указанные тенденции, как и отъезд за рубеж для обучения потенциальных абитуриентов неблагоприятно сказываются на спросе на отечественные услуги образования. Общие трансформационные издержки университетов объективно будут сокращаться.

К числу экзогенных факторов отнесем также цены на применяемые ресурсы. Затраты на строительство и приобретение помещений аудиторного фонда в большей степени единовременны и зависимы от прогнозных показателей его занятости, что не исключает возможность арендных отношений. Оплата таких активов связана с конъюнктурой рынка недвижимости, которая по оценкам экспертов в ближайшие 12 лет будет демонстрировать снижение спроса, следовательно, и цен на коммерческую недвижимость старых образцов, и поиск покупателями уникальных предложений. Старых площадей университетам будет достаточно и возможным станет зарабатывать на сдаче в аренду пустующих. Из этого следует, что в части затрат на здания и сооружения для обучения студентов тоже будет наблюдаться снижение общих трансформационных издержек в случае их оптимизации.

Важнейший экзогенный фактор трансформационных издержек – цена услуг преподавателей и научных сотрудников, зависящая не только от конъюнктуры рынка образовательных услуг, но и от стратегии, выбираемой университетами. Университет на рынке услуг образования является «получателем цены», ориентируясь на «фирму-лидера». Если цена задана, а средняя норма прибыли по отрасли известна, то единственный путь достижения эффективности – снижение издержек. Большие университеты способны выиг-

рывать на массе прибыли, не выбирая стратегию снижения издержек как основную. Для малых университетов, находящихся в региональном экономическом поле и столкнувшихся с проблемой оттока потенциальных абитуриентов в столичный регион, и в целом с уменьшением числа выпускников школ в регионах, стратегия снижения издержек обязательная и, возможно, пока единственная. Постоянные издержки снижать сложно там, где они достигли своих минимально возможных величин, переменные издержки (в частности – оплату труда ППС) возможно снизить если не в абсолютных величинах, то в относительных. Занижение цены услуг преподавателей приводит к формированию скрытых издержек оппортунистического поведения и неблагоприятному отбору как итогу таких отношений. Важно найти баланс интересов.

Исследование тенденций формирования и динамики величин рассмотренных нами видов трансформационных издержек позволяет пересмотреть их структуру, определить приоритетные в части прибыльности и переориентировать в их пользу ресурсы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прямикова, А. А. Необходимость оптимизации финансового менеджмента в университете / А. А. Прямикова. – Режим доступа: <https://www.scienceforum.ru/2017/2215/33868>. – Дата доступа: 12.04.2019.
2. Халин, В. Г. Государственная политика в области образования: экономические аспекты / В. Г. Халин // Экономика образования. – 2014. – № 1. – С. 78–87.
3. Юдкевич, М. М. Деятельность университетов и ученых: экономические объяснения и академические оправдания / М. М. Юдкевич // Экономика университета: институты и организации : сб. перевод. ст. ; пер. с англ. под науч. ред. М. В. Семеновой. – М., 2007. – С. 55–56.

ЭТАПЫ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ В БЕЛОРУССКОЙ НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКЕ

С. А. Вальченко

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Беларусь

Педагогическая культура белорусского народа представляет собой уникальный и неповторимый опыт воспитания, в том числе и семейного, характеризующийся динамичностью и выраженной прикладной направленностью. Детей готовили к дальнейшей и далеко не легкой взрослой жизни, стремились приобщить к ее главным ценностям, которые хорошо «укладывались» в идеал народного воспитания. По словам известного исследователя А. П. Орловой, белорусы стремились воспитать «труженика, патриота, семьянина и высоконравственную личность» [1, с. 8]. Эта главная цель осуществлялась постепенно, с учетом ступеней взросления детей и на основе ведущего принципа семейного воспитания – принципа природосообразности» [2, с. 50]. В свое время Г. Н. Волков, основоположник российской этнопедагогики, указывал: «Программа воспитания порой оказывалась распределенной по годам, месяцам... и была тесно связана с годовыми трудовыми циклами» [3, с. 59]. Рассмотрим основные этапы народного воспитания.

Самым значительным событием являлось *рождение ребенка*, в народе говорили «У каго дзеці – у таго і щчасце». Ребенка с первых дней окружали заботой и вниманием; на помощь молодым родителям приходили как имеющиеся родные, так и названные родственники – бабка-повитуха, крестные мать и отец. Ребенка кормили по часам грудным молоком, пеленали в мягкое выношенное полотно, закаливали, купали, делали физические упражнения для крепости ручек и ножек, выносили на прогулки. Этот период «*малолетства*» (или «*раннего детства*») длился до 6–8 лет. И если сначала дети были просто «анелкамі», т. е. ангелами, за которыми нужно ухаживать, то впоследствии (в 2–3 года, по мнению Л. В. Раковой) они становились «блязнюкамі» («молокососами») и начинали постепенно обучаться всему необходимому в жизни. Их приучали самостоятельно мыться, причесываться, держать в руке ложку, пользоваться ею, справлять нужду в специально отведенных местах.

Мать, как главная воспитательница в семье, «формировала у детей стереотипы мировосприятия, основы культуры и самосознания. Дети с помощью матери осваивали родной язык, песни, сказки, нормы морали своего этноса, обычаи и обряды» [4]. Кроме того, для наших предков характерным было раннее приучение детей к труду. С 4,5–5 лет они нянчили младших в семье, пасли водоплавающую птицу, ходили за ягодами, грибами, орехами вместе со старшими членами семьи, помогали в работе по дому. В 7–8 лет наступал «пастуший век»: пасли коз, овец, крупный рогатый скот, коней; сопровождали возы с поклажей; получали первые уроки ремесла.

После прохождения «обрядов стрижки волос» (в 7 лет) ребенок переходил в другую возрастную группу, в которой процесс воспитания приобретал ряд особенностей, в том числе – гендерный характер. Период «*собственно детство*» охватывал возраст от 6–8 до 12–14 лет. Наряду с сохранением названия «блазны» дети приобретали и другие наименования. Мальчиков называли «хлопец», «хлапец», «хлапчук»; девочек – «дзеўка», «дзяўчына». В это время начиналось обособление девочек от мальчиков: девочке надевали юбку, мальчику – штаны. Это была новая одежда, только для них, а не та, что доставалась от старших детей. Вся семья наблюдала, насколько быстро и ловко происходит переодевание, поскольку это предсказывало удачу в будущем. После того, как первую юбку или штаны донашивали, их никому не передавали, сжигали (чтобы не отдать удачу другому).

Гендерный подход распространялся не только на проведение обрядов, но и на саму сущность воспитания. У мальчиков под влиянием отца и на его примере воспитывались черты настоящего мужчины – смелость, настойчивость, решительность, стойкость, мужественность. Белорусы часто испытывали мальчиков «риском», предлагая им сложные задания на грани угрозы здоровью, но, разумеется, с максимальной страховкой.

Девочек ценили в семье гораздо меньше, в правах наследования они не имели перспектив и самостоятельного будущего, считались «отрезанным ломтем», хозяйственной потерей из-за замужества и ухода из дома. Росли девочки под материнским присмотром как с момента рождения, так и до взросления. У них приоритетными считались фемининные черты: женственность, заботливость, доброта, хозяйственность, терпение. Однако девочкам все же отдавали должное: «Без дачкі парастуць пад лаўкай казлячкі».

Это был также период интенсивного трудового обучения. Забота о воспитании трудолюбия была наиважнейшей у родителей, а главным критерием нравственности человека считалось его отношение к труду. «Працаваць не любіш – чалавекам не будзешь», «Не той харош, хто прыгож, а той, хто для дзела гош», – утверждала народная педагогика. Дети обучались труду и на примере родителей, и на основе фольклорных произведений, и в играх. Мальчики начинали осваивать мужские виды труда в поле, лесу, на скотном дворе; девочки – женские. Все дети также усиленно овладевали ремеслом, активно помогали по дому и с уходом за младшими детьми. Двенадцатилетний возраст был особым для мальчиков, они приобретали право наследования имущества, выходили из-под опеки матери, начинали учиться грамоте (зимой, на дому).

Подростковый период воспитания охватывал возраст с 12–14 и до 16–17 лет. На определенное изменение статуса детей указывали такие наименования, как «падлетак», «хлопец», «дзеўка», «деўчына». Дети уже весьма активно участвовали в хозяйственной жизни семьи. К примеру, мальчики должны были заниматься пахотой, севом, боронованием, косьюбой, привозом сена с луга, молотьбой, заготовкой дров, досмотром скота зимой. К 18 годам они овладевали всей земледельческой наукой. Девочки осваивали приготовление пищи, мытье посуды, уборку в доме и во дворе, работу на огороде, уборку урожая, ношение воды, стирку, вязание, ткачество, шитье для всей семьи, заготовку продуктов (сыр, сметана, масло, мясо и сало; овощи и варенье – на зиму, сухие фрукты, ягоды и грибы). К 16–17 годам девушки овладевали всеми видами женского

труда. Смешивать женский и мужской труд считалось непристойным; но если в семье были одни дочери, то они брали на себя и мужской труд [5, с. 3, 4].

В этот возрастной период дети начинали принимать активное участие в общественной жизни семьи и деревни: посещали сходки молодежи по вечерам, вечеринки и игрища; мальчики участвовали в семейных советах и их голос считался важным; девочки начинали готовить себе приданое. Детей могли брать в корчму на выступление певцов-сказителей. Все эти действия направляли мышление детей в более взрослое русло – на размышление о семье и о будущем.

Юность – очень недолгий период, охватывающий возраст от 16–17 до 19–20 лет. Детей называли теперь совсем иначе: мальчиков – «младен», «младый», «юнак», «молодец», «детина»; девочек – «девица», «дзевойка», «девчина». Могли называть также женихом или невестой, намекая на готовность к созданию семьи, а не на действительный статус. У них многое менялось в этом возрасте: и внешность, и психология, и отношение к жизни.

В этот период оказывались освоенными все виды труда и ремесла, хозяйственная жизнь семьи несколько изменялась. Излишки труда продавали на ярмарках, деньги откладывали на будущее или покупали часть приданого для девочек. У детей появлялась особая праздничная одежда, у девушек – украшения (бусы, серьги, зеркала). Молодые люди активно посещали молодежные посиделки, сельские праздники, где показывали свои достоинства (пели, танцевали, рассказывали сказки во время посиделок, девушки параллельно вышивали, шили, вязали). Если в этот период они не находили себе пару, то считались «перестарками», которые уже не смогут создать свою семью и жить полной жизнью.

Следует также подчеркнуть, что все периоды жизни и взросления детей в белорусской семье подчинялись не только принципам природосообразности и гендерного подхода. Важным было отношение детей и родителей, степень их взаимопонимания. В белорусской семье преобладали гуманные и уважительные отношения между родителями и детьми, «суровые по содержанию, но мягкие по форме» [4]. Этнографы XIX в. утверждали, что жестокое обращение мужа с женой в семье – явление чрезвычайно редкое, даже исключительное. Что же касается отношения к детям – оно также было очень мягким и добрым. Чаще всего родители использовали такие методы воспитания, как убеждение и переубеждение, пример, приучение, поощрение. Они предпочитали объяснить принцип действия и показать образец его выполнения, а не ругать и бранить ребенка за сделанные ошибки [6, с. 84]. В народе говорили: «Не крычы, а лепш навучы»; «Ад дубцоў дурнеюць, ад слаўцоў разумнеюць». Разумеется, в белорусских семьях использовали также методы осуждения, укора, наказания, но старались не доводить их до крайностей или, как писали ученые, наказывали «без злости». В ситуациях, когда недостатки и моральные изъяны не подлежали исправлению, применяли даже проклятие.

Как мы видим, педагогическое наследие белорусского народа имеет весьма ценные и важные принципы и подходы к воспитанию и обучению детей, хотя и представлены далеко не в полном виде. Разумеется, в современной семье у детей очень длинный период роста из-за чего невозможно в неизменном и полном виде использовать опыт народного воспитания. Но опираться на его внутреннее содержание, на заложенную в нем идею – вполне по силам. Основой для этого выступает общепедагогическая и этнокультурная грамотность родителей, подкрепленная соответствующей воспитательной работой школы. Сочетание двух воспитательных факторов – семьи и школы, целенаправленный и системный характер деятельности повысят эффективность использования народно-педагогических идей в процессе развития и формирования личности ребенка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арлова, Г. П. Народная педагогіка ў выхаваўчай рабоце школы / Г. П. Арлова. – Мінск : Маладняк, 1995. – 160 с.
2. Орлова, А. П. Принципы белорусской народной педагогики / А. П. Орлова // Весн. Віцеб. дзярж. ўн-та. – 2014. – № 3. – С. 49–56.
3. Волков, Г. Н. Этнопедагогика : учеб. для студентов сред. и высш. пед. учеб. заведений / Г. Н. Волков. – М. : Академия, 1999. – 168 с.
4. Никонова, Л. Е. Традиции воспитания в белорусской народной педагогике / Л. Е. Никонова. – Режим доступа: <http://elib.bspu.by/handle/doc/32008>. – Дата доступа: 25.03.2019.
5. Калачева, И. И. Преемственность семейных традиций как фактор стабилизации этнокультурных процессов / И. И. Калачева // Адукацыя і выхаванне. – 2008. – № 4. – С. 3–8.
6. Петухова, Е. Л. Развіцце педагагічнай думкі ў Беларусі ў 18 – пачатку 20 ст. / Е. Л. Петухова. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2008. – 172 с.

ЯЗЫКОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ ДЕНЕГ В СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЕ**Т. В. Охрименко***Киевский национальный лингвистический университет, Украина*

Известно, что особенности национально-языковой картины мира отражает прежде всего лексика этнографического, историко-культурного характера, к которой, в числе иных, принадлежат номинации денег как платежных средств, распространенных на территории проживания того или иного народа. Так, к особенностям национально-языковой картины мира Киевской Руси относят использование в качестве названий и функциональных заместителей денег скота, пушнины, украшений, затем – драгоценных металлов, а в настоящее время – денежных знаков как представителей действительных денег. По мнению исследователей истории языка, самые древние из известных на Руси наименований денег – это *скот* (домашние животные), *кунь / куна* (куница), *векша*, *веверица*, *бель* (белка). Данный факт соответствует общеевропейским тенденциям развития номинаций товарно-денежного оборота, отражающих связь понятий *домашнее хозяйство*, *домашний скот*, *пушной зверь* с ценными товарами для родоплеменного обмена и с древнейшими символами богатства.

Современная украинская денежная единица – *гривна*, она же одна из основных счетных единиц Киевской Руси, – образовалась от древнерусского названия шеи («грива») и вначале обозначала шейное украшение. Затем – кольцо, гирию, единицу веса, слиток серебра, монету и деньги вообще, что зафиксировано и в белорусском языке. В торговых отношениях Украины с Польшей в XVII в. сыграла немаловажную роль и серебряная монета *злотый* – денежная единица, этимологически связанная с названием металла, из которого она чеканилась. Украинскому языку известны в значении собственной денежной единицы также *карбованец* (*купоно-карбованец*), *шаг*, *бофон*, а также типы валют, ориентированные на соседние страны, – *червонец*, *лев*, *чех*, *дукат*, *крона*, *дудек*, *таляр*, *крейцер*, *грош*, *копейка* и др. Часто на денежном рынке Украины иностранная валюта была одной из ведущих, поэтому самостоятельная финансовая политика Украины всегда считалась основным признаком ее государственности.

Начало собственноручной чеканки монет на Руси отмечается с X в., когда на денежном рынке появляются *златники*, *сребреники* князя Владимира. Стоит отметить, что серебро в качестве денежного материала применялось на Руси значительно шире, чем золото, что зафиксировано в языке. Так, *сребреник* означало и деньги вообще, и серебряных дел мастера, и крестьянина, взявшего у феодала денежную ссуду. *Сребролюбие* означало корыстолюбие, сменившее более древнее название *скотолубие*. Бескорыстного человека в русском языке до сих пор называют *бессребреник*.

Чеканка на Руси собственных монет на долгое время была приостановлена вследствие татаро-монгольского ига. В результате сильнейшего ограбления славянских земель целый ряд названий монет отразил в своей семантике процесс деления денежной единицы на части, которые должны были в отдельности сохранять прежнюю ценность, – *рубль, полтина, полушка, полуденьга, резана*. В данных денежных наименованиях славянское языковое сознание зафиксировало попытки выхода Руси из экономического кризиса.

Появление слитков металлов как вида натуральных, действительных денег отражает ход развития денежных наименований в различных государствах. Ценность слитка определялась его весом, потому у многих народов названия металлических денег совпадали с наименованиями весовых единиц: *марка, франк, лира, ливр, талант, драхма, фунт стерлингов*. Универсальные законы развития языков отразились и в образовании обобщающего для всех денежных номинаций определенной территории названия, происходящего от заимствованного слова. Например, на русской почве было образовано слово *деньги*, рожденное от тюркского *деньга* (или *дамга, теньга, тамга* – «чеканка», «знак», «монета»). Укр. *гроші*, бел. *грошы*, англ. *money* относятся к словам романо-германского происхождения. Понимание основ денежной культуры славянских этносов невозможно без толкования цельного феномена денег (рус. *деньги*, укр. *гроші*, бел. *грошы*) как собирательного образа материальных ценностей.

Деньги как определение универсальных средств товарообмена, их всеобщий эквивалент, форма стоимости всех иных товаров – в славянских языках до XIX в. самостоятельно не употреблялось, но объяснялось как производное во мн. ч. от названия старинной монеты *дѣньга*, в семантике которой имелось несколько значений: «полкопейки» или «две полушки», а также «капитал, наличное, ходячая монета всякого рода, звонкая и бумажная». Здесь наблюдаем не только становление системы денежного счета славян, в частности иерархии мелких, разменных денежных знаков, но и формирование собирательно-абстрактного значения «деньги как сумма всех платежных средств», и переносного, концептуально-образного значения «имущество, достаток, благосостояние, капитал, богатство», укр. «майно, статки, добробут».

В языковой истории *деньги* имели большой словообразовательный ряд: наравне с двумя полноправными формами мн. *дѣньги* и ед. *дѣньга* имелись шуточные названия *деньжура, деньжина*, в связи с чем стоит вспомнить уменьшительно-ласкательные, уничижительные и преувеличенные слова современных языков: рус. *деньжата, денежки, деньжонки, деньжоночки, деньжищи*, укр. *грошики, грошенята, грошва, грошачья*, бел. *грошыкі, грашанята* и т. д.

Оппозиция «свое / чужое» по отношению к деньгам была четко представлена в противопоставлении частично персонифицированных атрибутивных номинаций *хорошие / худые деньги*: «неподдельные», «вовремя оплаченные», а также «верные, надежные», как друзья – в противовес «худым», «фальшивым» деньгам. Подобный метод оценочной оппозиции денежных номинаций наблюдался в глагольных парах: *деньжить, денежить, денежать* (быть при деньгах) – *безденежить, обезденежить* (нуждаться в деньгах). Амбивалентное и полисемантическое слово *денежный* указывало и на зажиточного человека, и на место хранения денег (сундук), и на стоимость товара, и на возможность искупления деньгами грехов.

Оппозиция «мужское / женское начало» ярко проявилась в паре многозначных слов *денежник / денежница*, где первое – это «сумка, бумажник для денег», а также еще ранее устаревшее значение по роду деятельности «денежный мастер, монетчик, чеканщик». *Денежником (копеечником)* назывался и определенный вид растения (см. современное, с затухающей образностью и прогрессирующей символичностью, название комнатного растения *денежное дерево*, листья которого по форме напоминают монеты). *Денежница* означало «кружка, жестянка», «посудинка для хранения денег». Интересно, что ласка-

тельно-уменьшительное название *денежка* также было многозначным и обозначало: 1) особый вид старинного женского кружева, быть может, в форме круглых монет; 2) участок крестьянской земли, вероятно, определенной стоимости.

В связи с анализом данных языковых фактов можно говорить о тесной связи понятий, представляющих материально-бытовые ценности славянской цивилизации, с ее денежной культурой, что проявилось в восприятии и оценке денег как части окружающей природы, натурального хозяйства, элементов национальной одежды, посуды, украшений, составляющей профессии, а также абстрактных представлений о достатке семьи, благополучии рода, о чем-то привычном, будничном, что может помочь в удовлетворении человеческих потребностей или, наоборот, привести к ухудшению жизненных условий.

Старинная, пришедшая из Европы, монета *грош*, или *грошевик*, от названия которой было образовано собирательное понятие денег в укр. и блр. языках, – имела стоимость «две копейки» или «медный двукопеечник». См. народные идиомы: *Грош за мной* – о том, кто удачно соврет; *Ворожбиту грош, а больному то ж* – никому не легче; *Скинемся по грошу в шапку!* – метнем жребий; а также поверье: *Приткнуть кому-то грош* – бедняк на зло богачу втыкает в его избу грош, чтобы тот разорился. *Грош* был равен «двум копейкам» и «четырем деньгам». Так как грош считался более крупной монетой, чем деньга, то это закрепилось и в пословицах о глупости (*Покупала по четыре денежки, а продавала пару по два грошика*), бедности (*Без денежки грош, да три деньга отложь, да денежка стара, много ль стало?*), некотором достатке (*І грош стаў лішні завадзіцца*). Прилагательные с переходным ударением *грошево́й*, *грошо́вый* означали «ценою в грош»: ср. народное выражение *У грошевого товара не наживешь рубля*. Также *грош* некогда значило «тягло», что сохранилось в пословицах и поговорках: *Есть грош, так будет и рожь*; *Ломаного гроша не стоит*. В современных словарях слова *грош*, *копейка*, *деньга* иногда взаимозаменяются: блр. *Ні за грош (капейку)*; *Уваткнуць свае тры грошы* (рус. *копейки*).

С переложения счета на серебро номинация в ед. ч. *грош* выходит из употребления, как и *деньга*, *полушка*. Мн. ч. *грóші* (*грóшы*) закрепилось в современном украинском и белорусском литературных языках с собирательным значением денег. Интересно, что в белорусском языке также присутствует однокоренной пароним *грашы́*, который обозначает мелочь, незначительную сумму денег, что наблюдаем и в русской разговорной речи в слове с тем же ударением – *гроши́*.

Итак, и старинная *деньга*, и *грош*, положенные в основание собирательных денежных номинаций, были монетами. Слово *монета*, в свою очередь, означало *звонкий денежный знак, деньга, ходячая (или ходившая) чеканенная ценность... и всякий денежный знак*. *Монета* в современном понимании (от лат. *monēta*) – металлический денежный знак установленного веса в форме диска (реже овала), названный по имени древнеримской богини Юноны, в храме которой находился монетный двор. В современном русском языке слово *монета* может употребляться в собирательном значении и обозначать деньги как таковые: *Чего на толкучках тех нету! Успевай вынимать лишь монету*. Данная традиция имеет давние истоки. Так, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля номинация *монета* функционирует и в прямом обозначении мелкой ценности, и приобретает абстрактно-собирательное значение «всякий денежный знак», что отражается в пословицах: *Это плата тою же монетой*; *У меня монеты нет и сметы, а сяду есть, и хлеб-то в честь*. *Монетный* в словаре относится не только к монете, но и в целом к деньгам, например, *монетный двор*, *монетная система*. Уменьшительно-ласкательное *монетка* приобретает значение «копейка» (наименование малой денежной единицы). В современном русском языке ряд устойчивых выражений отсылает к *монете* как собирательному обозначению денег: *Платить, оплачивать тою же монетой* (действовать в ответ на что-нибудь плохое); *Принимать за чистую монету* (воспринимать

всерьез); *Ходячая монета* (деньги широкого употребления); *Звонкая монета* (деньги высокого достоинства); *Гони монету!* (требование заплатить).

Сегодня более привычными считаются пластиковые карточки, электронные счета в банке и мы уже не чувствуем тактильного удовольствия от позвякивания монет в кармане, однако в среде коллекционеров, историков более ценятся металлические деньги. Монета – не только материальное памятное наследие, но и живой феномен культуры быта, демонстрирующий человеческие достижения во всех сферах жизни.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СЕМЕЙНОЙ ИДЕОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Т. И. Баталко

Витебский филиал Международного университета «МИТСО», Беларусь

Родительское влияние на судьбу ребенка имеет важнейшее, основополагающее значение. В масштабах истории человечество предстает как непрерывающаяся череда наследования опыта, образов, свойств характеров. Близка к этому и народная мудрость: «Дитячко что тесто: как замесил, так и выросло». В традиционной трактовке важность семейного воспитания не нуждается в доказательствах.

Увы, но к настоящему времени ветры переменились, и семейные ценности, ответственность, природосообразность искусственно вытесняются воззрениями совершенно иного рода. Общество приучают к идеям «разнообразия» (*diversity*), самых странных моделей поведения в рамках *queer*-культуры. В новой идеологии молодой человек независим, рассматривает наследственность и воспитание как нежелательное бремя и форму насилия над собой. На свое усмотрение он определяет себе пол и внешность. Средства пластической хирургии и симбиоз с цифровыми технологиями обещают ему бесконечную широту экспериментов над своим «я» [1].

В рамках данного мировоззрения молодые люди отдают предпочтение социальному и становятся остро восприимчивы к последним новациям. Семейный мир, напротив, отождествляется с архаикой, этико-культурными ограничениями, от которых считается необходимым избавиться.

В психологии и психоанализе также начинают преобладать соответственные установки. Направления, утверждающие родительскую ответственность за детей, оказываются под давлением. Так, популярный учебник Аткинсонов–Смита «Введение в психологию» утверждает, что к семье в основном относятся негативные эмоциональные эффекты, «тогда как позитивные эффекты чаще являются социальными» [2]. В ряде исследований (Рейнгольд и Кук, Фаго, Перри и Бассей и др.) проводится мысль о насильственном навязывании родителями «сексистских» представлений по поводу подходящего и неподходящего для мальчиков и девочек. В том, что одних поощряют играть в машинки и лазать по деревьям, а других одевают в женственные наряды и приучают к игре в куклы, видится действие гендерных стереотипов. Демонстрация отцом и матерью моделей мужественности и женственности в семье также «сужает возможности свободного выбора». Семья разнополых родителей представляется в роли реакционного института и источника репрессий. Напротив, социальное научение, по мнению авторов, предоставляет больше возможностей в восприятии ребенком своей половой роли, которая «сама по себе не является ни неизбежной, ни неизменной» [2].

Стивен Пинкер, известный когнитивный психолог, обрушивается с критикой на традиционную психотерапию. «Пациенты, – пишет Пинкер, – в течение пятидесяти минут занимаются тем, что оживляют в своей памяти воспоминания о детских конфликтах. Затем они начинают винить в своих несчастьях родителей, которые неправильно с ними

обращались. Многие биографы любят покопаться в детстве описываемого ими человека, выискивая в нем корни трагедий и триумфов его взрослой жизни». Автор призывает почувствовать стремлению матери жить полной социальной жизнью и делать карьеру: «Эксперты по воспитанию заставляют женщину считать себя бессердечным чудовищем, если она прекращает сидеть с ребенком дома и выходит на работу или не поет ему колыбельную. Все эти глубоко сидящие в сознании людей убеждения, безусловно, должны быть переосмыслены» [3].

Таким образом, общая направленность современной психологии сводится к прямолинейной рекламе социализации, а роль семьи целенаправленно принижается.

Авторы исследования Национального института здоровья ребенка и развития человека в 1998 г. утверждали, что дети до 3 лет в яслях не отличаются от домашних детей. По утверждению Фалбо и Полит, структура семьи, количество в ней детей не оказывают никакого влияния на характер ребенка. Отсюда происходит это странное обыкновение именовать отца и мать «биологическими родителями». Биология, только биология, но не черты характера и ценности признаются общими для родных. Зачать и родить ребенка, передав определенный набор генов, – к этому сводится задача родителей. Остальное – наиболее важное – происходит в общественном поле. Харрис в отчете 1998 г. описывает результаты опроса семей иммигрантов, где дети дома общаются на родном языке – корейском или польском, а со сверстниками – на английском. Так, по словам автора, ребенок голосует за социальное в противовес родительскому [2].

Прямолинейная реклама социализации провозглашается предпочтительным, наиболее необходимым и ценным направлением в сравнении с семейным: «Дети учатся вести себя дома и вне дома по-разному, и именно поведение вне дома они берут с собой во взрослость. Это правильно, так как они не собираются проводить свою взрослую жизнь в доме родителей... Цель ребенка не в том, чтобы походить на мать или отца, а в том, чтобы быть преуспевающим ребенком. Дети должны научиться жить вне дома, в мире с другими правилами. Дети не являются послушными исполнителями воли родителей» (Джудит Харрис) [4].

Таким образом, позиция ученых лишается объективности. Но многие их заключения выглядят смехотворными. Иммигранты, к примеру, не всегда поддаются ассимиляции. Наличие в США латиноамериканских кварталов и чайнатаунов, а в Западной Европе устойчивых турецкой, пакистанской или чернокожей диаспор показывает, что при желании родители вполне способны передавать детям язык и культуру. Однако психологи сосредотачивают свое внимание на семьях с ослабленными связями, без характерных убеждений и ценностей, растворенных в окружающей общественной среде, проводящих мало времени вместе, даже не задумываясь о том, что такие семьи меньше всего подходят для изучения наследования и воспроизводства через поколения.

В 1997 г. петербургское издательство «Питер Пресс» выпустило книгу американского автора Э. Фуллера Торри «Шизофрения».

В ней автор приводит интересные исторические факты. Оказывается, еще в XVIII в. случаи заболевания шизофренией в Европе были достаточно редки. «И вдруг внезапно, на переломе столетий, – пишет автор, – шизофрения появляется в той своей форме, которую уже ни с чем не спутаешь». В течение всего XIX в. количество заболеваний шизофренией возрастало. «Во Франции Э. Реноден в 1856 г. опубликовал развернутые данные о распространении безумия – особенно в городах и среди молодежи, а на следующий год, в Англии, Джон Хокс писал: «Я очень сомневаюсь, что когда-либо в истории было такое же количество сумасшедших, как в наши дни». В 1873 г. Харрингтон Тьюк предупреждал, что «вал безумия медленно нарастает», а через три года Р. Джеймисон сказал: «Наиболее заметным явлением наших дней стало вселяющее тревогу увеличение числа сумасшедших».

В США же еще достаточно долго не наблюдалось роста душевных заболеваний. «Первая американская психиатрическая клиника, – рассказывает автор, – открылась в Уильямсбурге (штат Виргиния) в 1773 г. В ней имелось 24 койки, но в течение 30 лет они так ни разу и не были заняты все одновременно. За 43 года в период с 1773 по 1816 г. не было открыто больше ни одной подобной клиники, а в течение следующих тридцати лет их появилось еще 22». Заметный рост числа душевнобольных произошел лишь в XX в., и сейчас США считается страной с достаточно высоким уровнем заболеваемости шизофренией (7,2 больных на 1000 жителей).

В 1954 г. Национальным институтом психического здоровья (США) была начата научно-исследовательская программа, участники которой ставили перед собой цель: выявить механизмы появления детей-шизофреников от здоровых родителей. Руководил работой бывший военный врач Мюррей Боуэн, занимавшийся реабилитацией военно-служащих, участвовавших в сражениях Второй мировой войны. Еще на фронте он обратил внимание, что одни реагируют на стресс психическим срывом, другие же, пройдя через куда более суровые испытания, остаются здоровы.

Аналізу подверглись не только индивидуальные истории и картины болезни, но взаимосвязи внутри семей и фамильные истории, уходящие иногда на несколько поколений вглубь. Гипотеза, которую проверял Боуэн, была в том, что психическую патологию ребенка невозможно рассматривать в индивидуальном контексте, но необходимо шире – как симптом семейной и даже родовой патологии.

Душевное его здоровье в семье обусловлено стилем взаимоотношений между родителями, структурой конкретного дома, количеством в нем детей, наличием младших и старших сестер и братьев. М. Боуэн терпеливо прослеживал биографии родственников, выделяя восходящие и нисходящие ветви на родовом древе. Психическое неблагополучие, показывал автор, при определенных упущениях (дисфункциях) имеет свойство накапливаться из поколения в поколение. Именно эффектом накопления объясняется то, когда в очередном потомстве появляется «слабое звено» – психически больной ребенок.

Современная пропаганда усердствует в формировании нового общества человеко-трансформеров, ориентированных на собственный произвол и «апгрейд» технического обеспечения. Для России и Беларуси подобные эффекты пока незначительны, ограничены рамками субкультур и столичной «хипстерской» молодежи. Вопрос о роли семьи и – более конкретно – о первых пяти годах жизни ребенка встает в самый центр мировоззренческих баталий, и от решения его зависит, без преувеличения, ближайшее будущее. Сумеет семья подтвердить свою естественную близость, способность играть роль опорной конструкции общества? В противном случае идеологи и политики предпочтут другие способы управления массами. Либо наши дети будут помнить родство, либо мы все скоро станем свидетелями упадка и затухания человечности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Годфруа, Жо. Что такое психология / Жо Годфруа. – Режим доступа: <https://profilib.net/chtenie/129353/zho-godfrua-cto-takoe-psikhologiya-105.php>.
2. Введение в психологию : учеб. для студентов ун-тов / Л. Рита Аткинсон [и др.]. – Режим доступа: <https://www.psyoffice.ru/page,31,3852-atkinson-rita-l.-atkinson-richard-s.-smit-jedvard.html>.
3. Дабнер, Стивен Дж. Фрикономика / Стивен Дж. Дабнер. – Режим доступа: http://www.many-books.org/auth/3933/book/100199/stivene_dj/friekonomika/read/32.
4. Харрис, Джудит. Ровесники важнее родителей : интервью / Джудит Харрис // Scientific American mind. – 2009. – Июль–август. – Режим доступа: <http://www.poznaysebia.com/2014/01/13/rovesniki-vazhnee-roditeley/>.

СУТНАСНА-ЗМЕСТАВЫЯ ХАРАКТАРЫСТЫКІ ПАНЯЦЦА «ЭТНАКУЛЬТУРА» Ў КАНТЭКСЦЕ СФАРМІРАВАНАГА МЕНТАЛІТЭТУ БЕЛАРУСАЎ

А. Л. Міхайлава

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя М. Танка, г. Мінск

Актуальнасць даследавання этнічнай культуры ў сучасным кантэксце фарміравання беларусаў як нацыі абумоўлена шэрагам умоў і абставін, да ліку якіх адносяцца страта мінулых духоўных каштоўнасцей і агульнакультурных набыткаў, глабалізацыя свядомасці сучаснага пакалення моладзі, іх сацыяльна-каштоўнасных набыткаў, масавая урбанізацыя і, адначасова, выміранне вёсак, недастатковая трансляцыя звычаяў і традыцый ад бацькоў да дзяцей, што ў выніку можа прывесці да пагрозы знікнення і немагчымасці адраджэння традыцыйнай культуры беларускага народа.

Навуковыя асновы вывучэння сутнасці і зместу паняцця «этнакультура» ўскладнены разнастайнасцю поглядаў сучасных даследчыкаў на ўзаемасувязь і ўзаемадзеянне паняццяў «агульная культура», «народная культура» і «этнічная культура». У прыватнасці, калектыў расійскіх даследчыкаў у складзе Я. С. Бакшэева, Г. А. Зайцавай, М. В. Монгуш вызначаюць этнічную культуру як асаблівую частку агульнай культуры, што «ахоплівае у асноўным сферу быту і спосабы штодзённай жыццядзейнасці людзей, маючы на ўвазе, перш за ўсё, сацыяльна-культурныя асаблівасці лакальнай аднароднай супольнасці» [1]. М. А. Фадзеева паказвае ідэнтычнасць паняццяў «этнічная культура» і «этнакультура», называючы апошні моўным варыянтам.

Даследчыкі Н. А. Люр'я і С. М. Маліноўская паказваюць паняцце «этнакультура» ў кантэксце яго кампанентаў, вылучаючы антрапалагічны і сацыяльна-культурны напрамкі [2, с. 144]. Антрапалагічны напрамак спрыяе вылучэнню пэўных характарыстык этнічных груп, якія звязаны з камунікацыйнымі праблемамі, узаемадзеяннем розных этнічных груп і вылучэннем каштоўнасных падстаў самаідэнтыфікацыі ўнутры этнічнай групы [2, с. 145]. Сацыяльна-культурны напрамак звязаны з сацыяльным акружэннем этнічнай групы, яе гістарычным мінулым, фарміраваннем культуры. Згодна з даследаваннем сацыёлага М. Вебера, этнічнасць як сацыяльна-культурны феномен абазначае «прыналежнасць да этнічнай групы, аб'яднанай культурнай аднароднасцю і верай у агульнае паходжанне» [3]. Этнолаг С. М. Шырокагародаў вылучыў абагульняючыя рысы этнасу: мову; веру ў агульнае паходжанне; наяўнасць агульных абрадаў і традыцый, г. зн. культуры [4].

Паняцце «этнас» уключае ў тым ліку і культуру асобнай групы людзей, аб'яднаных агульнай мовай, побытам, звычаямі і традыцыямі, грамадскай і сямейнай дзейнасцю. Так, з'ява этнічнай культуры не абавязкова абмежавана асобным этнасам, яна можа быць існасцю шэрагу этнасаў як свайго ўласнага, адчуваннем эмацыянальнай і сімвалічнай сувязі людзей.

Адным са значных кампанентаў этнічнай культуры з'яўляецца этнічная самасвядомасць. Ю. У. Брамлей раскрывае структуру этнічнай самасвядомасці, вылучаючы такія яе кампаненты, як «уяўленне пра тыповыя рысы «сваёй» супольнасці, яе ўласцівасцяў і дасягненняў як цэлага (этнічныя стэрэатыпы), уяўленні пра агульнасць паходжання і гістарычнага мінулага народа, пра тэрытарыяльную супольнасць, пра мову і культуру, якія дапоўнены усведамленнем этнічных каштоўнасцей, інтарэсаў, комплексу эмацыянальных адносін да рэчаіснасці» [5].

Этнічная самасвядомасць звязана з паняццем «менталітэт» як устойлівай комплекснай характарыстыкай індывідуальна-калектыўнага характару, абумоўленай спецыфікай культуры, роднаснай дадзенаму этнічнаму грамадству. Менталітэт, у сваю чаргу, з'яўляецца часткай этнапедагагічнага ідэалу і залежыць ад умоў быцця і адпаведнага выхавання. Пры гэтым важную ролю выконваюць прыродна-геаграфічныя і геапалітычныя фактары, а таксама

асаблівасці гістарычнага, сацыяльна-эканамічнага і палітычнага жыцця этнічнай супольнасці, якія, у сваю чаргу, знаходзяцца пад уплывам выхаваўчай мэты.

Разглядаючы беларускі нацыянальны менталітэт, айчынныя гісторыкі вылучылі яго адметныя рысы. У прыватнасці, Э. С. Дубянецкі спрабуе вызначыць адметныя рысы нацыянальнага беларускага характару праз прызму этнагенезу беларусаў, прыродна-геаграфічных асаблівасцей Беларусі, геапалітычных умоў. На думку даследчыка, у этнагенезе беларусаў значную ролю адыграў «так званы балцкі субстрат» [6, с. 30], ад якога ў скарбонку нацыянальных рыс трапілі стрыманасць і вытрымка, і ўплыў славянскіх плямёнаў, у прыватнасці ўкраінцаў, што вызначыў фарміраванне тыповых рыс беларускага нацыянальнага характару: «памяркоўнасць, гасціннасць, а таксама пэўная нерашучасць, недастатковыя актыўнасць і энергічнасць» [6, с. 30–31]. Прыродна-геаграфічны фактар, накладваючы «значны адбітак на спецыфіку гаспадарчай дзейнасці, матэрыяльнай і духоўнай культуры беларусаў» [6, с. 31], абумовіў станаўленне іх нацыянальнага характару: «Жыхарам раўнінных тэрыторый, як правіла, уласцівы спакойны, разважлівы характар. ...беларуская прырода пазбаўлена рэзкіх пераходаў ад аднаго рэльефу да другога ..., што ў рэшце рэшт прадвызначыла фарміраванне чалавека з такім жа «акруглым», ураўнаважаным характарам. Таму ў адрозненне ад многіх горскіх народаў беларусы менш энергічныя, больш спакойныя і разважлівыя» [6, с. 31]. У той жа час моцная біяэнергетыка беларускіх лясоў, а таксама праца беларусаў па апрацоўцы лясных тэрыторый пад палі для вырошчвання ўраджаю выпрацавалі «знакамітую жыццёстойкасць, вынослівасць, цягавітасць беларусаў» [6, с. 31]. Пры высвятленні ўмоў развіцця нацыянальнага характару беларусаў неабходна ўлічваць геапалітычны фактар – Беларусь «знаходзіцца на своеасаблівым скрыжаванні ўсіх шляхоў паміж чатырма бакамі свету» [6, с. 32] і таму з'яўляецца жаданай тэрыторыяй для іншаземных захопніцкіх памкненняў – што заўжды вымусшала беларусаў весці зацятую, перманентную барацьбу за абарону сваёй тэрыторыі, чалавечай годнасці, незалежнасці, у якой паступова выпрацоўваліся надзвычайная вынослівасць, мужнасць і цяроплівасць.

Такім чынам, этнапсіхалогія беларускага народа і яго менталітэт таксама вызначылі адметныя рысы народна-педагагічнага ідэалу, якімі з'яўляюцца справядлівасць, калектывізм (як вынік абшчыннага быцця); стрыманасць, асцярожнасць, нешматслоўнасць (склаліся ў працэсе цяжкага паднявольнага жыцця, спусташальных войнаў); прастадушнасць, міралюбінасць, памяркоўнасць, надзвычайная талерантнасць (звязаны з адсутнасцю міжнацыянальнай варожасці і наяўнасцю верацярпімасці да прадстаўнікоў розных рэлігійных канфесій, а таксама арыентацыі на агульнасацыяльныя каштоўнасці). Дадзеныя рысы як ментальныя якасці беларускага народа адлюстраваліся ў яго вуснай народнай творчасці, у працы, паводзінах, грамадстве, культуры.

У. М. Конан сцвярджае, што ў працэсе шматвяковага развіцця адбывалася «селекцыя найлепшых узораў народнай культуры, якія набывалі сэнс ідэалаў людской жыццядзейнасці і паводзінаў у грамадстве» [7, с. 8–9], што ў сваю чаргу забяспечыла ўсёй класічнай этнічнай культуры, зафіксаванай у XIX–XX стст., статус эфектыўнага сродку выхаваўчай і навучальнай дзейнасці. Народны ідэал ператвараецца ў своеасаблівы кодэкс беларускага народа – сукупнасць патрабаванняў да чалавека, правілаў і норм паводзін, – занатаваны ў розных відах вуснай народнай творчасці. Бо, як адзначае У. М. Конан, «стваральнік фальклору – народ сцвярджаў духоўныя каштоўнасці жыцця не павучаннем, а сваім уласным жыццём» [8, с. 179]. Штодзённая свядомасць, на якую спантана аказвалі ўплыў розныя ўмовы, паступова афармлялася, выкрышталізоўвалася ў грамадскую думку. Апошняя знайшла сваё ўвасабленне ў прыказках і прымаўках – своеасаблівай маральна-практычнай філасофіі народа, якія паступова станавіліся традыцыямі, яскрава выражанай мэтай, бо менавіта ў іх адлюстраваліся вядучыя

педагогічныя ідэі, у тым ліку ідэя аб мэтанакіраванасці ў рэалізацыі выхаваўчых намаганьняў. Народ свядома кіраваўся існуючай грамадскай думкай, згодна з якой фарміраваў асобу на аснове пераемнасці паміж пакаленнямі, барацьбы за існаванне, бо для таго, каб выжыць, трэба было перадаць новаму пакаленню лепшае з усяго папярэдняга. Менавіта таму педагогічныя ідэі шліфаваліся на працягу стагоддзяў, і ў час пачатку станаўлення беларускай нацыі (канец XIX – пачатак XX ст.) была дакладна вызначана мэта – фарміраванне жыццяздольнага, працавітага, маральна і фізічна здоровага насельніцтва. Дзякуючы грамадскай думцы сфарміраваліся і захаваліся да цяперашняга часу пэўныя рысы беларуса – працавітасць, гаспадарлівасць, гасціннасць, гуманнасць, стрыманасць, справядлівасць, прастадушнасць, міралюбінасць, памякоўнасць, што ў комплексе перадаюць нацыянальны характар, менталітэт.

Такім чынам, у выніку вывучэння прац філосафаў, гісторыкаў, сацыёлагаў, этнографіі і педагогаў сутнасць паняцця «этнакультура» у кантэксце фарміравання беларускай нацыі разглядаецца намі як частка агульнай культуры беларусаў, якая абумоўлена сацыяльна-культурнымі асаблівасцямі супольнасці, мовай, верай у агульнае паходжанне. Этнічная культура не можа быць абмежавана асобным этнасам, яна з'яўляецца існасцю шэрагу этнасаў, дзе вызначальным будзе адчуванне эмацыянальнай і сімвалічнай сувязі людзей. Зместавыя характарыстыкі паняцця «этнакультура» ў разглядаемым кантэксце ўключаюць перш за ўсё менталітэт і этнапсіхалогію, якія ў сваю чаргу вызначаюць ідэал, прымяняльны не толькі як устойлівая характарыстыка прадстаўнікоў пэўнай супольнасці, але і як мэта ў сямейным і грамадскім выхаванні.

ЛІТАРАТУРА

1. Монгуш, М. В. Этническая культура: содержание и составляющие понятия / М. В. Монгуш, А. А. Зайцева, Е. С. Бакшеев // Культурологический журнал : электрон. период. рецензируемое науч. изд. – 2014. – № 2 (16).
2. Люрья, Н. А. Вопросы междисциплинарного анализа понятия «этнокультурный компонент» в общеобразовательной практике региона / Н. А. Люрья, С. М. Малиновская // Вестн. ТГПУ. – 2013. – № 13 (141). – С. 143–149.
3. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
4. Широкогородцев, С. М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений / С. М. Широкогородцев. – М. : Книж. дом «Либроком», 2012. – 136 с.
5. Бромлей, Ю. В. Опыт типологизации этнических общностей / Ю. В. Бромлей // Совет. этнография. – 1975. – № 5. – С. 61–81.
6. Дубянецкі, Э. С. Беларускі нацыянальны характар: спроба даследавання / Э. С. Дубянецкі // АiВ. – 1995. – № 5. – С. 29.
7. Народная педагогіка беларусаў / У. М. Конан [і інш.]. – Мінск : Нац. ін-т адукацыі, 1996. – 165 с.
8. Конан, У. М. Ля вытокаў самапазнання: станаўленне духоўных каштоўнасцей у святле фальклору / У. М. Конан. – Мінск : Маст. літ., 1989. – 238 с.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н. В. Ермалинская, Т. Г. Фильчук, К. В. Бузов

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Беларусь

В современных социально-экономических условиях совершенствование сферы образования на основе информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) выступает одним из первоочередных условий эффективного построения и развития информационного общества и цифровой экономики в Республике Беларусь. На уровне программно-нормативных документов данный приоритет закреплен в Стратегии развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы, Государственной программе развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы, Концепции ин-

форматизации системы образования Республики Беларусь на период до 2020 года, Концепции цифровой трансформации образования Республики Беларусь и др.

В основе цифровизации системы высшего образования лежат следующие процессы [2, с. 451], [4, с. 6]:

– *во-первых*, цифровая трансформация самого образовательного процесса как среды реализации новейших методов, способов и средств обучения, обеспечивающих подготовку высококвалифицированных специалистов, обладающих навыками и умениями уверенного решения профессиональных задач с использованием современного программного обеспечения и информационно-коммуникационных технологий;

– *во-вторых*, цифровая трансформация управления системой высшего образования, включающая внедрение передовых информационных технологий в процессы реализации функций управления учреждениями образования (использование искусственного интеллекта в прогнозировании успеваемости студентов, потребности экономики в молодых специалистах в разрезе специальностей и др.); организации использования образовательных ресурсов учреждений (применение облачных технологий для формирования единой образовательной сети и пр.), а также продвижения их образовательных услуг на международный рынок (использование современных средств коммуникаций, в том числе социальных сетей и др.);

– *в-третьих*, повышение ИКТ-компетентности преподавателей учреждений высшего образования, а также специалистов органов государственного управления, реализующих политику в сфере образования.

Для оценки потенциала и динамики трансформационных процессов в национальной системе образования и экономике в рамках мирового масштаба важным источником информации выступают международные индексы и рейтинги. Из всей совокупности известных индексов комплексно проанализировать цифровую экономику на различных уровнях ее формирования, в том числе в системе образования, позволяет Индекс развития цифровой экономики (далее – ИРЦЭ) [3, с. 11]. Сравнительный анализ субиндексов ИРЦЭ для Республики Беларусь и некоторых стран ЕАЭС и ЕС (рис. 1) показал следующие результаты. На фоне стабильного роста обеспеченности студентов ПЭВМ (на 46,3 % за 4 учебных года или с 95 до 139 машин на 1000 студентов в 2016/2017 уч. г. [2, с. 452]) и увеличения плотности подключения ПЭВМ к сети Интернет в вузах (80 % в 2016/2017 уч. г. или на 5,7 % выше, чем 4 года назад [2, с. 452]) система образования является лидером в процессах цифровизации по сравнению с другими отраслями народного хозяйства [2]. На международной арене темпы цифрового развития экономики Беларуси в совокупности имеют среднее значение (ИРЦЭ = 0,4642, что на 0,2715 ед. выше, чем в Казахстане, и на 0,3884 ед. ниже, чем в Швеции) [3, с. 14]. При этом преобладающее влияние на данный уровень оказали: цифровизация экономики (рост организаций, использующих широкополосный доступ в Интернет и увеличение численности работников сектора ИКТ в них), развитие человеческого капитала (увеличение цифровой грамотности населения и его охвата образованием) и интенсивность использования Интернета (активизация поиска информации, общения в социальных сетях, покупки товаров и услуг, осуществления финансовых операций и др.).

По результатам исследований установлено, что особенности процессов цифровой трансформации системы образования целесообразно анализировать не только в экономико-правовом и организационно-управленческом поле, но и в формирующейся социально-культурной среде современного «цифрового» общества. Комплексное изучение ее характеристик позволяет выявить изменения в социальных измерителях бытия нового «цифрового поколения» молодых людей (особенности мировосприятия, мышления, поведения) и установить «новые» профессиональные компетенции, обеспечивающие конкурентоспособность специалистов на рынке труда в условиях развития цифровой экономики.

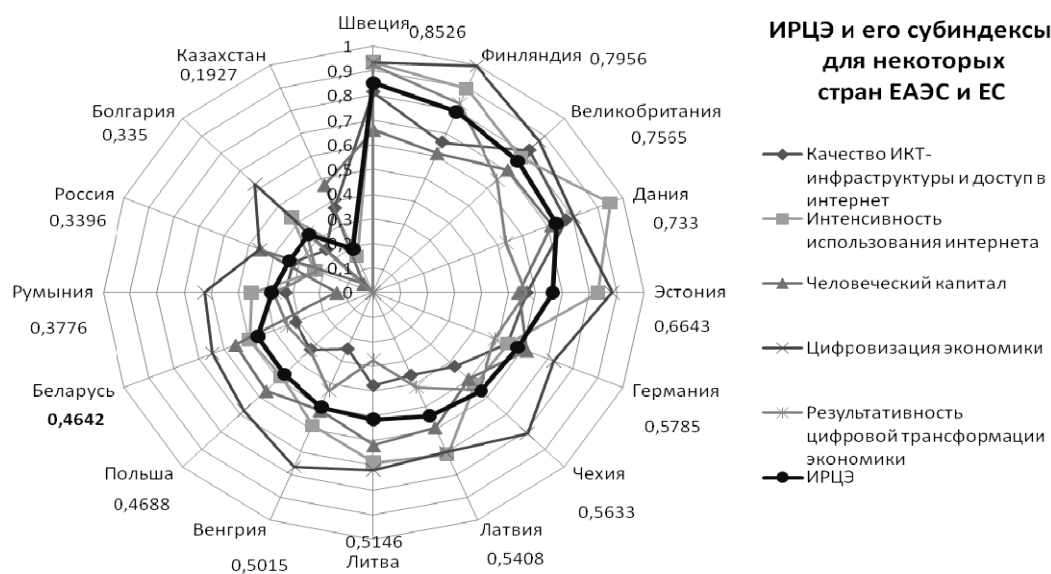

Рис. 1. Индекс развития цифровой экономики для некоторых стран ЕАЭС и ЕС по оценке на 2017 г.

Примечание. Диаграмма построена авторами на основе данных источника [3].

Проведенные исследования позволили выявить, что к ключевым социально-психологическим особенностям формирования и реализации цифровой модели высшего образования можно отнести следующие:

– изменение социальной роли преподавателя и подходов к ее выполнению: *во-первых*, из первоисточника, носителя знаний и умений он становится навигатором, определяющим оптимальную для целей курса траекторию знакомства с базами знаний [1, с. 26], [6, с. 122]; *во-вторых*, он должен развивать умения подготовки образовательных продуктов, доносящих до аудитории учебную информацию в виде интенсивного потока, включающего одновременно речь, текст, графику, видеоряд и звук [1, с. 25]. Кроме этого должно меняться и его отношение к цифровым технологиям: от средств, дополняющих традиционные подходы преподавания, к новым способам, технологиям подготовки специалистов с высшим образованием [5, с. 14];

– изменение мотивации обучения и подхода к освоению студентами знаний: *во-первых*, динамичность общественных процессов и дефицит времени порождают желание за короткое время и в одном образе получить суть событий и излагаемых проблем, что приводит к формированию «клипового» мышления [1, с. 25]; *во-вторых*, частое использование системы поиска информации «по запросу» из множества одновременно действующих информационных источников создает условия к закреплению фрагментарного типа восприятия учебной информации. Такой подход позволяет глубоко изучить определенную сторону исследуемого явления, однако может затрудняться формирование единого представления, причинно-следственных связей и генезиса развития ситуации; *в-третьих*, стремление к решению множества задач одновременно в ограниченные сроки позволяет развивать проблемно-поисковое мышление [5, с. 14]. В такой ситуации студенты лучше справляются с совместными проектами, чем с индивидуальными заданиями; стремятся к получению быстрого результата, избегая долгосрочного планирования поэтапной работы; *в-четвертых*, индивидуализация учебного процесса и содержания учебных занятий на основе информационных образовательных ресурсов способствует развитию навыков самообучения и самоконтроля знаний как элементов индивидуальной управляемости студента; *в-пятых*, уровень цифровой грамотности

обучающегося становится ключевым фактором, обеспечивающим ему академическую успеваемость и успешность в различных видах деятельности, а также обуславливающим характер его общения при взаимодействии с другими людьми [5, с. 14];

– трансформация системы требований к компетенциям специалистов: *во-первых*, наиболее востребованными становятся способности и умения, не доступные полной алгоритмизации и роботизации (воображение, нестандартность, инициативность, лидерство и пр.) [6, с. 123]; *во-вторых*, возникает необходимость формирования «цифровых компетенций будущего» (языковая мобильность, кооперативно-творческое мышление, способность работы в междисциплинарных средах, понимание глобальных проблем, навыки управления своим здоровьем, финансовая грамотность, умение заботиться об окружающей среде, информационная гигиена, способность учиться и переучиваться в течение всей жизни в соответствии с потребностями рынка труда и др.) [7].

Следует заключить, что цифровая трансформация системы высшего образования в Республике Беларусь является логическим развитием международного сотрудничества в сфере образования; преследует цели актуализации образовательного процесса в контексте мировых тенденций информатизации общества и увеличения качества профессиональной подготовки специалистов для формирующейся цифровой экономики; а также влечет за собой изменения не только в экономико-политической сфере деятельности человека, но и приводит к постепенной социально-духовной трансформации его мировоззрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Албегова, И. Ф. Изменение функций и статуса преподавателя вуза в цифровом обществе: причины, факторы и последствия / И. Ф. Албегова // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека : сб. науч. ст. и материалов междунар. конф., Коломна, 11–13 февр. 2016 г. / под общ. ред. Р. В. Ершовой. – Коломна : Гос. соц.-гуманитар. ун-т, 2016. – С. 24–27. – Режим доступа: http://gsgucafpsi.ru/?page_id=299&lang=ru. – Дата доступа: 27.02.2019.
2. Богуш, В. А. Цифровая трансформация высшего образования / В. А. Богуш // Цифровая трансформация образования : тез. докл. 1-й науч.-практ. конф., Минск, 30 мая 2018 г. / М-во образования Респ. Беларусь, ГИАЦ Минобразования ; редкол.: В. А. Богуш [и др.]. – Минск : ГИАЦ Минобразования, 2018. – С. 450–453. – Режим доступа: http://dtconf.unibel.by/doc/DTE_conference.pdf. – Дата доступа: 19.06.2018.
3. Головенчик, Г. Г. Рейтинговый анализ уровня цифровой трансформации экономик стран ЕАЭС и ЕС / Г. Г. Головенчик // Цифровая трансформация. – 2018. – № 2. – С. 5–18. – Режим доступа: <https://dt.giac.by/jour/article/view/75>. – Дата доступа: 27.02.2019.
4. Формирование информационной системы управления в секторе образования и развитие системы образования Беларуси на основе опыта Эстонии / П. А. Лис [и др.] // Цифровая трансформация. – 2018. – № 4. – С. 5–15. – Режим доступа: <https://dt.giac.by/jour/article/view/113/76>. – Дата доступа: 27.02.2019.
5. Пошехонова, В. А. Образовательная гуманитарная технология цифрового поколения / В. А. Пошехонова // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» / Педагогическое образование в России : электрон. журн. – 2018. – № 5. – С. 13–20. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/obrazovatel'naya-gumanitarnaya-tehnologiya-tsifrovogo-pokoleniya>. – Дата доступа: 27.02.2019.
6. Тульчинский, Г. Л. Цифровая трансформация образования: вызовы высшей школе / Г. Л. Тульчинский // Публикации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» / Философские науки : электрон. науч. журн. – 2017. – № 6. – С. 121–136. – Режим доступа: <http://publications.hse.ru/articles/212164063>. – Дата доступа: 27.02.2019.
7. Юсупова, С. Я. Образование в эпоху цифровой экономики / С. Я. Юсупова, С. Н. Позднеева // Научная электронная библиотека «Elibrary.ru» / «Управление экономическими системами: электрон. науч. журн. – 2018. – № 2 (108). – С. 5–31. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32718844>. – Дата доступа: 27.02.2019.

СЕКЦИЯ III

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ
СЛАВЯН, ЕДИНСТВО
И МНОГООБРАЗИЕ
В ПРАВОВЫХ ОСНОВАХ
ИНТЕГРАЦИОННЫХ
ПРОЦЕССОВ
СЛАВЯНСКИХ
НАРОДОВ

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА РУБЕЖЕ XX–XXI СТОЛЕТИЙ

В. В. Седельник

Гродненский государственный университет имени Я. Купалы, Беларусь

Правовая история белорусского народа, как и любого другого народа, всегда развивалась под воздействием множества самых различных факторов. Истоки белорусских правовых традиций уходят во времена Великого Княжества Литовского, чьи законодательные памятники, в особенности Статуты XVI в. по праву занимают почетное место не только в нашей юридической истории, но и в европейском правовом наследии в целом. В них нашли воплощение прогрессивные политико-правовые идеи белорусских мыслителей и политических деятелей того времени. Несмотря на сложные и противоречивые условия, в которых развивалась белорусская государственность и XVII–XVIII вв., нормы Статута 1588 г. продолжали сохранять свое действие на белорусских землях вплоть до 40-х гг. XIX в.

В XX в., вместе с появлением на географической карте Белорусской Советской Социалистической Республики, стали складываться традиции нового уклада правовой жизни белорусов. В этот период доминирующее значение приобретает марксистско-ленинская идеология, постулаты которой в течение семи десятилетий определяли смысл и содержание как действующего законодательства, так и правоприменительной практики.

В современных условиях развитие белорусской правовой системы характеризуется рядом особенностей, которые обусловлены неоднозначными и противоречивыми процессами глобализации и интеграции, охватившими в том числе и постсоветское пространство. Республика Беларусь не составляет в этом плане исключения.

В концентрированном виде особенности развития правовой системы постсоветской Беларуси могут быть изложены следующим образом:

– в сжатые сроки, т. е., по сути дела, за десять лет, сформирована принципиально новая система белорусского права, в которой закреплены многие идеи и ценности, присущие западной правовой традиции, включающей принципы верховенства права и правовой государственности. Приверженность перечисленным началам особенно четко прослеживается в преамбуле Конституции Республики Беларусь 1994 г.;

– белорусское законодательство характеризуется высокой степенью кодифицированности. Наряду с традиционными основополагающими кодексами, приняты такие оригинальные акты, как Кодекс об образовании, Кодекс о культуре и некоторые другие;

– серьезное внимание белорусский законодатель уделяет вопросам юридической техники. В 2000 г. начал действовать Закон о нормативных правовых актах, принятие и реализация которого стали заметным событием в правовой жизни белорусского общества. В данном Законе нашли воплощение основополагающие требования к правотворческим актам и правовой системе в целом: перечислены виды нормативных правовых актов, правила определения их юридической силы, определены требования к их тексту, порядку принятия и т. п.;

– к числу нормативных актов отнесены акты высших судебных органов белорусского государства: Конституционного Суда и Верховного Суда. Тем самым белорусский законодатель придал судебной практике нормативный характер;

– создана и успешно функционирует система государственных органов правовой информации во главе с Национальным центром правовой информации Республики Беларусь. В ее рамках осуществляется деятельность по сбору, учету, обработке, хранению, систематизации, актуализации и распространению информации такого рода;

– сформирована и действует конституционная юстиция. Появился принципиально новый юридический феномен – правовые позиции Конституционного Суда Республики Беларусь, которые оказывают существенное влияние на правотворческие процессы и правоприменительную деятельность;

– произошла децентрализация высшего юридического образования. Ранее подготовка специалистов-юристов высшей квалификации велась исключительно в столице. В настоящее время специалистов данного профиля готовят на юридических факультетах университетов во всех областных центрах республики.

Обретение нашей страной подлинной независимости актуализировало вопросы соотношения национального и международного права. Современный вектор развития отечественного законодательства в значительной мере определяется положением, которое сформулировано в ст. 8 Конституции Республики Беларусь. Данное положение гласит, что Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им действующего законодательства. Однако его реализация предполагает продуманную законодательную стратегию. Для развития белорусского права на рубеже веков примечательным моментом можно считать разработку и принятие различных Концепций, так или иначе связанных с оптимизацией объективного права и правоприменительной практики. Именно в этом контексте следует рассматривать, например, принятие в марте текущего года Концепции информационной безопасности, призванной обозначить основные направления развития правовой основы данного вида безопасности.

Анализируя развитие белорусской правовой системы, полагаем, что для формирования ее оптимальной модели требуется объединение усилий представителей научного сообщества, законодателей и правоприменителей. При этом не следует забывать, что каждый народ в своем правовом развитии идет по собственному пути, на который влияют культурно-исторические, духовные и материальные условия жизни социума, а также скорость и последовательность реализации правовых новаций.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В БЕЛАРУСИ И РОССИИ

В. В. Гладышев

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Беларусь

Одним из главных показателей цивилизованного общества во все времена было и остается внимание, уделяемое развитию науки, культуры, техники. От того, насколько значителен интеллектуальный потенциал общества и уровень его культурного развития, зависит успех решения стоящих перед обществом экономических проблем. В свою очередь, наука, культура и техника могут динамично развиваться только при наличии соответствующих условий, в том числе необходимой правовой охраны и защиты интеллектуальной собственности.

Интеллектуальная деятельность человека важна как для духовного развития человечества, так и для экономического состояния государства. Положение страны зависит от уровня развития института интеллектуальной собственности и его законодательной охраны различными отраслями права. В мире формируется глобальное информационное пространство, в основе которого находится компьютерная информация и информационные технологии.

Происходящие положительные изменения в экономической сфере вызывают и отрицательные следствия, появление ранее не существовавших форм преступности.

С возникновением новых общественных отношений возникают проблемы, затрагивающие личность, общество и государство.

Отмечается рост посягательств на интеллектуальную собственность. При этом следует отметить, что данным категориям преступлений свойственна определенная латентность. Одной из причин роста уровня преступлений в этой сфере является несовершенство уголовного законодательства.

Во многих странах, в том числе и в Республике Беларусь, дальнейшее развитие получает право интеллектуальной собственности, задача которого не только регулировать, но и эффективно охранять исключительные права на объекты интеллектуальной собственности.

Остановимся на некоторых аспектах уголовно-правовой защиты интеллектуальной собственности.

Наука уголовного права в разные исторические периоды имела и имеет различные точки зрения.

Так, в уголовном законодательстве России на разных исторических этапах преступления о присвоении интеллектуальной собственности относились к преступлениям против собственности.

В современном периоде, как правило, к имуществу не относится и соответственно предметом посягательств на собственность не является интеллектуальная собственность, так как последняя не содержит в себе экономического содержания собственности.

Результаты интеллектуальной деятельности сегодня не входят в предмет преступлений против собственности.

Ответственность за посягательства на интеллектуальную собственность в настоящее время предусмотрена в разных главах Уголовного кодекса Республики Беларусь: о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина – ст. 201 УК РБ; против порядка осуществления экономической деятельности – ст. 248 УК РБ; в главе против информационной безопасности – ст. 352 УК РБ и т. д.

Современное уголовное законодательство Беларуси относит преступления против интеллектуальной собственности к группе преступлений против конституционных прав граждан.

По своей природе объект интеллектуальной собственности нематериален.

Интеллектуальную собственность можно рассматривать как совокупность личных неимущественных и имущественных (исключительных) прав на результаты интеллектуальной деятельности. Таким образом, интеллектуальная собственность имеет двойственную природу: с одной стороны, это моральные, неотчуждаемые права, с другой – исключительные права, предоставляющие автору или иному правообладателю монополию на использование созданного им невещественного объекта.

Если говорить о посягательстве на интеллектуальную собственность как о нарушении конституционных прав и свобод человека и гражданина, то уголовный закон в данном случае призван охранять лишь личные неимущественные права авторов и иных правообладателей.

Встает вопрос охраны исключительных прав. В связи с этим в научных мнениях и правоприменительной практике возникают вопросы, не полностью урегулированные законом.

Так, лицо, совершая определенные противозаконные действия с объектами интеллектуальной собственности, затем использует их противоправным образом, получает доход – имущественную выгоду. При этом извлечение имущественной выгоды из незаконного использования объектов интеллектуальной собственности, исходя из судебной практики, не всегда наказуемо, что противозаконно.

Если исходить из того, что ст. 201 УК РБ, как и ст. 146 УК РФ и 147 УК РФ, расположены в главе о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина, то возникает проблема квалификации действий, нарушающих авторские или смежные права в случаях, когда нарушаются смежные права юридического лица или же происходит незаконный оборот контрафактных экземпляров произведений и программ, правообладателем исключительных прав на которые также является юридическое лицо. Поскольку признание потерпевшей стороной юридического лица в данном случае выглядит противоречиво.

Поскольку вопросы борьбы с преступлениями против интеллектуальной собственности становятся с каждым днем все более актуальными, то с целью уголовно – правовой защиты отношений в области интеллектуальной собственности с точки зрения охраны исключительных прав, необходимо детализировать уголовную ответственность за посягательство на данную группу отношений. Это может быть представлено в виде уголовно–правовой нормы: «умышленное нарушение прав на интеллектуальную собственность, повлекшее извлечение имущественной выгоды».

Также целесообразно выделение преступлений против интеллектуальной собственности в отдельную главу уголовного кодекса.

О СОЗДАНИИ ПРАВОВЫХ УСЛОВИЙ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ, РОССИИ, УКРАИНЫ

С. П. Кацубо

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Беларусь

Агропромышленный комплекс и его базовая отрасль – сельское хозяйство являются как для нашей страны, так и для Российской Федерации и Украины ведущими системообразующими сферами экономики, формирующими рынок сельскохозяйственной продукции и продуктов питания, продовольственную и экономическую безопасность, трудовой и социальный потенциал на территории сельской местности. Преобразования, происходящие в сельском хозяйстве Республики Беларусь, способствуют развитию малых форм хозяйствования, играющих существенную роль в экономическом и социальном развитии села. Развитие организаций малого агробизнеса рассматривается как одно из потенциальных направлений реализации частной инициативы, привлечения инвестиций в отечественное сельское хозяйство.

В связи с особенностями местной аграрной сферы (характером трансформационных процессов, менталитетом крестьян, историческими условиями хозяйствования на земле) процессы реформирования хозяйственных отношений в Украине не отличались масштабностью. Однако в дальнейшем в процессе формирования нормативно-правовой среды, определяющей условия хозяйствования украинского АПК, были созданы объективные предпосылки для наращивания производственного потенциала его структур [8, с. 55].

В свете развития интеграционных процессов представляют интерес меры по развитию предпринимательства в сельской местности, предпринимаемые в Российской Федерации. Так, постановлением правительства Российской Федерации от 14.07.2012 г. № 717 была утверждена Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг., которая одной из стратегических целей обозначает поддержку малых форм хозяйствования (см. подпрограмму «Поддержка малых форм хозяйствования»): поддержку начинающих фермеров; развитие семейных животноводческих ферм на базе

крестьянских (фермерских) хозяйств; государственную поддержку кредитования малых форм хозяйствования; оформление земельных участков в собственность крестьянских (фермерских) хозяйств. Предлагается также развивать интеграцию крестьянских хозяйств с крупнейшими перерабатывающими сельскохозяйственными предприятиями: предоставление грантов и субсидий предприятиям на создание молокоприемных пунктов для сбора молока от населения и крестьянских (фермерских) хозяйств [1, с. 56].

Дальнейшее развитие предпринимательства на селе российские ученые видят в увеличении количества проектов, направленных на развитие малых форм хозяйствования и сельскохозяйственную кооперацию, интеграцию малого бизнеса с крупным, создание оптовологистических центров.

На роль интеграции и кооперации с сельскохозяйственными организациями малых форм хозяйствования на селе обращают внимание и белорусские ученые [2, с. 12], [6, с. 43]. Кооперация имеет актуальное значение для развития прямых связей между малыми формами хозяйствования и поставщиками ресурсов, потребителями (покупателями) сельскохозяйственной продукции и продовольствия, что способствует снижению издержек производства и увеличению доходов участников кооперации.

В настоящее время в Республике Беларусь зарегистрированы и осуществляют деятельность пять сельскохозяйственных потребительских кооперативов.

Развитие организаций малого агробизнеса следует рассматривать как одно из потенциальных направлений реализации частной инициативы, привлечения инвестиций в отечественное сельское хозяйство. В Республике Беларусь хозяйства граждан сохраняют свою значимость в производстве сельскохозяйственной продукции и обеспечении продовольственной безопасности государства. Основными представителями малого агробизнеса являются крестьянские (фермерские) хозяйства, которые в составе агропромышленного комплекса являются самой массовой организационно-правовой формой. В Республике Беларусь функционирует около 3 тыс. организаций малого агробизнеса. Опыт развития фермерства в Республике Беларусь, России и в Украине свидетельствует, что фермерский сектор является одним из динамично развивающихся секторов аграрной экономики, имеющих положительную динамику производства продукции сельского хозяйства.

На улучшение деловой среды, содействие развитию субъектов малого и среднего предпринимательства, совершенствование инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства, формирование позитивного отношения к предпринимательской инициативе граждан, создание новых рабочих мест в сельской местности, а также на увеличение доходов сельского населения в результате развития новых направлений деятельности в сельской местности, включая агротуристическую, ремесленную и иную деятельность, направлены цели и задачи Государственных программ по развитию малого и среднего предпринимательства, аграрного бизнеса в Республике Беларусь на 2016–2020 гг.

Совершенствуются порядок и условия стимулирования предпринимательской деятельности в сельской местности. В целях стимулирования предпринимательской деятельности на территории средних, малых городских поселений, сельской местности был принят Декрет Президента Республики Беларусь от 07.05.2012 г. № 6, Указы Президента Республики Беларусь от 15.11.2016 г. № 421, от 22.09.2017 г. № 345, от 09.10.2017 г. № 365. На стимулирование деловой активности в сфере бытового обслуживания, создание новых рабочих мест, обеспечение качества и доступности бытовых услуг в сельской местности направлен Указ Президента Республики Беларусь от 28 июня 2017 г. № 227 «Об обеспечении качества и доступности бытового обслуживания».

На осуществление мер по устойчивому развитию территорий сельской местности, стимулирование занятости сельского населения и повышение уровня его жизни на-

правлены положения Директивы Президента Республики Беларусь «О развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли» от 04.03.2019 г. № 6. В частности, предусматривается следующее: развитие и благоустройство сельских населенных пунктов; повышение уровня государственных социальных стандартов по обслуживанию населения, создающих комфортные условия для жизнедеятельности и проживания граждан на территории сельской местности, путем развития современной социальной, инженерной и транспортной инфраструктуры, обеспечивающей установленные нормативы (стандарты) качества жизни; содействие развитию личных подсобных хозяйств граждан, субъектов малого предпринимательства на территории сельской местности, включая крестьянские (фермерские) хозяйства; стимулирование создания рабочих мест в несельскохозяйственных сферах деятельности, включая агроэкотуризм, экологический туризм, народные промыслы (ремесла); создание условий для самозанятости на территории сельской местности [7].

Приобретает определенную актуальность развитие семейного предпринимательства. Обращение к истории показывает, что у отечественного индивидуально-семейного предпринимательства имеются глубокие исторические корни [5]. Однако в Республике Беларусь и Российской Федерации нет специального законодательства для семейного предпринимательства. В этой связи представляет интерес Закон Республики Узбекистан от 26.04.2012 г. «О семейном предпринимательстве» [3], [4].

На основании изложенного, с учетом специфики исторического развития аграрного предпринимательства, национального и зарубежного опыта деятельности малых форм агробизнеса и в целях его должного правового регулирования, представляется целесообразным: разработать правовую базу семейного предпринимательства; подготовить программу финансовой помощи субъектам хозяйствования, осуществляющим предпринимательскую деятельность в сельской местности; поддерживать процессы интеграции и кооперации малых форм хозяйствования на селе с сельскохозяйственными организациями.

Требует внимания установление правового статуса сельскохозяйственных потребительских кооперативов. Такая задача предусмотрена в подпункте 36.1 пункта 36 Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Скоропанова, Л. Развитие малого и среднего предпринимательства в сельском хозяйстве Российской Федерации / Л. Скоропанова // Аграр. экономика. – 2016. – № 5. – С. 50–59.
2. Матох, С. Развитие малого предпринимательства в АПК Республики Беларусь / С. Матох // Аграр. экономика. – 2016. – № 4. – С. 9–13.
3. Герасименко, А. Семейное предпринимательство / А. Герасименко // Экон. газ. – 2012. – 3 апр. – С. 5.
4. Королева, В. Б. Перспективы развития семейного предпринимательства в Республике Беларусь / В. Б. Королева // ЭТАЛОН. Банк данных «Правоприменительная практика – 2018». – Дата доступа: 05.06.2018.
5. Избранные труды / А. В. Чаянов [и др.]. – М. : Финансы и статистика, 1991. – 429 с.
6. Фрейдин, М. З. Кооперация крестьянских (фермерских) хозяйств как фактор повышения эффективности их функционирования / М. З. Фрейдин, А. Л. Астапчик // Вестн. Белорус. гос. с-х. акад. – 2016. – № 3. – С. 40–43.
7. О развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли : Директива Президента Респ. Беларусь от 4 марта 2019 г. № 6 // КонсультантПлюс, 2019.
8. Ивченко, В. Формирование нормативно-правовой среды хозяйствования в аграрном секторе экономики Украины / В. Ивченко // Аграр. экономика. – 2016. – № 10. – С. 54–60.
9. О Государственной программе развития аграрного бизнеса в Республике Беларусь на 2016–2020 годы и внесении изменений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 16 июня 2014 г. № 585 : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 11 марта 2016 г., № 196 (ред. от 22.11.2018 г.) // КонсультантПлюс, 2019.
10. О Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 10 апр. 2002 г. № 205 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 46. – 1/3636.

КРИЗИС 2007–2008 ГОДОВ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИКУ ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ¹

Н. Н. Приступа

Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка, г. Минск

В 2000-е гг. чешская экономика продолжала «наверстывать» отрыв от развитых экономик мира и демонстрировала высокие темпы роста (более чем в два раза выше по сравнению с государствами-членами еврозоны [1, р. 341]). Факторами, обеспечившими этот рост, были увеличение экспорта, повышение производительности труда и приток прямых иностранных инвестиций.

Однако, принимая во внимание, что экономика Чешской Республики принадлежит к числу наиболее глобализированных экономик мира², начавшийся в 2007 г. мировой финансово-экономический кризис рано или поздно должен был затронуть и ее. Ведь состояние чешской экономики напрямую зависит от «самочувствия» иностранных компаний, в руках которых находится 69,1 % активов. Так, иностранный капитал контролирует 98 % банковского сектора, 97 % телекоммуникационной сферы, 93 % автомобилестроения и др. [3].

Анализ территориальной структуры чешской внешней торговли показывает, что рынок ЕС, особенно немецкий, занимает значительную долю в общем чешском экспорте (85 %) [1, р. 343]. Поэтому развитие чешской экономики сильно зависит от экономической ситуации основных торговых партнеров. По мнению российской исследовательницы З. Н. Кузнецовой, встраивание в технологические цепочки глобальной экономики через стимулирование тесных кооперационных связей чешских малых и средних предприятий с крупными транснациональными компаниями стало главным направлением интеграции чешской экономики в единый европейский рынок. Чехия превратилась в одного из ведущих производителей комплектующих для автомобильной промышленности, при этом на европейский рынок экспортируется 80 % продукции чешских предприятий-субпоставщиков. Однако однобокая структура промышленности повышает уязвимость чешской экономики, ставя ее в прямую зависимость от изменения конъюнктуры на европейском рынке [4, с. 378].

Именно тесная интеграция со «старыми» государствами-членами ЕС и внешняя торговля стали одними из основных каналов, через которые мировой финансово-экономический кризис повлиял на чешскую экономику. Уже в 3 квартале 2008 г. начал снижаться внешнеторговый оборот, и по итогам года рост экспорта составил всего 4,2 % (для сравнения в 2007 г. – 11,1 %), импорта – 3,2 % (для сравнения в 2007 г. – 13 %). В 2009 г. продолжилась тенденция к падению этих показателей: экспорт сократился на 9,8 %, импорт – на 11 % [5].

Принимая во внимание и тот факт, что автомобильная промышленность является одной из наиболее важных отраслей промышленности Чешской Республики, резкое падение спроса на автомобили во время кризиса усугубило развитие кризисных явлений в экономике страны. По примеру Германии и Словакии, где были внедрены схемы утилизации автомобилей для смягчения общего спада экономической активности и повышения продаж в краткосрочной перспективе, в Чехии также стали высказываться идеи о необходимости принятия мер по поддержке чешских производителей автомобилей (Škoda).

¹ Статья выполнена в рамках научно-исследовательской работы «Трансформационные процессы в западнославянских странах Центральной Европы (конец XX – начало XXI в.)» (ГНПИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» на 2016–2020 гг., подпрограмма «История и культура», задание 1.1.05 «Всеобщая история. Беларусь и мир: международные отношения, дипломатия, диаспора»).

² Согласно рейтингу швейцарского экономического института (КОФ) за 2007 г., Чехия заняла тринадцатое место в мире по уровню глобализации, в 2008 г. – пятнадцатое, 2009 и 2010 гг. – четырнадцатое.

Резкое падение спроса на чешскую продукцию в странах еврозоны, также оказавшихся в кризисе, вновь выдвинуло на первый план задачу диверсификации экспорта и выхода на новые рынки сбыта. Так, в экспортной стратегии Чешской Республики на 2012–2020 гг., принятой в разгар кризиса, поставлена задача снизить удельный вес стран ЕС в экспорте Чехии путем постепенной переориентации национальных экспортеров на новые рынки сбыта. В качестве приоритетных стран на первые годы реализации новой стратегии назывались Бразилия, Вьетнам, Индия, Ирак, Казахстан, Китай, Мексика, Российская Федерация, Сербия, Турция, Украина, США. В последующие годы должна вырасти торговля с такими странами, как Ангола, Аргентина, Австралия, Азербайджан, Беларусь, Гана, Египет, Израиль, Канада, Колумбия, Марокко, Молдавия, Нигерия, Норвегия, ОАЭ, Перу, Сенегал, Сингапур, Таиланд, Хорватия, Чили, Швейцария, Эфиопия, ЮАР, Япония [6, s. 17].

Проблема усугублялась и недостаточной финансовой дисциплиной. Структура доходов и расходов государственного бюджета страны еще до мирового экономического кризиса привела к формированию дефицита государственного бюджета. Меры правительства, направленные на сглаживание кризисных явлений в экономике, привели к дальнейшему росту государственных расходов. Так, в 2007 г. отрицательное сальдо государственного бюджета составляло 1,7 %, в 2008 г. – 0,5 %, в 2009 г. – 4,9 % и 2010 г. – 3,9 %. Размер государственного долга по отношению к ВВП страны также вырос и составил в 2007 г. 23,2 %, в 2008 г. – 24,8 %, в 2009 г. – 30,0 % и 2010 г. – 33,9 % [5].

О глубине кризисных явлений в Чешской Республике свидетельствуют и показатели инфляции и безработицы, которые, несмотря на стабильность в предкризисный период, резко выросли в 2008–2009 гг. Так, в конце 2008 г. средний годовой уровень инфляции достиг десятилетнего максимума и составил 6,3 % (для сравнения – в 2007 г. он составлял 2,8 %). Основными причинами роста инфляции стало увеличение цен на продукты питания, ставки НДС, тарифов на электроэнергию и услуг ЖКХ. Однако уже в 2009 г. уровень инфляции стабилизировался и составил 1 % [5].

Уровень безработицы в 2008 г. достиг 4,4 %, что стало самым низким показателем для Чешской Республики с 1997 г. Однако уже в 2009 г. численность безработных стала расти и составила 6,7 %. Не изменилась ситуация и в 2010 г.: количество безработных выросло до 7,3 % от экономически активного населения страны [5].

Таким образом, мировой финансово-экономический кризис 2007–2008 гг. в значительной степени отразился на экономике Чешской Республики, однако его глубина была меньшей, чем в ряде других стран Центральной и Юго-Восточной Европы. В большей степени кризисные явления проявились в конце 2008 г. – первой половине 2009 г. и затронули внешнюю торговлю Чехии, объем прямых иностранных инвестиций и промышленность. К концу 2009 – началу 2010 г. многие сферы показали более позитивную динамику, что было обусловлено в том числе и деятельностью правительства страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Tvrdoň, M. Consequences of the Global Economic Crisis on the Czech Economy / M. Tvrdoň // Scientific papers of the University of Pardubice. – 2010. – Vol. 7, № 2. – P. 339–351. – Mode of access: https://dk.upce.cz/bitstream/handle/10195/38507/TvrdoňM_ConsequencesOfTheGlobal_2010.pdf?sequence=1. – Date of access: 20.02.2019.
2. Index of globalization (according to KOF), 1970–2011 // Database for Institutional Comparisons in Europe. – Mode of access: <https://www.cesifo-group.de/ifoHome/facts/DICE/Country-Characteristics/Basic-Country-Characteristics/Country-Indices/Index-globalization-KOF.html>. – Date of access: 11.02.2019.
3. Šitner, R. Propočet HN: cizinci drží 70 % ekonomiky / R. Šitner // Hospodářské noviny. – 22.10.2010. – Mode of access: <https://ihned.cz/c1-47411710-propocet-hn-cizinci-drzi-70-ekonomiky>. – Date of access: 11.02.2019.
4. Кузнецова, З. Н. Чехия / З. Н. Кузнецова // Результаты трансформации в странах Центральной и Восточной Европы (общественно-политический и экономический аспекты) / отв. ред. Н. В. Куликова. – М. : ИЭ РАН, 2013. – С. 364–387.

5. Česká republika: hlavní makroekonomické ukazatele // Český statistický úřad. – 01.03.2019. – Mode of access: https://www.czso.cz/csu/czso/hmu_cr. – Date of access: 11.03.2019.
6. Exportní strategie České republiky pro období 2012–2020 // Ministerstvo průmyslu a obchodu. – Mode of access: <https://www.mpo.cz/cz/rozcestnik/ministerstvo/ministr/exportni-strategie-cr-2012---2020--103015/>. – Date of access: 04.03.2019.

ОРГАНИЗАЦИЯ ДНЕЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В БРЕСТЕ КАК СПОСОБ ОБЪЕДИНЕНИЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Н. В. Самосюк

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, Беларусь

Дни русской культуры являлись особыми праздниками для всей русской эмиграции. Все русские сообщества различного характера объединяли усилия для проведения интересного, яркого и насыщенного празднования, тем самым фактически подтверждая свою многочисленность и сплоченность.

Представители русской общественности в Польше осознавали все сложности своего нахождения в иноязычной и инокультурной среде: «Годы идут, и наша физическая оторванность от родины дает себя знать; особенно это сказывается на подрастающем поколении. Само понятие Родины делается все отвлеченнее и чувство Родины ослабевает...» [3, л. 1 об.].

Дни русской культуры позиционировались как своеобразная передача культурного опыта подрастающему поколению. Для того чтобы молодежь и старшее поколение смогли насладиться достижениями родной культуры, русским зарубежьем был организован День русской культуры, приуроченный ко дню рождения А. С. Пушкина. Этот праздник отмечался почти во всех странах, где проживали русские. День русской культуры являлся также временем и возможностью для осмысления достижений русской культуры среди других культур [3, л. 1 об.].

В Бресте координирующую функцию в организации Дней русской культуры взял на себя отдел Русского благотворительного общества. Одним из наиболее важных пунктов в программе празднования является организация спектаклей [1, л. 15]. Кроме своих собственных сил в лице членов драматического кружка во главе с П. А. Долбенским привлекались русские труппы, регулярно гастролировавшие в небольших городах [2, л. 88–89]. В частности, в 1930 г. в Бресте были поставлены спектакли «Вера Мирцева» по Н. И. Урванцеву в четырех актах и «Идиот» по Ф. М. Достоевскому в пяти. Цены билетов варьировались от 75 грошей до 5 злотых. Собранные за билеты средства пошли на помощь русским инвалидам, а также на гимназию в Бресте [3, л. 13, 14]. Общее угощение всех во время праздничных мероприятий было организовано за счет сбора пожертвований [3, л. 29–31].

Русская общественность, проживающая в разных странах, стремилась как можно более подробно и красочно поделиться своим опытом проведения Дней русской культуры на страницах периодики. Так, в частности, в Белграде 8 июня 1930 г. проходил День русской культуры, в котором приняли участие почти все крупные общественные организации: Академическая группа, Общевоинский союз, союзы писателей, журналистов, студентов, инженеров и др. Первым пунктом программы празднования, как и во всех странах, был торжественный молебен.

Примечательно, что празднование проходило в стенах Белградского университета, где вечером состоялось торжественное заседание, на котором, как и в прошлые годы, председательствовал непосредственно сам ректор профессор Чедомиль Митрович. В своем приветственном слове он подчеркнул, что нет такой области искусства или

науки, в которой не проявились бы чем-либо русские творческие силы, и что все славяне должны гордиться тем, что русские внесли так много в общую сокровищницу мировой культуры. Во вступительном слове профессор Ф. В. Тарановский очень ясно определил цель Дней русской культуры «...дать публичное доказательство нашей верности культуре предков...» [3, л. 39].

Драматический вечер прошел с блестящим успехом. Обширный зал офицерского собрания не мог вместить всех желающих. В литературном отделении члены Союза русских писателей и журналистов В. Н. Челищев и В. А. Эккерсдорф с большим мастерством прочли рассказ о Н. С. Лескове и стихотворения Ф. И. Тютчева. В концертном отделении выступили известные артисты Белградской Государственной Оперы: Е. З. Виттинг, бывший артист Мариинского театра, А. Г. Либертс-Ребане и П. Ф. Холодков, а также певица С. Н. Давидова и пианистка Бранкович-Сухотина. После концерта в исполнении артистов театра «Комедия» была поставлена пьеса А. С. Пушкина «Скупой рыцарь», режиссер постановки И. М. Осипович-Шувалов.

На следующий день по инициативе Русского музыкального общества, Общества русских художников и Союза поэтов состоялся второй литературно-музыкальный вечер, посвященный празднованию Дня русской культуры [3, л. 39].

Проблема преемственности, передачи культурного опыта наиболее остро стояла в эмигрантской среде. При этом большинство русских очень остро осознавало, что будущее русской культуры за границей зависит от молодежи: «Вопрос о России еще гораздо более очевидно связан с осознанием принадлежности к великому сверхличному целому, чем вопрос о труде и заработке» [3, л. 39 об.]. Перед молодым поколением стояла очень сложная задача, для решения которой нужно было выработать свой путь развития, цель которого – сохранение своей культурной идентичности. Вместе с тем этот путь постоянно сопровождался различными крайностями: растворение в чужой инокультурной среде либо ожесточенная борьба с ней за соблюдения своих прав как национального меньшинства. Объединение русской молодежи, как показал опыт, возможно, было исключительно в границах одного государства, проект же объединения всех молодых русских зарубежом оказался утопией. В этой связи старшее поколение настоятельно рекомендовало объединяться, прежде всего духовно, независимо от политики «Русская молодежь, выброшенная за пределы России, оторванная от русской земли, духовно может чувствовать себя внутри России и неотъемлемой частью русского народа» [3, л. 39 об.]. При этом старшее поколение очень мудро рекомендовало младшему не относиться отрицательно и непримиримо к Советской России и всему оставшемуся там населению, несмотря на весь страшный опыт вынужденной эмиграции своей семьи, близких, друзей [3, л. 39 об.].

Для многих русских День русской культуры являлся своеобразной попыткой очень необходимого для всех эмигрантов национального самоулубления. В ситуации, когда возвращение на родину невозможно, равно как и политическое объединение, удовлетворение внутренней потребности к культурно-национальному объединению просто необходимо.

День русской культуры, который еще называли русский день, руководство общественных организаций стремилось организовать так, чтобы его ежегодное проведение стало для русской эмиграции духовной и нравственной потребностью: «как своего рода пасхальные дни в сфере национального сознания, в сознании себя русскими» [3, л. 41].

Примечательно, что Дни русской культуры привлекали внимание представителей той культуры, в которой проживала русская эмиграция. В газетах и журналах появлялись статьи, посвященные русской музыке, литературе, науке, пластическому искусству, науке, иконописи. Так, в Праге ежегодно в торжественной обстановке устраивались собрания, на которых помимо собственно русской общественности присутствовало

много представителей различных чешских общественно-культурных организаций. Подобные тенденции можно было наблюдать в Белграде, Париже, Берлине.

В целом Дни русской культуры вызвали живой интерес среди различных слоев тех обществ, где проживала русская эмиграция: от простых обывателей до представителей политической и научной элиты. Таким образом, шло распространение традиций, ценностей, лучших образцов русской культуры в социумах, где проживала русская эмиграция [3, л. 41].

Русская эмиграция не только политическую, но и социокультурную ситуацию в Советской России воспринимала как стихийное бедствие, во многом небезосновательно: «ежедневно, ежечасно происходит истребление того, что было создано гением русского народа, что отражает преемственность русской культуры... Книга старой культуры стала врагом неистового коммунизма. Художественные произведения, картины произведения искусства распродаются по аукционам городов Европы и расхищаются современными варварами. Старинные иконы сжигаются. Разрушают старые храмы – памятники родной старины... [3, л. 41]. Поэтому русская эмиграция фактически стремилась взять на себя роль хранителя русской культуры [3, л. 41].

В эмигрантской периодике много статей было посвящено народам, потерявшим свою государственность, но сумевшим сохранить свою культуру и самосознание, особенно чехам и полякам. Так, польская эмиграция после разделов Речи Посполитой «...бережно сохранила свою культуру и вещественно сберегла ее, создав интересный музей, который с великим торжеством был перевезен в Варшаву» [3, л. 41]. Естественно, что такие примеры, содержащие комплименты в адрес поляков в той сложной ситуации недоверчивости по отношению к русским фактически можно рассматривать как своеобразное проявление и подтверждение лояльности.

Очень интересны рассуждения на страницах эмигрантской печати о роли праздника в сохранении собственной культуры. В частности, А. А. Кизеветтер писал о том, что согласен с тем, что нельзя устраивать праздник во время национальных бедствий. Однако праздник в виде Дня русской культуры в среде эмиграции, это прежде всего торжественный подъем духа, возвышающий над повседневностью: «...для того, чтобы встрепенуться, поверить в себя, уловить общую перспективу своего существования» [3, л. 42]. Этот день скорее для размышлений, серьезной сосредоточенности.

Таким образом, ежегодное проведение Дней русской культуры было исключительно важным событием для русских, проживавших в разных странах. При этом акцент делался на культурной преемственности поколений, так как русские стремились сохранить себя как общность. В этой связи необходимо было, чтобы подрастающие поколения, которые, возможно, родились в эмиграции, ощущали себя русскими. Подробные описания всех мероприятий, посвященных Дням русской культуры, позволяли ощутить культурное единство всех русских, вне зависимости от различных обстоятельств, в том числе и политических ориентаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Фонд 114. – Оп. 1. – Д. 5. Кассовая книга Русского благотворительного общества с 1924 по 1928 г.
2. ГАБО. – Фонд 114. – Оп. 1. – Д. 11. Устав Русского благотворительного общества; отчеты о деятельности правления Брестского отдела РБО за 1930–31 гг.; указы последнего секциям и учреждениям Брестского отдела; переписка с организациями, учреждениями о благотворительности; правовой и иной помощи.
3. ГАБО. – Фонд 114. – Оп. 1. – Д. 17. Отчеты об организации дней «Русской культуры» в июне 1930 г. в Бресте.

СТАНОВЛЕНИЕ ДАЧНОГО ДВИЖЕНИЯ В БССР В 1950-Е ГОДЫ КАК НОВОГО СЛАВЯНСКОГО ФЕНОМЕНА

И. И. Лубинский

Белорусский государственный медицинский университет, г. Минск

Сегодня жители многих регионов постсоветского пространства, несмотря на разнообразие изменений, связанных с использованием независимости своих стран, продолжают культивировать некоторые глубоко укоренившиеся в менталитете традиции социалистического прошлого. Одним из таких явлений, особенно характерных для славянских стран бывшего СССР, является дачное дело. Наряду с такими опциями жизни, как дом, машина, именно дача выглядит не совсем современно. Однако зачастую как раз знаменитые «6 соток» позволяют наиболее творчески развернуться славянской душе. Возникает закономерный вопрос: почему дача осталась одним из самых популярных артефактов советского прошлого и продолжает свой путь в будущее, интегрируя славян на бытовом уровне значительно эффективнее государственных механизмов?

Дачная тематика остается малоисследованной в нашей стране. Есть интерес среди российских историков, экономистов, но часто он ограничивается региональной тематикой. А материалы в открытом доступе имеют чаще публицистический характер, не лишены стереотипов. Поэтому исследование дачного движения еще ждет своего развития.

Хотя корни понятия «дача» следует искать в далеких петровских реформах России, в развитии городской цивилизации XIX в., именно советская власть сделала дачное дело поистине народным. Большой «вклад» в это внесла Великая Отечественная война, когда голод и разруха подталкивали сталинский режим начать раздавать землю горожанам, одновременно после войны восстанавливая коллективизацию, которая лишала крестьян своих угодий. Выглядело это в целом справедливо, так как небольшой участок земли можно было получить только тем, кто не имел приусадебных участков [6]. Если рассматривать БССР, можно увидеть послевоенное восстановление и превращение облика крупных белорусских городов в многоквартирные микрорайоны наряду с сохранением и до сих пор усадебной застройки. Таким образом, земельные участки получали только «новые» горожане, часто занятые на промышленном производстве, служащие, государственные и партийные чиновники. Именно в 1950-е гг. начался дачный бум, который и сегодня не находится в стороне от нашего общественного развития.

Среди причин возникновения дачных садоводческих товариществ в БССР важно выделить общесоюзный фактор, который имеет славянский подтекст. Развитие самого понятия «дача» говорит о славянской любви к земле. Недаром дачное дело, которое начиналось с усадебного землевладения помещиков, с развитием городской цивилизации в Российской империи пришлось по вкусу зажиточным мещанам. Так дача постепенно становилась народным понятием. И хотя советская власть не жаловала индивидуального землевладения, именно загородные дачи как до Великой Отечественной войны, так и после стали популярным поощрением советской властью заслуженных людей. Н. С. Хрущев установил запрет на раздачу индивидуальных дач [8], что оставило только коллективные дачные сообщества дачно-строительные кооперативы (ДСК) и садоводческие товарищества. В 1950-х гг. именно садоводство завладело народным вниманием, а ДСК распространялись позже. Таким образом, дача из индивидуального дарования стала народным достоянием и в некотором смысле возродила традиции общинного землевладения.

В трудные для народа годы, часто связанные с разрухой от войны и внутривойсковыми конфликтами, только земля могла прокормить. Так происходило в Беларуси во времена Речи Посполитой, когда крестьяне и мещане получали слободы – возможность восстановить свое хозяйство через безналоговое пользование земельным участ-

ком. Так поступили и советские власти после войны. Первой формой, не получившей, однако, дальнейшего развития, стало коллективное огородничество. После ударного десятилетия восстановления разрушенного хозяйства и отказа от сталинского тоталитарного контроля власти пошли на серьезные уступки в раздаче земель. Для коллективного садоводства наряду с неудобьями, неиспользуемыми угодьями, в ход пошла совхозная и колхозная пашня. Архивные материалы, в частности, по Минской области, показывают ускорение раздачи именно колхозной земли. Например, решением исполкома Минского райсовета депутатов трудящихся от 29.10.1958 г. № 403 для рабочих Минского тракторного завода удалось получить целых 53 га под садоводческое товарищество [1]. Таким способом горожане завладели только недавно коллективизированной землей и на сельхозугодьях создали такие своеобразные «городские деревни» – дачные поселки.

Коллективное садоводство предполагало возможность работать коллективно, но это не прижилось, так как бывшие крестьяне, а сейчас горожане, видели в отдельных участках коллективного сада возрождение частного землевладения. Во времена советской власти такое было невозможно, всевозможные ограничения влияли на чувства пользователей участков, но с наступлением капиталистического ренессанса 1990-х гг. дачные участки фактически стали частной собственностью их владельцев.

Но в 1950-х гг. еще и речи не было о возможности пользоваться землей по своему усмотрению. С каждым новым постановлением советские власти пробовали придать коллективному саду черты социалистического института. Выглядело это иногда довольно парадоксально. Наряду с запуском первого искусственного спутника земли выходит постановление о более широком производстве лопат, мотыг и других приспособлений, оставшихся нам из каменного века, для нужд коллективного садоводства [5]. Предлагалось выкорчевывать вручную и разрабатывать свой участок каждой семье наряду с развитием тракторного производства. Эти и другие действия советских властей дискредитировали социалистический строй и лишней раз подтверждали несоответствие социализму советской политики.

Также дача стала служить распространенным способом отдыха для трудящихся. Так задумывали советские власти, стремясь снять социальное напряжение в городе и не имея должных условий для массового отдыха. Конечно, отдых был связан зачастую с тяжелым физическим трудом, но таким образом дачная страда отразила славянское трудолюбие. На это намекали и постановления о развитии дачного дела в СССР, когда призывали таким образом воспитывать подрастающее поколение [7].

Дача, хоть и в товариществе, повышала престиж ее владельца, именно наличие дачного участка свидетельствовало о тесной связи с городом недавних крестьянских детей. Советская власть для более стабильной работы предприятий именно через раздачу дачных участков и их закреплении за пользователями с условием работы на предприятии или в организации в течение пяти лет [2] сдерживало текучку кадров. А это условие, в свою очередь, как привязывало горожанина к работе, так и придавало уверенности в завтрашнем дне.

Еще в 1950-х гг. сам термин «садоводство», да еще и коллективное, предполагал именно сад. Есть в этом толика мечты градостроителей конца XIX – начала XX в. о городе-саде, который создал бы атмосферу уюта и экологическую обстановку в урбанизированном пространстве. На Западе многие кварталы XX в., как и современное расширение городов в пригородную зону, представляют собой такой своеобразный город-сад. На советской земле победила концепция промышленного города и так называемых спальных районов с многоквартирной застройкой [4]. Но как раз через дачные товарищества удалось создать такие сады для горожан хотя бы на теплый сезон. Уже в 1950-х гг. разрешалось иметь строения на территории дачного участка, в постановлении Совета

Министров БССР от 13.07.1957 г. № 431 как раз упоминаются дачные домики [3]. И первые нарушения законодательства касались размеров этих жилищ летнего типа. Такое положение вещей создавало условия для полугодичного проживания на дачах некоторых владельцев. В более поздний период, с выходом на пенсию первых получателей дач, данный тип пользования участком приобрел широкое распространение и вызывал увеличение appetites дачников. Желание пожить в саду, практически на природе, закономерно возникало после тесноты советского города. В этом проявлялась наша славянская любовь не просто к природе, но к ее возделыванию и слиянию с ней. А свое основное призвание – снабжать семью свежими фруктами и овощами, а также закатками на зиму – дача выполняет до сих пор.

Слово «дача» очень часто не переводится на другие языки, так как имеет резко выраженную форму именно на наших землях. Во многих странах мира похожие способы загородного отдыха также приобрели популярность. Однако именно советская, славянская дача стала символом-феноменом промышленной цивилизации и остается популярной и востребованной сегодня и наверняка в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Минской области. – Фонд 1343. – Оп. 3. – Д. 1158. – Л. 326.
2. Государственный архив Минской области. – Фонд 2. – Оп. 2. – Д. 1283. – Л. 194.
3. Государственный архив Минской области. – Фонд 2. – Оп. 2. – Д. 1407. – Л. 107.
4. Меерович, М. Г. Рождение и смерть советского города-сада / М. Г. Меерович // Вестн. Евразии. – Режим доступа: <https://archi.ru/lib/publication.html?id=1850569462-&fl=5&sl=1>. – Дата доступа: 29.03.2019.
5. О коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих : постановление Совета Министров СССР, 24 февр. 1949 г., № 807 // Б-ка норматив.-правовых актов Союза Совет. Социалист. Респ. – Режим доступа: http://libussr.ru/doc_ussr/usr_4736.htm. – Дата доступа: 09.03.2019.
6. О коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих : постановление Совета Министров СССР, 24 февр. 1949 г., № 807 // Б-ка норматив.-правовых актов Союза Совет. Социалист. Респ. – Режим доступа: http://libussr.ru/doc_ussr/usr_4736.htm – Дата доступа: 09.03.2019.
7. О личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих, служащих и других граждан и коллективном садоводстве и огородничестве : постановление Совета Министров СССР, 14 сент. 1977 г., № 843 // Б-ка норматив.-правовых актов Союза Совет. Социалист. Респ. – Режим доступа: http://libussr.ru/doc_ussr/usr_9425.htm. – Дата доступа: 09.03.2019.
8. Об индивидуальном строительстве дач : постановление Совета Министров СССР, 30 дек. 1960 г., № 1346 // Б-ка норматив.-правовых актов Союза Совет. Социалист. Респ. – Режим доступа: http://libussr.ru/doc_ussr/usr_5639.htm. – Дата доступа: 09.03.2019.

ФОРМЫ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ БССР В 1944–1950-Е ГОДЫ

С. А. Юрис

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Беларусь

Модернизация как процесс перехода от традиционного к индустриальному обществу характеризуется (среди прочего) формированием новых поведенческих стереотипов и ценностных ориентиров как индивидуума, так и общества в целом. В частности, значительно возрастает значение уровня образования, а получение качественных знаний превращается в необходимое условие достижения жизненного успеха, реализации личных способностей, а в целом – успешного развития общества и государства.

Отношение к образованию как ценности для общества, государства и личности формируется в белорусском обществе постепенно. Значительный прорыв состоялся в советский период истории, в том числе и в тех сферах деятельности (в том числе – кооперативной), которые ранее вполне обходились работниками, не обремененными знаниями.

С особой остротой вопрос о подготовке квалифицированных кадров встал после Великой Отечественной войны, когда белорусский народ приступил к восстановлению

и дальнейшему развитию народного хозяйства. На 1 января 1958 г. в потребительской кооперации БССР работало 57 тыс. 554 человека. Из них высшее образование имел только 351 специалист (0,6 %), среднее специальное – 1382 человека (2,4 %), причем значительное количество лиц с высшим образованием (61) было сосредоточено в аппарате управления Белкоопсоюза. Из семи председателей облпотребсоюзов высшее образование было у двоих, еще у двоих – среднее специальное. Из 161 председателя райпотребсоюзов пять человек имели высшее образование и 35 – среднее специальное. Из 162 главных бухгалтеров соответственно – 9 и 39 [1, л. 6–13].

В 1958 г. подготовку кадров специалистов со средним специальным образованием осуществляли учебные заведения потребительской кооперации: кооперативные техникумы в Минске и Гомеле. Бухгалтеров, плановиков, заготовителей и товароведов менее высокой квалификации готовили одногодичные торгово-кооперативные школы. Как правило, в республике одновременно работали три-четыре такие школы. Если в первые послевоенные годы торгово-кооперативные школы имелись в основном в западных областях республики (три из четырех), что было вызвано острой нехваткой кадров в них, то к середине 1950-х гг. положение с кадрами между регионами выровнялось, и школы были размещены более рационально. Эти школы находились в ведении того облпотребсоюза, на территории которого они размещались. В 1954 г. открылась Барановичская двухгодичная школа, носившая статус республиканской. Она служила для повышения квалификации руководящих кадров кооперативных обществ всей республики. Контингент учащихся торгово-кооперативных школ непрерывно возрастал. Если за 1946–1950 гг. их окончило 2818 человек, то за 1950–1951 гг. – 3187 человек [2, л. 215–217].

Имеющееся количество учебных заведений не могло удовлетворить потребность потребкооперации в специалистах. Гомельский кооперативный техникум в 1958 г. выпустил 178 товароведов и 88 бухгалтеров [1, л. 19]. Кооперативный техникум в Минске был открыт в 1957 г. с количеством учащихся 270 человек на стационаре и 500 человек на заочном отделении. В конце 1950-х гг. началось преобразование торгово-кооперативных школ в техникумы. В 1959 г. в системе Белкоопсоюза насчитывалось шесть техникумов.

Совершенствование сети учебных заведений Белкоопсоюза и укрепление их материально-технической базы, повышение квалификации педагогических кадров создали условия для подобных качественных изменений в системе подготовки специалистов. Сеть учебных заведений значительно стабилизировалась. Произошла специализация техникумов по отдельным областям деятельности. Минский техникум готовил планово-финансовых работников, Молодечненский – технологов, Полоцкий и Гродненский – товароведов, Барановичский – технологов для общественного питания, хлебопекарного и кондитерского производства. С 1958 по 1961 г. только дневные отделения техникумов выпустили 1688 молодых специалистов [3, л. 318]. Улучшилось материальное положение преподавательского состава и студенчества. В это время была создана прочная база для пополнения потребительской кооперации кадрами специалистов со средней специальной подготовкой.

В послевоенный период Белкоопсоюз применял различные формы подготовки специалистов. В 1944–1946 гг. это были четырехмесячные курсы ускоренной подготовки специалистов для основных отраслей деятельности потребительской кооперации, созданные при всех облпотребсоюзах. За два года через курсы было подготовлено 1457 председателей, бухгалтеров, заготовителей с начальным уровнем профессионального образования. Создание таких курсов было вынужденной мерой, которой воспользовалось правление Белкоопсоюза для обеспечения кооперативных обществ самым необходимым количеством работников. За небольшим исключением их слушатели впервые начинали изучение своей специальности. В 1946 г. курсы были закрыты из-за

отсутствия квалифицированных преподавателей, учебных пособий, аудиторий, общежитий для слушателей [4, л. 374].

Курсовая система подготовки не исчерпала своего потенциала и Белкоопсоюз в 1945 г. открыл в Минске учебно-курсовой комбинат для повышения квалификации специалистов и практических работников потребительских предприятий. Курсовая переподготовка для рабочих специальностей была организована также при торгово-кооперативных школах, а облпотребсоюзы при необходимости могли создавать курсы по переподготовке отдельных категорий работников [5, л. 14].

Главенствующая роль в системе курсовой подготовки принадлежала учебно-курсовому комбинату. В 1949 г. здесь повысили квалификацию более 72 % всех председателей и завторгов, инструкторов-ревизоров, главных и старших бухгалтеров райпотребсоюзов, бухгалтеров сельпо, завмагов специализированной сети, охваченных подобными мероприятиями [6, л. 228]. Однако следует отметить, что в деятельности комбината было много недостатков. Не имелось не только учебно-лабораторной базы, но и собственных помещений. В 1951 г. учкомбинат был размещен в двухэтажном здании, но и здесь имелось всего шесть учебных аудиторий, каждая из которых была рассчитана всего на 15 человек. Занятия шли в три смены, свое общежитие комбинат не имел и слушатели размещались по квартирам. Зачастую, особенно в первые годы, выпуски производились по сокращенным программам, большая неразбериха царила в номенклатуре специалистов, а также учебных планах, программах и методах обучения. Принципы комплектования слушателей были слишком расплывчаты. Допускалось обучение в нем всех работников – от практиков до специалистов. Обеспечить учебу такого разнородного контингента слушателей путем индивидуальных планов комбинат не имел возможности из-за нехватки помещений, оборудования и преподавателей. Отмеченные недостатки в работе комбината стали особенно заметными на фоне укрепившейся системы заочного обучения в кооперативных техникумах. Это привело к ликвидации в 1957 г. учкомбината Белкоопсоюза [7, л. 24].

Важную роль в пополнении рядов работников массовых профессий – мастеров хлебопечения, продавцов сыграли предприятия-школы (школы-пекарни, школы-магазины, школы-столовые). Они организовывались в системе Белкоопсоюза с середины 1950-х гг. Этими видами обучения в 1950 г. было подготовлено 350 человек. Учитывая положительный опыт подготовки, правление Белкоопсоюза приняло решение об организации с 1958 гг. школ-пекарен, школ-магазинов, школ-столовых при каждом облпотребсоюзе. Это позволило в дальнейшем ежегодно готовить в них более 500 работников.

Весьма распространенным видом повышения квалификации специалистов и рабочих массовых профессий были семинары. Обычно они проводились для изучения новых вопросов в деятельности потребительских обществ, например, для изучения изменения условий, участия потребительской кооперации в заготовках и закупках, изменения взаимоотношений баз и поставщиков и т. д. Краткосрочными семинарами за 1945–1958 гг. Было охвачено 88297 человек [2, л. 213, 226].

Одной из наиболее распространенных форм повышения производственно-технических знаний работниками в послевоенные годы было владение техническим минимумом. Обучение техминимуму на предприятиях потребкооперации возникло еще в годы первой пятилетки, его появление и развитие были вызваны потребностями растущей деятельности кооперативных обществ. В послевоенный период, в связи с массовым пополнением рядов кооператоров новыми кадрами, обучение рабочих по программе техминимума получило широкое распространение, особенно среди продавцов и рабочих хлебопекарского производства. Около 10 % всех торговых работников ежегодно занимались по 64-часовой программе технической учебы и сдавали экзамен технического минимума [2, л. 228]. Занятия проводили выезжавшие на места преподаватели кооперативных школ и техникумов и наиболее опытные специалисты-практики.

Наличие разнообразных форм повышения квалификаций давало возможность охватить ими самые широкие слои работников кооперативных обществ с учетом их общеобразовательной и технической подготовки. К примеру, Полесский облпотребсоюз за 1946–1947 гг. переподготовил через курсы повышения квалификации 72 человека, в семинарах участвовало 352 руководящих работника райпотребсоюзов, техминимум сдали 217 продавцов [8, л. 172].

Таким образом, процесс послевоенного восстановления сети учебных заведений Белкоопсоюза завершился к середине 1950-х гг., сформировалась специализация торгово-экономических техникумов, что позволило обеспечить потребность потребительских обществ в кадрах со средним специальным образованием. Нерешенным в рассматриваемый период оставался вопрос о подготовке в системе Белкоопсоюза кадров с высшим образованием. Правление Белкоопсоюза использовало многообразные формы подготовки кадров, а массовое участие членов потребкооперации в образовательных программах отражает тенденцию повышения роли образования в белорусском обществе, превращения знания в непосредственную производительную силу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 332. – Оп. 6. – Д. 72.
2. НАРБ. – Фонд 332. – Оп. 6. – Д. 73.
3. НАРБ. – Фонд 332. – Оп. 6. – Д. 263.
4. НАРБ. – Фонд 332. – Оп. 5. – Д. 16.
5. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 44. – Д. 209.
6. НАРБ. – Фонд 332. – Оп. 5. – Д. 45.
7. НАРБ. – Фонд 332. – Оп. 5. – Д. 148.
8. НАРБ. – Фонд 332. – Оп. 5. – Д. 169.

РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ТРАНСФОРМАЦИИ МЕНТАЛИТЕТА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

А. А. Злотников

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Беларусь

А. Г. Злотников

Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, г. Гомель

Последние два года принесли обвал рождаемости. В 2017 г. родившихся оказалось на 15,2 тыс. человек меньше, чем в 2016 г. [1, с. 133]. В 2018 г. падение рождаемости в Республике Беларусь продолжилось, хотя и в меньших масштабах – рождаемость по сравнению с 2017 г. снизилась на 8,5 тыс. человек [2, с. 4]. В относительных показателях уровень рождаемости этих лет характеризуется следующими величинами: 2017 г. – 10,7 ‰ и 2018 г. – 9,9 ‰. Это означает, что в 2017 г. рождаемость в стране снизилась до уровня десятилетней давности – 2007 г., а в 2018 г. коэффициент рождаемости снизился до уровня 1995–2006 гг. Тогда коэффициент рождаемости в Республики Беларусь колебался в пределах менее 10,0 ‰. По сравнению с 2015 г. в 2018 г. родилось на 25 тыс. младенцев меньше.

При анализе социальных процессов важное значение отводится выяснению социальных механизмов действия этих социальных процессов. При анализе тенденций в демографическом развитии такими социальными механизмами предстают факторы, детерминирующие эти явления. В демографических процессах факторы предстают явлениями двоякого рода – и как условия, и как структурные факторы. Первая группа связана с детерминирующими их условиями (географическими, природными, социально-экономическими (экономическими и социальными) и другими факторами естественной

и социальной среды, окружающей человека). Ко второй группе, т. е. структурным факторам относится качественный состав совокупностей населения. Среди них – демографические (возрастные, половые), этнические (национальные), генезисные (состав прошлого населения по времени формирования), профессиональные, образовательные и пр.» [3, с. 154–155].

Изменение численности возрастных когорт демографического потенциала Беларуси, которые характеризуются относительно высоким уровнем рождаемости (женщин в возрасте 20–34 лет), выявляет, что их уменьшение не существенно сказалось на падении рождаемости. Так, численность родившихся в 2017 г. по сравнению с 2016 г. снизилась на 13,1 %, а снижение численности женщин наиболее активного репродуктивного возраста оказалось в 5 раз меньшим – 2,38 %. Численность родившихся в 2018 г. по сравнению с 2017 г. стала ниже на 8,3 %, а численность потенциальных матерей (женщин в возрасте 20–34 лет) оказалась меньшей только на 2,83 %.

Последствия низкой рождаемости конца 1990-х – начала 2000-х гг. в репродуктивной сфере еще не успели проявиться, так как в 2017–2018 гг. возраст тогда родившихся был в пределах 11–20 лет. В среднем рождение женщиной первого ребенка в последние два десятилетия приходится на возраст, превышающий 25 лет. 2018 г. установил «рекорд» рождения белорусской женщиной первого ребенка – 26,7 лет. Данные таблицы свидетельствуют, что в наиболее репродуктивных возрастах с 2017 г. наблюдается существенное снижение рождаемости. Так, значительным падением рождаемости по сравнению с 2016 г. – более чем на 15 промилльных пункта – характеризуется возрастная группа женщин 25–29 лет. Более чем на 10 промилльных пункта зафиксировано падение рождаемости в возрастной группе 20–24 лет и почти на 8 промилльных пункта в возрастной группе 30–34 лет. То есть изменения в репродуктивных процессах связаны не с уменьшением численности самих возрастных когорт потенциала рождаемости, а с уменьшением рождаемости в этих возрастных когортах. И здесь следует искать причины такого изменения.

Возрастные коэффициенты рождаемости (численность родившихся в среднем за год на 1000 женщин в возрасте) и суммарный коэффициент рождаемости (СКР) в Республики Беларусь за 2010–2018 гг.*)

Возраст	Годы								
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
15–19	20,7	20,9	22,4	22,1	20,5	18,1	16,1	13,4	11,6
20–24	89,8	88,9	93,7	91,7	91,8	89,4	88,0	78,2	72,1
25–29	101,6	103,4	110,8	112,7	113,8	115,4	116,1	100,7	90,5
30–34	62,1	64,8	69,0	75,0	78,0	82,5	84,4	76,3	71,4
35–39	23,2	23,8	27,0	30,1	32,8	35,7	37,7	34,9	34,8
40–44	3,7	4,0	4,4	5,0	5,6	6,1	6,5	6,8	6,7
45–49	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
15–49	44,0	45,1	48,7	50,4	51,3	52,1	52,1	45,9	44,3
СКР	1,494	151,5	162,0	166,8	169,6	172,4	173,3	154,1	145,1

* На основе данных статистических сборников «Демографический ежегодник Республики Беларусь» за 2011–2018 гг.

Наблюдаемое «постарение» рождаемости, характеризующееся уменьшением вклада в рождаемость молодых возрастных групп, – это объективная тенденция современных мировых демографических процессов. Данные о постоянной тенденции уменьшения численности родившихся у белорусских женщин возрастной группы 15–19 лет подтверждают это. В текущем десятилетии их вклад уменьшился почти в 2 раза. Становится объективной тенденцией и уменьшение вклада в общую рождаемость возрастной группы 20–24 лет, что подтверждается постоянной тенденцией роста возраста матерей рождения ими первого ребенка (в настоящее время это возраст 26,7 лет). Но при этом обращает на себя внимание тот факт, что показатель рождаемости этой возрастной группы с 2010 по 2016 г. находился в пределах 90–88 %. Уменьшение его в 2017 г. более чем на 10 процентных пункта, а в 2018 г. еще на 6 процентных пункта подтверждает изменение демографического поведения этой возрастной группы. При этом очевидно то обстоятельство, что этот итог не связан с уменьшением численности этой возрастной когорты демографического потенциала.

Для возрастной группы 25–34 лет в период с 2010 по 2016 г. была характерна тенденция роста коэффициентов рождаемости: для 25–29 лет – с 101,6 до 116,1 (рост 14,5 пункта) и для 30–34 лет – с 62,1 до 84,4 (рост более 22 пунктов). Но 2017 г. и для них стал переломным: для когорты 25–29 лет падение за один год составило более 15 пунктов, а в 2018 г. – еще на 10 пунктов; для когорты 30–34 лет – снижение возрастных коэффициентов рождаемости составило соответственно более 8-ми и 5-ти пунктов. Все это свидетельствует о разнообразном репродуктивном поведении матерей различных возрастных групп, а не влиянии структурных изменений численности этих групп демографического потенциала рождаемости.

На наш взгляд, новый виток депопуляции вызван факторами социального и экономического характера, порожденными реформой государственных бюджетов, названных «финансовой диетой». Эта реформа внесла сбой и нарушила сложившуюся демографическую политику в социальной сфере. Негативным фактором стало влияние изменений в пенсионном законодательстве. С 1 января 2016 г. в пенсионное законодательство Республики Беларусь «в целях адаптации социального обеспечения к изменяющимся социально-экономическим условиям» были внесены существенные изменения: в основе назначения трудовой пенсии стал учитываться не трудовой стаж, как прежде, а страховой стаж: «при наличии стажа работы с уплатой обязательных страховых взносов в бюджет государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь». На основании этой методологии при назначении трудовой пенсии был исключен «декретный отпуск», продолжительность которого составляет три года.

Именно это обстоятельство после внесения изменений в пенсионное законодательство негативно сказалось на репродуктивной ситуации в Беларуси. До этого в январе–сентябре 2016 г. наблюдался рост рождаемости, что было итогом зачатий, происшедших еще в 2015 г., т. е. того периода, когда свою стимулирующую роль для репродуктивных процессов сыграла ранее существующая государственная социальная политика. Препятствия пенсионная система, а также вся система социально-экономических отношений были тесно связаны с демографическими процессами. Но спустя некоторое время после изменений в пенсионном законодательстве началось обвальное падение рождаемости. К сожалению, происшедшие за последние три месяца 2016 г. в репродуктивной сфере Беларуси явления или не были по тем или иным причинам замечены, или не были осознаны. Обвальное падение рождаемости на 15,2 тыс. человек принес 2017 г., а 2018 г. вызвал снижение рождаемости в 8,5 тыс. человек. Ситуационный анализ негативных тенденций в репродуктивной сфере Республики Беларусь последних двух лет выявляет, что доминирующими факторами современного состояния демографического

развития стало не столько положение объективной демографической структуры, сколько иные обстоятельства.

Конечно, и изменения возрастной структуры имели место, но они еще не стали доминирующими. Обратим внимание на некоторые аспекты демографических структурных изменений.

Во-первых, в ближайшей, а также и в более отдаленной перспективе, тем более что в современном мире репродуктивная ситуация внесла свой негативный вклад в демографические проблемы, структурные факторы будут играть в демографических процессах ведущую роль. Но этот структурный фактор касается перспективных демографических последствий, о чем изложено ниже.

Во-вторых, наблюдается кажущееся противоречие между некоторыми положениями вышеизложенного демографического анализа. Нами отражено, что в 2017 г. падение рождаемости составило 15,2 тыс. человек, или 13,1 %, а демографический потенциал уменьшился на 2,38 %, в 2018 г. падение рождаемости оказалось меньшим – 8,5 тыс. человек, или 8,3 % при более высоком показателе уменьшения демографического потенциала, составившее 2,83 %. Разбежка в 2017 г. – более чем 5-кратная, а в 2018 г. – только 3-кратная. Но в абсолютных величинах снижение рождаемости оказалось меньшим.

На наш взгляд, с позиций проблемы конференции – менталитета народа – белорусский демографический потенциал воспринял сложившуюся социально-экономическую реальность как объективную реальность, с которой люди смирились. Это отражает одну из важнейших ментальных особенностей белорусской нации, сложившихся в XX столетии – укоренившиеся за годы социализма в социальной психологии чувства иждивенчества, уравнительности, социальной пассивности и патерналистских настроений в отношении роли государства. Особенно это нашло отражение в репродуктивном поведении женщин старше 35 лет. Удельный вес вклада матерей возраста 35–39 лет в рождаемость (отложенная рождаемость) растет, составив в 2016 и 2017 гг. прирост соответственно по 0,8 процентных пункта. Хотя и в меньших размерах, но рост этой возрастной группы в демографическом вкладе происходил и в 2018 г. Также рост вклада в рождаемость как в абсолютных, так и в относительных показателях наблюдался и у матерей в возрасте после 40 лет.

Падение рождаемости в Республике Беларусь в последние годы не связано только с уменьшением численности возрастных когорт потенциала рождаемости. Это различное репродуктивное поведение последних лет обусловлено факторами экономического и социального управленческого механизма – реализацией реформы государственных финансов Беларуси. Одно из направлений связано с учетом репродуктивного поведения, вызванного изменениями в пенсионном законодательстве в целях адаптации социального обеспечения к изменяющимся социально-экономическим условиям. Осуществленная таким образом «адаптация» социального обеспечения прежде всего вызвала падение рождаемости, что обостряет демографические процессы, создавая трудности будущего устойчивого развития экономики. Именно они существенно повлияли на уменьшение рождаемости в основных возрастных когортах женщин, дающих наибольший удельный вес рождаемости.

Современные депопуляционные процессы заставляют задуматься прежде всего о будущем демографическом развитии. Ясно, что современное демографическое состояние минимум через 25–30 лет, аукнется для Беларуси повторением нового витка депопуляции. И современная депопуляция – это еще «цветочки». «Ягодки» следует ждать с 2020–2025 гг. К 2020 г. ожидается сокращение численности репродуктивного потенциала Беларуси почти на 15 %, к 2025 г. – почти на 30 %, а к 2030 г. – почти на 35 %.

Таким образом, сложившаяся ситуация, несмотря на финансовые проблемы, требует осуществить нейтрализацию последствий демографического спада периода 1990–2006 гг., начавшегося спада конца 2016 г. и последующих годов, поставив решение проблем демографического развития Беларуси в центр всей системы социальной и экономической политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демографический ежегодник Республики Беларусь за 2018. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2018. – 431 с.
2. Естественное движение населения по Республике Беларусь за 2018 год. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2019. – 45 с.
3. Рыбаковский, Л. Л. История и теория миграции. Кн. 2: Миграция населения: явление, понятие, детерминанты. – М. : Экон-Информ, 2017. – 234 с.

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ КАМПАНИИ БССР В 1920–1930-Е ГОДЫ И ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКИХ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ

С. А. Елизаров

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Беларусь

Конституционным принципом формирования местных органов власти и управления советская власть провозгласила принцип их выборности снизу доверху как подтверждение «подлинно демократического» (т. е. советского) характера нового общественного строя.

До 1937 г. непосредственно население в БССР участвовало лишь в выборах сельских, местечковых и городских Советов, в результате которых определялись не только их персональный состав, но и делегаты на волостные (районные) съезды Советов. В свою очередь волостные (районные) съезды избирали волостные (районные) органы власти и делегатов на уездный съезд, уездный (окружной) – соответственно уездные (окружные) исполкомы и делегатов на Всебелорусский съезд Советов. В связи с такой системой единственной реальной возможностью для большинства населения республики – крестьян – влиять на формирование всей вертикали государственной власти и управления были выборы в сельсоветы.

Советское законодательство 1920-х первой половины 1930 гг. предусматривало непропорциональную систему, обеспечивающую в крестьянской стране преобладание городского представительства в выборных органах, которое усиливалось по мере возрастания административного статуса этих органов.

Выборы не носили всеобщего характера. По Конституции БССР 1927 г., избирательным инструкциям правом избирать и быть избранным в Советы могли пользоваться, независимо от веры и национальности, граждане БССР обоего пола, достигшие 18 лет. Однако часть населения была лишена избирательных прав («лишенцы») по классовым и социальным признакам. В Конституции БССР 1927 г. не имели права избирать и быть избранными (кроме душевнобольных и осужденных) лица, пользующиеся наемным трудом для получения прибыли; лица, живущие на нетрудовой доход (проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.); частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; монахи и духовные служители религиозных культов всех вер; бывших служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, члены царствовавшего в России дома. В 1920-е гг. «лишенцы» в БССР составили от 1,45 до 2,16 % лиц старше 18 лет.

Для выборов 1920-х гг. общим являлось постоянное нагнетание партийными органами обстановки «обострения классовой борьбы» как охранительной реакции на потенциальные угрозы политической власти большевиков, исходящие от нэповской экономической либерализации.

По характеру и методам проведения избирательных кампаний в БССР, отношению к ним населения (прежде всего различных групп крестьянства), социальному составу местных Советов в 1920-е гг. можно выделить три основных периода. Первый период – 1921–1924 гг. Интерес крестьян к перевыборам в сельсоветы (как и к выборам вообще) был низким. Военно-коммунистические методы проведения избирательных кампаний, отсутствие реальных полномочий и материально-финансовых средств у сельсоветов приводили к массовому абсентеизму крестьян. В таких условиях для достижения необходимого власти результата больших усилий партийных и советских органов не требовалось – чаще всего было достаточно простое использование административных ресурсов.

Второй период – 1925–1926 гг. Под давлением Москвы белорусское партийно-советское руководство пошло на пересмотр и результатов выборов 1924 г., и методов их проведения. Прежняя, привычная для партийных и советских структур ориентация на беднейшие слои населения при формировании низовых органов власти сменяется политикой их «осереднячивания». Эта линия была закреплена на перевыборах 1926 г., официально властью признанных первыми после завершения гражданской войны «широкими и демократическими».

В середине 1920-х гг. выборы реально превратились в место политической борьбы за массы крестьянства между властью и зажиточной частью деревни. За редким исключением это действительно была политическая борьба за середняка с использованием обеими сторонами сходных средств и методов агитации, в которой власть изначально располагала несравненно более мощными возможностями, средствами и ресурсами. И результаты выборов показывали, что эту борьбу выиграла власть – середняк поверил в нее, пошел в сельские Советы, занял в них в 1925 и 1926 гг. руководящее положение, оттеснив бедноту.

Третий период – 1927–1931 гг. – связан с реанимацией курса на превращение сельсоветов в «органы диктатуры пролетариата в деревне». Начинается свертывание новой экономической политики, на первый план выходят задачи непосредственного строительства социализма. Центральным направлением деятельности всех партийных и советских органов в перевыборной кампании вновь становится работа с деревенской беднотой и колхозным крестьянством, а также обеспечение за ними решающих позиций в сельсоветах. В проведении выборов расширяется использование административных ресурсов. Сельсоветы так и не стали опасным для партийно-советской власти легальным органом, способным быть выразителем традиционного крестьянского консерватизма и сопротивления инициированных властью радикальным преобразованиям в деревне. Они окончательно превратились в аппарат, представляющий интересы беднейшей части крестьянства и легитимизировавший все мероприятия партийно-советского руководства на местах.

Четвертый период – выборы 1934–1939 гг. Результаты массовой коллективизации, устранение возможных оппонентов власти среди крестьянства в результате политики «ликвидации кулачества как класса», отработанная многими годами система достижения необходимого результата на предыдущих перевыборах уже не вызывали у партийно-советских властей сомнений и тревоги по поводу их итогов. Выборы утратили свое основное значение как арены борьбы за власть, способ смены правящих элит и представительства разнообразных интересов населения. Их необходимо было наполнить понятным для власти и населения содержанием, придать им определенный смысл и целеполагание. В результате выборы с 1934 г. превратились в «смотр побед социалистического строительства», в одну из обычных «политико-хозяйственных кампаний», в «орудие организации миллионных масс рабочих, колхозников и советской интеллигенции на дальнейшую борьбу за построение социализма и укрепление советов – органов пролетарской диктатуры».

Таким образом, официальная идеология перевыборных кампаний в первой половине 1930-х гг. была скорректирована в соответствии с новыми властными политико-экономическими приоритетами. Мобилизационный потенциал лозунга «обострения классовой борьбы» утрачивал свое первостепенное значение. Требовалась иная идея, понятная большинству людей и способная максимально использовать человеческий потенциал в новых условиях. Эта идея выросла и окрепла в годы первой и второй пятилеток – трудовой энтузиазм приобретал широкие масштабы и быстро превращался в одно из решающих средств социалистического строительства.

Соответственно с этими новыми реалиями и властными приоритетами требовалось перестроить и работу по организации и проведению перевыборных кампаний в Советы. Ориентация на выборы как форму проявления «ожесточенной классовой борьбы» сменилась стремлением использовать их в качестве одного из главных средств мобилизации населения в реконструктивный период. Перевыборы 1934 г. стали первым успешным опытом их широкого применения в качестве средства решения технико-экономических задач. Конечно, это вовсе не означало отказ от продолжения классовой борьбы, скорректированной целью которой стала «окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще». Однако классовый мотив уже не доминировал в выборной агитационно-пропагандистской работе, а выступал в качестве лишь дополнительного инструмента. Все последующие выборы только усиливали в них эту производственно-хозяйственную доминанту.

Выборы 1937 г. в Верховный Совет СССР, 1938 г. – в Верховный Совет БССР, 1939 г. – в местные Советы депутатов трудящихся проходили по нормам Конституции СССР 1936 г. и Конституции БССР 1937 г., в которых декларировались всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании. Эти выборы завершили процесс легитимизации новой советской системы органов власти и управления. Они способствовали активизации диалога власти и населения в условиях минимизации взаимного использования насилия как государством (политические репрессии), так и населением (прямые насильственные действия против представителей власти и активистов).

Новые нормы избирательного права (всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании) требовали от партийных и советских органов корректировки своей прежней практики применения уже испытанных рычагов (лишение избирательных прав, прямой непосредственный контроль за процедурой открытого голосования, голосование списками). Фактически сохранился метод выдвижения кандидатов: прежний – совместные кандидаты от партийных организаций и собраний бедноты – трансформировался в выдвижение единых кандидатов «от блока коммунистов и беспартийных». Однако от партийных органов требовалось не только обеспечить состав Советов людьми, политически благонадежными, способными сознательно и беспрекословно выполнять решения партийных инстанций. Провластные кандидаты в большинстве своем должны были реально пользоваться доверием населения по своим профессиональным, политическим, моральным качествам и служить образцом подражания для других. Это доверие создавало гораздо более устойчивый фундамент легитимности существующей власти, чем страх и террор. Депутаты, получившие реальную поддержку избирателей, создавали позитивный имидж всей советской политической системе.

В целом в 1920–1930-е гг. избирательные кампании позволяли, во-первых, формировать необходимый властям состав Советов депутатов всех уровней. Во-вторых, формировать номенклатурные органы исполнительной власти Советов, которые располагали реальными ресурсами и рычагами власти. Повторяющиеся регулярные выборы содействовали интериоризации личности советского человека, превращению внешней социальной практики, внешних стандартов и стереотипов поведения, связанных с уча-

стием в выборах, в его устойчивые внутренние поведенческие установки. На первый взгляд ритуальное по своей внешней форме действие (участие в предвыборных собраниях, явка на избирательный участок, опускание избирательных бюллетеней в урну) со временем приобретает вид значимого образца поведения, что, в свою очередь, служило важным элементом стабильности всей социальной системы.

ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО В СТРУКТУРЕ ПРЕСТУПНОСТИ В ГУБЕРНИЯХ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

В. В. Юдин

Могилевский государственный университет продовольствия, Беларусь

Такое явление в жизни общества, как взяточничество имеет давнюю историю, и во времена прошедшие являлось в виде лихоимства и мздоимства. Военный энциклопедический лексикон 1855 г. лихоимство определяет: как «незаконные поборы; вымогательство вещами, деньгами или припасами, вынужденное по делам службы страхом притеснения в деле; взятки с подсудимых по делам военносудным и следственным, для ослабления силы закона» [1, с. 282]. Словарь «Лексические трудности русского языка» толкует слово «лихоимец» не только понятием «взяточник», но и понятием «ростовщик», «тот, кто берет большие поборы или проценты» [2, с. 250]. Этот же Словарь понятию «мздоимец» дает толкование в виде понятия «взяточник» и «стяжатель», а мзда – есть плата, вознаграждение, воздаяние за что-либо [2, с. 270].

Вторая половина XIX – начало XX в. характеризуется масштабными изменениями в экономической, социальной, культурной сферах белорусского общества. Получение большинством населения гражданских прав, легальной возможности для изменения своего социального статуса, защиты интересов привело в движение огромные массы граждан, открыло новые возможности для вертикальной и горизонтальной мобильности, развития частной инициативы.

Особенностью развития пяти губерний Северо-Западного края в пореформенный период стала их включенность в транспортные артерии Российской империи. В 1860–90-е гг. активно велось железнодорожное строительство. Введены в эксплуатацию Петербургско-Варшавская, Рижско-Орловская, Московско-Брестская, Либаво-Роменская железные дороги, все они проходили по территории Северо-Западного края. Транспортные коммуникации открывали значительные возможности для мобильности населения. В то же время сдерживающим фактором была замедленность роста городов (городское население белорусских губерний увеличилось с 11,6 % в 1863 г. до 13,4 % в 1914 г.) [3, с. 59].

Во второй половине XIX – начале XX в. в Российской империи наблюдается повышение рождаемости при значительном снижении смертности (с 39,8 случаев на 1000 человек в 1850 г. до 30,2 – в 1900 г.) и увеличении средней продолжительности жизни (с 27,3 года в 1861 г. до 33,4 – в 1900 г.), что привело к росту численности населения. В 1858 г. в империи проживало 74 млн человек, в 1897 г. – 128 млн, а в 1914 г. – 178 млн [4, с. 103]. В Северо-Западных губерниях проходили такие же процессы, что и в Российской империи. К примеру, с 1889, 1897 и 1914 гг. можно заметить значительный рост населения в Могилевской губернии – с 1 млн. 326 тыс. человек в 1889 г. до 1 млн 557 тыс. жителей в 1895 г. и 2 млн 343 тыс. человек в 1912 г. [5].

Изменения пореформенного периода затронули и общее состояние преступности в империи. В период с 1861 по 1913 г. число уголовных дел, рассмотренных в судах Российской империи, возросло практически в восемь раз, а в расчете на 100 тыс. населения – в 3,3 раза. В абсолютных величинах динамика преступности выглядит следующим образом: если с 1851 по 1860 г. было зарегистрированы 320 тыс. преступлений, то

в период с 1901 по 1910 г. количество зарегистрированных преступлений возросло до 1 млн 891 тыс. [6, с. 18].

В белорусских губерниях в пореформенный период преступность также имела ярко выраженную динамику роста. В расчете на 100 тыс. населения количество возбужденных уголовных дел значительно увеличилось с 1887 по 1902 г. К примеру, в Виленской губернии рост составил с 247 преступлений на 100 тыс. жителей до 290, в Витебской губернии – с 213 до 306, в Гродненской губернии с 240 до 311, в Минской губернии с 221 до 311, в Могилевской губернии – с 176 до 278 [6, с. 19].

Склонность чиновников Могилевской губернии к преступлениям и проступкам по службе государственной и общественной, в частности, к «лихоимству и мздоимству» и попытки принятия превентивных мер губернаторами видны еще в 60–80-е гг. XIX в., когда быстро развивающиеся капиталистические отношения предоставили самые широкие возможности для незаконного обогащения. Как писал могилевский губернатор А. С. Дембовецкий: «Истина требует сказать, что первому условию: устранению коррупционизма в Могилевской губернии, этого американского недуга, – было положено начало еще в 60-х гг. А. П. Беклемишевым. Хотя между незначительными служебными деятелями и случаются иногда уклонения от того или другого из твердо определившихся требований, тем не менее в губернии положительно установилось понятие о служебной доблести, о необходимости служить делу, а не форме, что, не говоря о вопросе нравственном, послужило весьма существенным условием в деле поднятия народного благосостояния» [7, с. 11]. Начало XX в. совпало с мировым экономическим кризисом 1899–1908 гг., затронувшим экономику всех ведущих мировых держав, в том числе и Российской империи, что способствовало распространению коррупционных настроений.

Следует отметить, что интересующие нас «преступления и проступки против службы государственной и общественной», составной частью которых являлись лихоимство и мздоимство, составляли до 2 % всех преступлений в империи из года в год и в некоторые десятилетия имели тенденцию к увеличению [8, с. 904–905].

В то же время необходимо обратить внимание на то, что в первые годы после революции 1917 г. и гражданской войны, когда Витебская и Могилевская губернии находились в составе РСФСР, взяточничество составляло от 1,4 до 3 % преступлений (см. таблицу) [9, с. 145].

Структура контингента осужденных в РСФСР в 1922–1925 гг.
(удельный вес от общего числа осужденных, %)

Виды преступлений	1922	1923	1924	1925
Контрреволюционные	0,8	0,5	0,4	0,3
Взяточничество	1,6	3,0	2,3	1,4
Растраты	1,3	1,1	1,5	3,6
Прочие должностные	5,3	4,9	2,9	2,7
Серьезные преступления против личности	1,8	4,1	4,9	5,8
Более мелкие преступления против личности	8,0	11,0	13,2	20,7
Хулиганство	4,7	6,2	7,9	2,1
Имущественные	35,6	32,2	30,4	31,5
Остальные (главным образом мелкие преступления против порядка управления)	40,9	37	36	31,9

Таким образом, несмотря на многочисленные меры по борьбе со взяточничеством, это явление так и не удалось искоренить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Военный энциклопедический лексикон. – СПб. : Тип. Гл. Штаба Его Император. Величества по воен.-учеб. заведениям, 1855. – Т. VIII. – 739 с.
2. Лексические трудности русского языка : слов.-справ. / А. А. Семенюк [и др.]. – М. : Рус. яз., 1994. – 586 с.
3. Каханоўскі, А. Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.) / А. Г. Каханоўскі. – Мінск : БДУ, 2013. – 335 с.
4. Водарский, Я. Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX вв.) / Я. Е. Водарский. – М. : Просвещение, 1973. – 159 с.
5. Памятные книги Могилевской губернии за 1890, 1897, 1914 годы.
6. Бригадин, Д. П. Динамика и структура преступности в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. / Д. П. Бригадин // Працы гістарычнага факультэта БДУ. – 2016. – № 11. – С. 16–26.
7. Опыт описания Могилевской губернии – Могилев на Днепре. Тип. губерн. правления, 1882. – Кн. 1. – 782 с.
8. Военно-статистический сборник. – СПб. : Печатано в Воен. Тип. (в здании Гл. Штаба), 1871. – Вып. IV. – 923 с.
9. Криминология : учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2005. – 912 с.

О ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ

Е. И. Гридина, С. П. Кацубо

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Беларусь

Республика Беларусь является участником практически всех основных международных договоров по правам человека и, следуя международным нормам, включающим в категорию гражданских прав и свобод право на защиту от произвольного или незаконного вмешательства в личную жизнь и семейную жизнь, тайну корреспонденции, незаконного посягательства на честь и репутацию ставит основополагающим национальным интересом в информационной сфере реализацию конституционных прав граждан на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации, свободу мнений, убеждений и их свободного выражения, а также права на тайну личной жизни.

Последовательно выступая в ООН с различными инициативами, способствующими разрешению насущных международных проблем и реализации своих национальных интересов, Беларусь принимает активное участие в работе Комитета ООН по информации, а также в обсуждении информационных вопросов, рассматриваемых в ходе сессий Генеральной Ассамблеи ООН, которые непосредственно влияют на реализацию личных (гражданских) прав и свобод человека и гражданина.

Персональные (личные) данные физического лица представляют собой часть информации, относящейся к личной (частной) жизни гражданина, неприкосновенность которой является одним из фундаментальных прав человека.

Юридические основы права на защиту частной жизни (в том числе и персональных данных как составляющей личной тайны) были закреплены Всеобщей декларацией прав человека, Римской Конвенцией Совета Европы о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. № 5, закреплены в статье 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г.

В рамках Европейского союза также принято значительное количество нормативных актов, направленных на регламентацию вопросов получения, обработки и обращения с персональными данными и информацией о личной жизни. Первым специальным международным документом, направленным на регламентацию обращения и защиты

персональных данных в мировом сообществе, явилась Конвенция Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных от 28 января 1981 г., которую подписали 48 стран и ратифицировали 46 стран, в том числе и не являющиеся членами Совета Европы. С целью гармонизации законодательства стран Европейского союза в сфере защиты персональных данных был принят ряд директив Европейского парламента и Совета Европейского союза [15].

В рамках Содружества Независимых Государств также предпринимаются меры, направленные на совершенствование национального законодательства государств – участников Содружества в области защиты персональных данных. Так, постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ № 14–19 был утвержден модельный закон «О персональных данных», определяющий порядок обращения персональных данных в соответствии с требованиями международных правовых норм. Российская Федерация подписала и ратифицировала Конвенцию Совета Европы 1981 г. о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, а также 27 июля 2006 г. был принят Федеральный закон Российской Федерации «О персональных данных» № 152-ФЗ и ряд подзаконных нормативных правовых актов [13].

Статья 28 Конституции Республики Беларусь предусматривает, что каждый человек имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство [1].

В стране увеличивается количество интернет-пользователей, абонентов сетей электросвязи, развивается информационное взаимодействие граждан, создаются сетевые сообщества для коммуникации, обмена информацией, опытом и знаниями. В силу этого информационная безопасность как состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере приобретает особую значимость и актуальность.

В условиях построения открытого информационного общества тема защиты информационных ресурсов является особенно значимой для государственных органов, граждан и организаций в контексте роста преступлений с использованием ИКТ или киберпреступлений.

Множественные угрозы и риски незаконного и необоснованного вмешательства в частную жизнь граждан, похищение персональных данных, компрометация реквизитов доступа сужают личное пространство человека и нарушают его приватность. Раскрытие личной информации стало неотъемлемым атрибутом корыстных преступлений и преступлений против личности.

Как в зарубежных странах, так и, к сожалению, в Беларуси намечается устойчивая тенденция к росту киберпреступлений. В настоящее время фиксируется все больше случаев использования ИКТ в целях нарушения работоспособности информационных систем и информационно-коммуникационных сетей критически важных объектов инфраструктуры общества и государства, а также нарушения права граждан на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, осуществления промышленного шпионажа, нарушения прав интеллектуальной собственности [7]. В средствах массовой информации довольно часто появляется информация о преступлениях в сфере информационных технологий. На сайте Следственного комитета Республики Беларусь представлены материалы следственной практики в сфере информационных технологий [16].

Правовая оценка информационной безопасности в Республике Беларусь, как и во всем мире, стоит очень остро. Обеспечение информационной безопасности предусматривает систему мер правового, организационно-технического и организационно-экономического характера по выявлению угроз информационной безопасности, предотвращению их реализации, пресечению и ликвидации последствий реализации таких угроз [7].

Беларусь заинтересована в сближении и унификации подходов противодействия киберпреступлениям на международном уровне, выработке общих стандартов в правоприменительной практике, международном обмене опытом и практическом взаимодействии. Осуществляются реализация регионального и международного сотрудничества в сфере кибербезопасности, отслеживание деятельности преступных групп и отдельных преступников, действующих в киберпространстве [7].

В Республике Беларусь создана и совершенствуется система предупреждения, выявления, пресечения и всестороннего расследования киберпреступлений [7], [8].

Однако в настоящее время нерешенными остаются некоторые вопросы правового регулирования и защиты персональных данных, существует ряд пробелов и коллизий в сфере защиты и правового регулирования персональных данных. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы правовой регламентации и защиты персональных данных.

Остановимся на некоторых проблемах правового регулирования и защиты персональных данных в Республике Беларусь.

В Республике Беларусь отсутствует комплексный закон, регулирующий защиту персональных данных. В той или иной степени отношения по их защите урегулированы в различных законодательных актах. В настоящее время отсутствует единое определение термина «персональные данные». Так, для целей Закона Республики Беларусь от 21 июля 2008 г. № 418-З «О регистре населения» персональные данные определены как совокупность основных и дополнительных персональных данных, а также данных о реквизитах документов, подтверждающих основные и дополнительные персональные данные конкретных физических лиц [5]. Закон Республики Беларусь от 13 июля 2006 г. № 144-З «О переписи населения» определяет персональные данные как первичные статистические данные о конкретном респонденте, сбор которых осуществляется при проведении переписи населения [6]. Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» – базовый нормативный правовой акт в сфере защиты информации – не раскрывает значение термина «персональные данные». Вместе с тем в нем закреплены основы правового регулирования отношений, связанных с защитой персональных данных [4].

Не содержит действующее законодательство Республики Беларусь и классификации персональных данных, что также вызывает неправильное и неполное понимание сущности и правовой природы персональных данных. Неурегулированными остаются на сегодняшний день и вопросы ответственности за неправомерное разглашение персональных данных.

В настоящее время отсутствуют специальные составы за незаконное распространение и использование персональных данных. Хотя соответствующие незаконные деяния охватываются общими составами: гражданско-правовой ответственности (возмещение вреда ст. 933–952 ГК РБ); административно-правовой ответственности (ст. 22.6, ст. 22.7 КоАП – за несанкционированный доступ к информации, хранящейся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях, сопровождающийся нарушением системы защиты; за нарушение правил защиты информации) [2]; уголовной ответственности (незаконное собирание либо распространение информации о частной жизни (ст. 179 УК); хищение путем использования компьютерной техники (ст. 212 УК); несанкционированный доступ к компьютерной информации (ст. 349 УК); неправомерное завладение компьютерной информацией (ст. 352 УК) [3].

На основании изучения законодательства Республики Беларусь в области защиты персональных данных можно сделать вывод об отсутствии полного и комплексного регулирования данных вопросов и, следовательно, о необходимости совершенствования законодательства о персональных данных.

Согласно Постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 4 февраля 2019 г. «О подготовке законопроектов республиканскими органами государственного управления в 2019 году» (06.02.2019 г., 5/46131) запланирована подготовка проекта закона «О персональных данных» [11]. Данный закон должен комплексно регламентировать вопросы правового регулирования и защиты персональных данных, а также закрепить определение понятия «персональные данные», выделить их классификации, обозначить условия и порядок получения, передачи, сбора, хранения, обработки и предоставления персональных данных, предусмотреть права и обязанности лиц, чьи персональные данные обрабатываются, и субъектов, осуществляющих обработку персональных данных, закрепить иные положения.

Для усиления международно-правовой защиты в данной сфере представляется целесообразным присоединение Беларуси к Конвенции Совета Европы 1981 г., а также разработка и принятие универсального международного договора в рамках ООН. Для стран постсоветского пространства также актуально принятие договоров в рамках СНГ, Евразийского экономического союза, Союзного государства с учетом специфики соответствующих интеграционных структур, которые не могут избежать процессов, связанных с защитой персональных данных граждан соответствующих государств.

Подводя итог, следует присоединиться к общим выводам исследователей проблем защиты персональных данных и обеспечения информационной безопасности, что основными способами противодействия угрозам информационной безопасности следует признать их своевременную профилактику и предупреждение, разработку эффективного законодательства, принятие взаимоувязанных национальных и международных нормативных правовых актов, учитывающих тенденции развития компьютерных преступлений [12], [14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года с изменениями и дополнениями : текст по состоянию на 1 авг. 2011 г. – Минск : Амалфея, 2011. – 48 с.
2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. Об информации, информатизации и защите информации : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
5. О регистре населения : Закон Респ. Беларусь, 21 июля 2008 г., № 418-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
6. О переписи населения : Закон Респ. Беларусь от 13 июля 2006 г. № 144-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
7. О Концепции информационной безопасности Респ. Беларусь : Постановление Совета безопасности Респ. Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь, 19 марта 2019 г. № 7/4227 // КонсультантПлюс, 2019.
8. О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет : Указ Президента Респ. Беларусь, 1 февр. 2010 г., № 60 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 23 янв. 2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
9. Решение о Стратегии сотрудничества государств – участников СНГ в построении и развитии информационного общества на период до 2025 года и Плана действий по ее реализации (принято в г. Минске 28.10.2016 г.).
10. О модельном законе «О персональных данных» : постановление Межпарламент. Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, 16 окт. 1999 г., № 14–19 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
11. О подготовке законопроектов республиканскими органами государственного управления в 2019 году : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 04.02.2019 г. № 77 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

12. Шугай, А. А. Некоторые проблемы защиты персональных данных в Республике Беларусь // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
13. Потапова, Е. В. Проблемы формирования системы защиты информации, относящейся к персональным данным / Е. В. Потапова // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
14. Григорьев, А. А. Создание новых механизмов системной защиты информации в Республике Беларусь / А. А. Григорьев, А. А. Охрименко, И. П. Сидорчук // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
15. Овсейко, С. В. Защита персональных данных: опыт правового регулирования / С. В. Овсейко // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
16. Режим доступа: <https://sk.gov.by/ru/news-usk-gminsk-ru/view/prestuplenija-protiv-informatsionnojbezopasnosti-primery-iz-praktiki-stolichnyx-sledovatelej-6815/>.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ БЕЛАРУСИ И ИХ ОРИЕНТАЦИЯ НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В УКРАИНЕ В 2013–2016 ГОДАХ

А. В. Гавриков

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Цель статьи – рассмотреть политическое отношение политических партий на внешнеполитические изменения в Украине.

На данном этапе политического развития Республики Беларусь в Министерстве юстиций зарегистрировано 15 политических партий, которые стоят на разных политических платформах. В свою очередь их условно можно разделить на три политических лагеря: партии, поддерживающие действующую власть, партии, находящиеся в конструктивной оппозиции к ней, и партии оппозиции [1].

В зависимости от поддержки электората политические партии страны занимают определенную политическую нишу в иерархии политического лидерства. Стоит заметить, что на данном этапе политического развития политические партии Беларуси немногочисленны и политически слабы: одни поддерживают политический курс государства, а соответственно и внешнюю политику правящей элиты (на невмешивание во внутренний конфликт Украины), другие же выступали против и демонстрировали политическую солидарность с силами майдана и традиционную ориентацию проевропейски настроенной части политических партий на интеграцию с ЕС.

Начало кризиса в Украине осенью 2013 г. подавляющее большинство населения Беларуси не восприняло как важное событие, предполагающее геополитическую трансформацию в регионе. Не обратили значительного внимания на события в соседней стране и белорусские партии. Лишь несколько оппозиционно настроенных активистов побывали на киевском майдане.

Как заметил белорусский исследователь А. В. Тихомиров, «в 2014 г. позиция официального Минска в отношении конфликта в Украине была сведена к следующему:

- а) отчетливо выраженное нежелание вовлекаться в конфликт;
- б) непризнание утраты Украиной части ее территории (в том числе Крыма) де-юре, неодобрительное отношение к проектам «федерализации» Украины;
- в) стремление сохранить высокий уровень экономических контактов с Украиной;
- г) стремление поддерживать активные контакты с официальным Киевом» [2, с. 60].

Стоит заметить, что официальный Минск стремился не испортить политические отношения с Москвой и незамедлительно предложил стать площадкой для дипломатических мирных переговоров. Партии, поддерживающие правящий кабинет, выражали данные политические позиции, выступая лишь с частным осуждением происходящего в Украине. Так, Коммунистическая партия Беларуси (с заметным опозданием) поддержа-

ла компартию Украины. Это выразилось «в письме ЦК КПБ в ООН, Совет Европы и ОБСЕ с требованиями прекратить поощрять антиконституционные действия «новых властей» Украины» [3].

Ряд лидеров оппозиционных партий и организаций Беларуси выступил в поддержку новой власти в Украине. Среди наиболее массовых акций, организованных оппозиционными партиями, можно отметить «День воли» 25 марта 2015 г. В этот день оппозиционный электорат смог собрать около 800–1200 сторонников, демонстрировавших солидарность с Украиной. Однако поляризация политических взглядов электората существенно размежевалась, о чем свидетельствуют результаты поддержки правящего кабинета, который в свою очередь перетянул подвижный электорат в сторону против политического развития страны по украинскому сценарию во время президентской кампании 2015 г. [4, с. 23].

Сторонниками новой власти в Украине стали оппозиционные партии – противники Союзного государства. В нашей стране они представлены политическими силами, ориентированными на Запад – БНФ, КХП-БНФ, ОПП, БСДГ, БСДП (Грамада) и др. В отношении сближения Беларуси и России представители названных партий занимают, как правило, резко негативную позицию. Они видят в интеграционных проектах с Москвой угрозу для независимости республики и являются сторонниками евроинтеграции и сближения с США.

Оппозиционные партии Беларуси по-своему использовали расстановку политических сил в Украине. Они смогли встретиться с представителями новой украинской власти и принять участие в обсуждении европейской политики в отношении Беларуси. Радикализировавшейся частью оппозиции события на Украине были восприняты как превентивное противостояние России на территории Украины. Боевые действия на Юго-Востоке Украины были поддержаны оппозиционными партиями в рамках АТО, а в отношении России оппозиционные лидеры выступали за санкции.

Важной особенностью является то, что Беларусь стала площадкой переговоров по урегулированию конфликтной ситуации в Украине. «29 июля 2014 г. Президент Украины обратился к Главе белорусского государства с просьбой организовать на белорусской территории переговоры по урегулированию конфликтной ситуации. Эта просьба была поддержана и 5 сентября 2014 г. в белорусской столице был подписан Протокол по итогам консультаций Трехсторонней контактной группы относительно совместных шагов, направленных на имплементацию Мирного плана Президента Украины П. Порошенко и инициатив Президента России В. Путина. В феврале 2015 г. в Минске на встрече руководителей Украины, России, Германии и Франции был разработан комплекс мер по выполнению Минских соглашений, представлявший собой ряд условий по преодолению конфликтной ситуации» [2, с. 60].

Политические партии не показали особой активности на фоне этих переговоров, так как отнеслись скептически к их выполнению и ограничились лишь устными комментариями происходящего.

Оппозиционно настроенная часть электората, а соответственно и оппозиционные партии 2015–2016 гг., выступили как солидарные с официальным Киевом, так как события на Украине для них стали более политически обнадеживающими, где они смогли себя проявить, чем события в Беларуси (президентские выборы 2015 г., парламентские выборы 2016 г.), где они себя практически не проявили как реальную политическую силу, готовую бороться за политическую власть.

В 2018 г. в период празднования 100-летия БНР, организованного при участии оппозиционных партий, вопрос солидарности с Украиной уже не являлся ключевым и не был так сильно освещен, как три года назад.

Партии, поддерживающие политику официального Минска, ограничиваются частным осуждением происходящего в Украине, что не дает возможности рассмотреть позицию их к событиям в Украине 2013–2016 гг.

2016 год характеризуется постепенным отходом электората от украинских событий, так как население волнуют проблемы улучшения общественно-политического положения именно Беларуси, на что должны обратить свое внимание и политические партии.

В то же время украинские события стали важным политическим уроком как для истеблишмента, так и для электората, в котором политические партии занимают промежуточное положение и играют важную роль в государственном строительстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Количество политических партий в Республике Беларусь (по состоянию на 19.12.16) // М-во юстиции Респ. Беларусь. – 2016. – Режим доступа: <http://minjust.gov.by/ru/registr/>. – Дата доступа: 10.12.2016.
2. Тихомиров, А. В. Белорусско-украинские отношения в условиях кризиса в Украине (2013–2016 гг.) / А. В. Тихомиров // Беларусь в современном мире : материалы XV Междунар. науч. конф., посвящ. 95-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 27 окт. 2016 г. / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск : Издат. центр БГУ, 2016. – С. 59–62.
3. Официальный сайт Коммунистической партии Беларуси. – Режим доступа: <http://www.comparty.by/ck-krb-pargavil-pisma-v-oon-sovet-evgoru-i-obse>. – Дата доступа: 19.12.2016.
4. Гавриков, А. В. Геополитические предпочтения политических партий Беларуси в 2013–2016 гг. (социально-политический анализ) / А. В. Гавриков / Беларусь в современном мире : материалы XV Междунар. науч. конф., посвящ. 95-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 27 окт. 2016 г. / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск : Издат. центр БГУ, 2016. – С. 23–24.

СЕКЦИЯ IV

ДУХОВНОСТЬ
СОВРЕМЕННОГО
ОБЩЕСТВА:
ТРАДИЦИИ,
СОВРЕМЕННОСТЬ,
ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ

РУДИМЕНТЫ ЭТНОФОБИИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ¹

Ю. М. Бубнов

Могилевский государственный университет продовольствия, Беларусь

Правила хорошего научного тона требуют для начала определиться с базовым понятием предлагаемого читателям материала. Массовое сознание, как известно, оперирует чаще всего неререфлексируемыми социально-психологическими установками поведения, обусловленными оценочными шаблонами и стереотипами. В данном случае нас интересует этнофобный стереотип восприятия, оценки и прогнозируемого поведения жителей нашей страны по отношению к представителям иных этносов. Термин «этнофобия» будет использоваться как синоним понятию «ксенофобия» для обозначения неприятия представителей иных этносов на фоне различного рода опасений и даже страхов перед ними. Степень этого неприятия может быть разной, что позволяет нам говорить в этой связи о дискриминации по этническому признаку и этническом радикализме. Все эти понятия объединяет то, что главным и единственным критерием негативной оценки людей выступает их этническая принадлежность.

Этнофобия возникает там и тогда, где и когда происходит разделение людей по расовому, национальному признаку. Когда не личные, индивидуальные свойства и характеристики людей, а этнический фактор становится определяющим в их взаимоотношениях. На этой основе может возникнуть и, к сожалению, нередко возникает негативная оценка людей, исходя исключительно из их этнической принадлежности. Мы выяснили с помощью анонимного анкетного опроса, сколько наших сограждан испытывают негативные чувства к людям только на том основании, что они не принадлежат к их этнической группе, т. е. «инородцы». На рис. 1 представлены итоги опроса 2018 г., когда мы попросили 595 взрослых жителей Беларуси ответить на два вопроса, которые послужили индикаторами этнической нетерпимости.

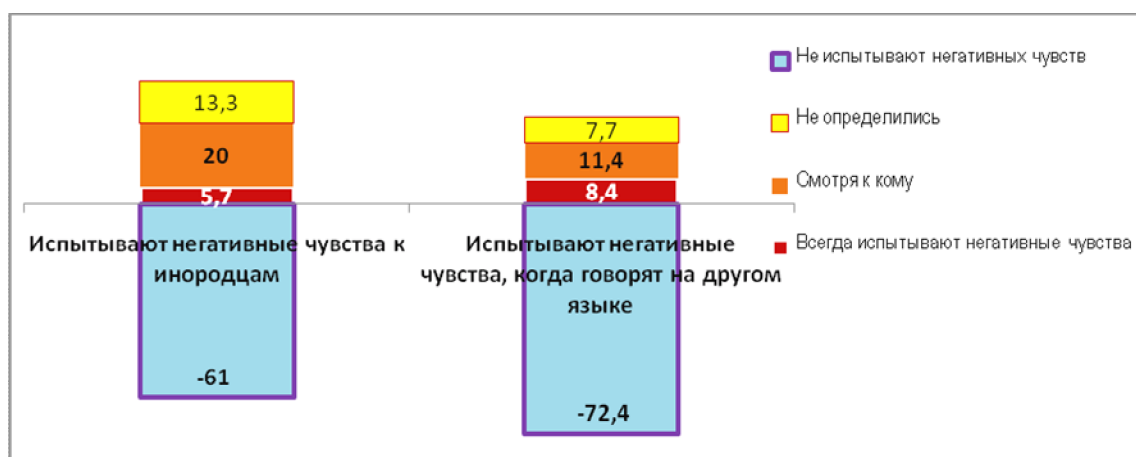

Рис. 1. Распределение респондентов на вопросы: «Испытываете ли Вы к представителям иных национальностей негативные чувства?» и «Вызывает ли у Вас неприятие, когда окружающие говорят на другом языке?», %

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Социокультурные факторы и индикаторы современного радикализма: выявление рисков для Беларуси и Армении», договор с БРФФИ № Г17АРМ-018 от 1 июня 2017 г.

Неприятие людей любой иной национальности свойственно для 5,7 % наших земляков. Этнически избирательное неприятие признала за собой еще пятая часть (20,0 %) граждан, которые испытывают неприязнь к представителям определенных рас и народов. Итого, симптомы этнической нетерпимости обнаружены у каждого четвертого (25,7 %) взрослого жителя Беларуси. Мы полагаем, что 13,3 % граждан, уклонившихся от ответа на вопрос «Испытываете ли Вы к представителям иных национальностей негативные чувства?», тоже могут быть причислены к группе потенциальных ксенофобов. Если принять это допущение, тогда социальная база потенциальных этнофобов может вырасти почти до сорока процентов от числа взрослых жителей страны.

Звуки чужого языка в той или иной степени раздражают каждого пятого (19,8 %) участника нашего опроса. Вкупе с 7,7 % уклонившихся от ответа максимальный процент «лингвофобов» достигает 27,5 %, т. е. более четверти населения Беларуси.

Мы спросили у наших респондентов, с какими ограничениями прав для представителей других национальностей они согласились бы. Разумеется, с точки зрения белорусского законодательства никаких ограничений прав на этой основе быть не может. Однако в массовом сознании все еще остаются рудименты этнофобии. Вот их-то мы и намерены зафиксировать с помощью вопросов-индикаторов этнической нетерпимости. На рис. 2 показано, сколько наших соотечественников все еще находятся на стадии правовой дикости, будучи морально готовыми, вопреки постулатам Всеобщей декларации прав человека, ограничивать людей на основании того, что они принадлежат к иной национальности.

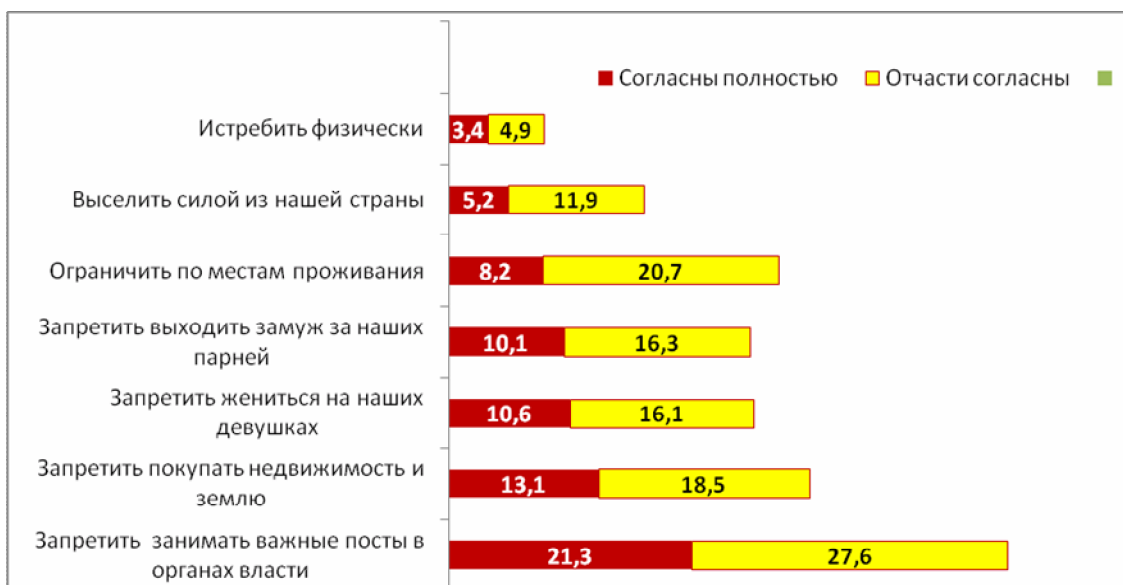

Рис. 2. Процентные доли участников опроса, полностью согласных и согласных отчасти дискриминировать представителей других народов в их гражданских и экономических правах

Как видите, людей, поддерживающих различные формы дискриминации по этническому признаку, среди граждан Беларуси не так уж и мало. Так, с апартеидом в политико-административной сфере (запретом на занятие инородцами важных постов в органах власти) согласились полностью (21,3 %) и частично (27,6 %), т. е. около половины (48,9 %) участников опроса. Экономическую дискриминацию (запрет инородцам покупать недвижимость и землю) поддерживает в общей сложности почти треть респондентов (соответственно, 13,1 % полностью и 18,5 % частично). Каждый четвертый житель Беларуси хотел бы ограничить представителей иных народов в matrimониальных пра-

вах, т. е. сочетаться браком с юношами и девушками коренной нации. Более четверти респондентов согласились (8,2 % полностью и еще 20,7 % частично) с ограничением инородцев по местам их проживания. Каждый шестой (17,1 %) участник опроса согласился бы полностью (5,2 %) или частично (11,9 %) с выселением представителей других народов из Беларуси. А 8,3 % респондентов морально готовы истреблять инородцев физически. Таким образом, этнофобия как социально-психологическая установка рудиментарного характера все еще наличествует в массовом сознании жителей Беларуси, представляя собой потенциальную угрозу межнациональному миру в нашей стране.

Зададимся вопросом о том, какие страхи порождает у наших соотечественников неприятие людей иной национальности, проявившееся в ответах граждан Беларуси. У нас есть возможность сравнить данные на этот счет, полученные в 2018 г., с результатами наших опросов в 1997 и 2007 гг. В предыдущие годы мы опрашивали молодежную когорту, поэтому среди участников опроса 2018 г. мы отобрали подвыборку респондентов от 16 до 30 лет, чтобы сравнение было сопоставимым. Итак, о причинах неприятия нашей молодежью людей по этническому признаку можно узнать, взглянув на таблицу.

Причины неприятия молодыми (до 30 лет) жителями Беларуси некоторых наций (по материалам наших опросов в 1997, 2007 и 2018 гг.), %*

Причины этнического неприятия	Доля опрошенных		
	1997	2007	2018
Создают напряженную обстановку	32,7	48,4	45,0
Совершают преступления	–	–	38,8
Пренебрежительно относятся к нашей культуре	33,8	47,8	38,8
Ведут себя как хозяева	37,2	41,9	33,2
Надменно держатся	20,6	17,2	19,0
Стараются обмануть нас	27,2	29,4	17,0
Стремятся поработить нас	11,4	18,0	10,2
Раздражают особенности внешнего вида	15,8	13,9	11,0
Хотят скупить все ценное	12,4	17,5	8,5
У них низкая культура	8,0	6,6	7,2
Живут лучше нас	16,1	10,3	6,5
Иные причины	1,3	1,5	0,2
Не ответили	–	–	5,5

*Примечание. Сумма ответов в столбцах превышает 100 %, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Сравнивая результаты опросов сопоставимой по возрасту части населения Беларуси, приходится констатировать, что за двадцать с лишним лет в массовом сознании (вернее, подсознании) жителей нашей страны мало что изменилось. Этнофобия по-прежнему затмевает разум заметной части жителей Беларуси. Среди мотивов этнической антипатии представлены и страхи («стараются обмануть нас», «хотят скупить все ценное», «стремятся поработить нас»), и зависть («живут лучше нас»), и комплекс неполноценности («ведут себя как хозяева», «пренебрежительно относятся к нашей культуре», «надменно держатся»), и высокомерие («у них низкая культура», «раздражает внешний вид»). Вряд ли стоит пояснять образованному читателю, что совершают преступления, обманывают и хамят отдельные люди, а не нации.

РИТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ И ОГРАНИЧЕНИЯ В ПИТАНИИ КАК ФОРМЫ ВОВЛЕЧЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В РЕЛИГИЮ

Е. В. Шкурова

Белорусский государственный университет, г. Минск

Религиозная среда современного белорусского общества вошла в период качественных трансформаций, о чем свидетельствует стабилизовавшаяся численность религиозных организаций и их последователей. На сегодняшний день специфику белорусского религиозного поля определяет, с одной стороны, светская направленность государственно-конфессиональных отношений, с другой, поликонфессиональность общества. Это закономерно актуализирует вопрос о поиске объяснительных механизмов, позволяющий учитывать такие особенности при построении исследовательских стратегий.

В Республике Беларусь с 2012 г. реализуется проект, в основе которого построение многомерной кросskonфессиональной модели изучения религиозности [1]. Модель строится на принципах универсальности, обеспечивая сопоставимый характер всех элементов – измерений, показателей, переменных – изучения религиозности, и кросskonфессиональности, что делает полученные данные сравнимыми для разных уникальных религиозных традиций, движений, сред.

Исследование религиозности часто связано с изучением форм религиозной активности, причем преимущественно в качестве таковых рассматривается характер совершения религиозных действий: индивидуальных (молитва, медитация и т. п.) и коллективных (участие в различных типах священнослужений). В представленной модели измерение вовлеченности в систему религиозной деятельности, как одно из ключевых для изучения религиозности, включает, помимо показателей индивидуальной и религиозной активности [2], более широкий набор [3]. В частности, речь идет о сводном показателе соблюдения норм религиозного благочестия, который раскрывается в целом наборе форм религиозной активности. Универсальность показателя позволяет самостоятельно представить такие его компоненты, как совершение очистительных обрядов, характер и мотивы соблюдения ограничений в питании. Их особенности связаны с тем, что, будучи нормами религиозных предписаний, проявляют себя они в первую очередь в повседневных практиках.

Характеристики выявлены по результатам республиканского исследования, проведенного во всех областях Беларуси. В результате анкетного опроса опрошено 2723 респондента, из них 2013 представителей традиционных доминирующих конфессий (православие, католицизм), 710 – других конфессий.

Очистительные обряды (ритуалы) представляют собой символические действия, обеспечивающие переход от повседневных состояний к религиозным, исключающим человека из обыденности, т. е. к состояниям полной сосредоточенности на трансцендентных символах и целях исповедуемой религии. В исследовательской модели причастность к ним определялась на основе выявления самого факта (не)совершения таких обрядов, а также того, что именно респонденты рассматривают в качестве очистительных ритуалов.

При ответе на вопрос о (не)совершении очистительных обрядов респонденты разделились на две практически равные группы: 52,8 % ответили, что совершают их, 47,2 % – что нет (табл. 1). Стоит отметить также достаточно высокий процент отказов от ответа (10,5 %). С одной стороны, это говорит об относительно пассивной вовлеченности в религию по данному признаку. С другой, такая несформированность представлений указывает на вариативность трактовок очистительных ритуалов в разных религиях.

Это заметно и в оценке респондентами форм совершения очистительных обрядов. При анализе ответов об очистительных обрядах выявлено следующее. Из тех 38,8 % респондентов, кто в принципе попытался ответить, 70,6 % называют в качестве очистительных ритуалов те или иные коллективные священнослужения. Еще две заметные группы образовали те, кто указал в качестве очистительных практик периоды ограничения в питании, или посты (15,9 %), а также различные духовные практики, или усилия по внутренней концентрации (8,7 %). Можно судить, что понимание респондентами очистительных обрядов отличается достаточно широкой произвольностью, связанной с многообразием их трактовок от конфессии к конфессии. Буквальное понимание смысла очистительных обрядов (как очищения в физическом смысле этого слова) проявилось в незначительной части ответов (1,5 %), упоминающих «очищение стихиями природы» (табл. 1) и имеющих, таким образом, характерную исповедную специфику (относящуюся, скорее всего, к современному язычеству). Такая поверхностная причастность к очистительным религиозным практикам говорит о ее обусловленности скорее формами массовых предпочтений (модой), нежели личной религиозной вовлеченностью.

Таблица 1

**Распределение ответов респондентов на вопрос
«Какие физические и/или духовные очистительные обряды Вы совершаете?»**

Пожалуйста, укажите, какие	Частота в % от числа выборов вариантов ответа	Частота в % от числа респондентов
Формы ритуального благочестия (участие в священнослужениях)	70,6	82,2
Ограничения в питании (пост)	15,9	18,5
Духовные практики (усилия по внутренней концентрации с целью достижения измененных состояний сознания)	8,7	10,1
Очищение стихиями природы	1,5	1,7
Физические практики	1,5	1,7
Психофизические практики (которые через физические усилия изменяют сознание, ведут к измененным состояниям сознания)	1,1	1,2
Затрудняюсь ответить	0,8	0,9
<i>Всего</i>	100,0	116,4

Более распространенной формой религиозного благочестия среди опрошенных является соблюдение предписанных традицией *ограничений в питании*. В целом положительно на данный вопрос ответили 82,8 % опрошенных (табл. 2). Несмотря на то что это одна из самых простых практик, совершаемая путем простого отказа от употребления определенных продуктов питания, ее регулярный характер может свидетельствовать о стремлении к соблюдению религиозной самодисциплины. Наиболее распространенной стратегией поведения в отношении соблюдения ограничений в питании служат их периодические попытки: 42 % респондентов практикуют ограничения по возможности. Около трети респондентов (28,1 %) соблюдают посты близко к предписаниям религии, еще 12,7 % – в полном соответствии с предписаниями. Практически не соблю-

дают – 10,8 %. Простота этой практики делает ее широко доступной и за пределами конфессий, в связи с чем она может соблюдаться сочувствующими, ищущими, интересующимися и т. п.

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос

Как строго Вы соблюдаете ограничения в питании, которые предписывает Ваша вера (религия)?	Частота	Частота, %
Соблюдаю в полном соответствии с предписаниями религии	341	12,7
Соблюдаю близко к предписаниям религии	752	28,1
Соблюдаю по возможности	1126	42,0
Практически не соблюдаю	289	10,8
Не считаю это необходимым	53	2,0
Для моей религии это не важно	86	3,2
Следую собственным принципам в жизни	10	0,4
Затрудняюсь ответить	23	0,9
<i>Всего</i>	2680	100,0

Простота исполнения данной практики, а также небольшое количество строго соблюдающих ее респондентов может свидетельствовать, что в большинстве случаев она совершается не из религиозных, а общекультурных соображений, как средство приобщения к традиции, самодисциплины, поддержания здорового образа жизни и т. п. Достаточно отметить, что второе место в перечне мотивов соблюдения ограничений в питании занимает полезность для здоровья (18,8 % респондентов). А тот факт, что опрос проводился в религиозной среде, говорит о том, что даже здесь указанная практика носит сравнительно произвольный характер и не до конца осмыслена в ее религиозной сути. Тем не менее большая часть респондентов (68,3 %) суть этих ограничений все же видит в содействии духовному росту (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос

В чем, по-Вашему, смысл ограничений в питании, которые предписывает Ваша вера (религия)?	Частота	Частота, %
Это способствует духовному росту	1714	68,3
В самосовершенствовании	18	0,7
Это предписание моей веры (религии)	44	1,8
Это укрепляет солидарность с единоверцами	76	3,0
Это способствует укреплению здоровья и духовному росту	68	2,7
Это полезно для здоровья	471	18,8
Ограничения в питании отсутствуют или не существенны	9	0,4
Затрудняюсь ответить	111	4,4
<i>Всего</i>	2511	100,0

Данные показатели отражают специфику включения религиозного населения в повседневные религиозные практики, выступающие определенным стандартом религиозной деятельности. И тот факт, что совершение этих практик зачастую не наполнено собственно религиозным смыслом, говорит о том, что религиозная активность для белорусов связана в первую очередь с потребностью в социальном взаимодействии. Нормы религиозного благочестия задают нормативную рамку, обеспечивающую возможность приобщения к общекультурным ценностям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасева, С. Г. Многомерный кроссконфессиональный подход к исследованию религиозности в Беларуси: актуальность и концептуализация / С. Г. Карасева, Е. В. Шкурова // Социология. – 2012. – № 3. – С. 123–133.
2. Карасева, С. Г. Особенности индивидуальных и коллективных религиозных действий как характеристики степени религиозной активности / С. Г. Карасева, Е. В. Шкурова // Социология. – 2018. – № 2. – С. 67–75.
3. Карасева, С. Г. Вовлеченность в религию как жизненная ценность: результаты исследования религиозного населения Беларуси / С. Г. Карасева, Е. В. Шкурова, С. И. Шатравский // Социология. – 2017. – № 2. – С. 103–110.

РЕАЛИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО РЫНКА КУЛЬТУРНЫХ УСЛУГ

Т. А. Юрис

Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, г. Гомель

Чтобы получить представление о положении на отечественном рынке культурных услуг и происходящих там процессах, необходимо, прежде всего, обратиться к социологическим и статистическим данным.

В 2017 г. Центром европейской трансформации (ЦЕТ) были представлены результаты социологического исследования «Социальная база программ трансформаций в Беларуси», посвященного анализу восприятия инноваций в белорусском обществе [1]. Исследование проведено компанией «Сатио». В нем приняло участие 1988 респондентов по всей Беларуси. Цель исследования – выяснение, как проводят свое свободное время граждане.

Самый распространенный способ проведения свободного времени – это общение с семьей (72,7 %) и – с большим отрывом – с друзьями (47,4 %). Третий по распространенности ответ: свободное время уходит «на отдых, релаксацию» (40,5 %). Почти треть (30,8 %) белорусов тратит свое свободное время на работу на дачном или приусадебном участке, в том числе такое времяпрепровождение характерно для четверти горожан (25,1 %). Хобби и увлечения занимают свободное время менее чем пятой части белорусов (17 %), еще 13,7 % тратят его на компьютерные игры и общение в интернете, 7,4 % – на занятия спортом. Наконец, 3,4 % респондентов отметили, что используют свое свободное время на получение образования, самообразования, и совсем малое количество (0,6 %) выбирает в качестве способа проведения свободного времени общественную деятельность, волонтерство и пр.

По данным исследования, на первом месте по среднему значению частоты посещения у белорусов оказывается «дачный участок, огород», на котором почти половина жителей страны (45,4 % в сумме) бывает минимум раз в неделю. Со значительным отрывом вторым по частоте посещения местом оказываются религиозные учреждения (в зависимости от вероисповедания). Далее уже с небольшим отрывом следует комплекс развлекательных учреждений: кафе, бары, кинотеатры, посещение концерта или развлекательных программ, ресторана (в который около трети белорусов (30,5 %) заглядывает не каждый год, а каждый пятый (21,5 %) никогда в жизни не был). Затем то-

же последовательно с уменьшающейся частотой следует посещение «учреждений культуры» (библиотек, театров, музеев), в которых около трети белорусов не было никогда. Только однажды были в библиотеке 18,4 % сограждан, в музее – 29,5 %.

С одинаковой средней (довольно невысокой) частотой респонденты посещают спортивные соревнования и секции, следом за ними идут такие более специфические формы проведения досуга, как посещение цирка и зоопарка (каждый десятый белорус (10,7 %) хотя бы раз в год посещает эти места). В то же время в цирке никогда не было 31,1 % белорусов, а в зоопарке – 29,3 %. 59,4 % опрошенных признались, что никогда не посещали спортивную секцию. Менее пятой части опрошенных (18,9 и 18,4 %, соответственно) хотя бы раз в жизни посетили клуб по интересам и побывали на публичной лекции.

Расходы домашних хозяйств на оплату услуг в области культуры (в процентах от общего объема потребительских расходов) в 2016 г. составляли 0,4 % [2, с. 15].

Несмотря на значительный потенциал отечественных учреждений культуры, предоставляющих множество возможностей для удовлетворения разнообразных духовных потребностей граждан, следует признать, что этот потенциал востребован не в полной мере. Статистические данные показывают, что на протяжении 10-х годов текущего века в стране наблюдается неуклонное сокращение численности посетителей библиотек, театров, цирков, концертов, зоопарков. Прирост посетителей фиксируется только в музеях и кинотеатрах, причем последним только в 2017 г. удалось переломить негативную тенденцию [3].

Справедливости ради следует отметить, что падение интереса к услугам, предоставляемым учреждениями культуры, нельзя вменить в вину исключительно им. В условиях не слишком щедрого государственного финансирования и поставленной задачи увеличения объемов внебюджетных доходов работники государственных учреждений культуры значительно разнообразили формы своей деятельности и проявляют массу изобретательности, устраивая финансово скромные, но весьма насыщенные развлекательные программы, пытаясь превратить свои учреждения в привлекательные для населения места проведения досуга.

Для объяснения причин, так сказать, умеренно культурного времяпрепровождения граждан можно было бы сослаться на недостаточный уровень материального благосостояния, нехватку свободного времени из-за необходимости дополнительно подрабатывать, но эти аргументы не выдерживают критики из-за одного очевидного факта: в последнее время в сознании жителей крупных городов сформировалось устойчивое понимание, что за эмоциями необходимо в первую очередь отправляться в торговые центры. Пока учреждения культуры заставляли учиться зарабатывать в рыночных условиях, многочисленные торгово-развлекательные и сервисные комплексы изменили картину распределения течений зрительской аудитории. Они начали выполнять функцию формирования определенного культурно-просветительского пласта, заполняя ту область, в которой традиционно работали учреждения культуры.

Современный потребитель разбалован (с точки зрения старших поколений, помнящих еще эпоху тотального дефицита) богатым выбором товаров и услуг, не испытывает проблем с удовлетворением своего покупательского спроса, и если ему чего-то и не хватает, то это эмоций. Люди не хотят ходить в магазин или ресторан просто за покупками и едой. Они хотят переживать там эмоции.

Человек – существо не только рациональное, но и эмоциональное. Эмоции как особый класс субъективных психологических состояний возникли и закрепились в процессе биологической эволюции как своеобразный способ поддержания жизненного процесса в его оптимальных границах. Самой старой по происхождению, простейшей и наиболее распространенной является эмоция удовольствия, получаемая от удов-

летворения потребностей организма. Значительная часть наших потребностей обусловлена инстинктами, т. е. врожденными биологическими программами поведения.

В поход по предприятиям торговли нас отправляет не только реальная нужда в покупках, но и инстинкты собирательства и влечения к новизне [4, с. 11]. Шопинг, по сути, является психотерапевтическим средством, позволяющим получить положительные эмоции от новых впечатлений. В торговых предприятиях постоянно обновляется ассортимент товаров, проводятся какие-то акции, презентации, предлагаются разные формы развлечения, что импонирует посетителю.

Учреждения культуры заметно уступают новым игрокам на поле досуговых услуг из-за своей неповоротливости: торговые центры демонстрируют, что сейчас востребованы многопрофильные мероприятия, а театры и музеи часто продолжают быть поставщиками одной услуги. Понятно, что проблема здесь кроется и в правовом поле: не может дом культуры мгновенно провести мастер-класс по модному направлению, когда под каждый кружок, каждое объединение по интересам необходимо подвести документальную базу. Однако до тех пор пока сфера культуры действует по правилам вчерашнего дня, инициативу в культурно-развлекательных услугах – а значит, и потенциальную аудиторию – перехватывают ТРЦ, гипермаркеты, сервисные и другие заведения, которые раньше такой деятельностью не занимались [5, с. 5].

Еще одной причиной недостаточной популярности государственных учреждений культуры является отсутствие продуманных разнообразных мероприятий для семей с детьми. Практически нет таких очагов культуры, где можно было бы провести с семьей значительную часть выходного дня. К тому же посещение музеев, библиотек, театров требует соблюдения устоявшихся правил приличия, т. е. тишины и неспешности, что весьма затруднительно для детей дошкольного и младшего школьного возраста. А новоявленные «храмы культуры» учитывают специфику детского возраста, создавая возможности для шумного и активно-двигательного времяпрепровождения.

Учреждениям культуры следовало бы присмотреться к опыту своих зарубежных коллег, деятельность которых ориентирована не столько на то, чтобы поразить воображение и развлечь, как у нас, а на то, чтобы приучить постепенно, буквально с раннего детства, посещать, например, музей. Туда ходят семьями, где могут быть и маленькие дети и подростки: дело найдется всем, для каждого возраста продуманы разнообразные интерактивные развлечения и познавательные-развивающие занятия.

Отечественным работникам сферы культуры необходимо также учитывать психологические особенности нынешних детей и подростков. Для работы с ними нужно подбирать другой формат общения, чем, например, стандартная сопроводительная экскурсия, нужны работники, хорошо чувствующие специфику их психологических свойств, возможно, акцент сделать на современное актуальное искусство, а от него постепенно переходить к классике. Пока же все более очевидным становится тот факт, что торговые центры подменили собой Дома пионеров и Дворцы культуры, став постоянным местом встреч и отдыха молодежи.

Таким образом, следует признать, что предприятия торговли успешно осваивают новую для себя сферу деятельности – оказание культурных (развлекательных и просветительских) услуг. Новые игроки на поле досуговых услуг бросают вызов бывшим монополистам – государственным учреждениям культуры, влияют на показатели их работы, заставляют искать инновационные формы работы с публикой, в том числе путем изучения и перенятия опыта зарубежных учреждений культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Свободное время белоруса: каждый третий никогда не был в театре и библиотеке / Сильные новости. – Режим доступа: <https://gomel.today/rus/article/society-436/>. – Дата доступа: 27.02.2019.

2. Культура Республики Беларусь, 2017 : стат. сб. // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2017. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 27.02.2019.
3. Основные показатели деятельности организаций культуры / Беларусь в цифрах, 2018 : стат. сб. // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/socialnaya-sfera/kult/godovye-dannye_15/osnovnye-pokazateli-deyatelnosti-organizatsii-k_2/. – Дата доступа: 27.02.2019.
4. Дольник, В. Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей / В. Р. Дольник. – 5-е изд. – СПб. : Петроглиф ; М. : Изд-во КДУ, 2007. – 352 с.
5. Панкратава, Н. Без свайго поля / Н. Панкратава // Культура. – 2018. – 23 чэрв.

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА СЛАВЯНСКИХ ГОСУДАРСТВ

Т. А. Сеньюшкина

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Россия*

А. В. Мохов, А. М. Доржеев

*Черноморский информационно-аналитический центр
г. Севастополь, Россия*

В современном мире наблюдаются новые тенденции в формировании системы международных отношений, связанные с появлением новых видов цивилизационных вызовов и угроз. Геополитические и цивилизационные вызовы, с которыми сталкиваются сегодня славянские страны, нацеливают на всестороннее теоретическое осмысление и практическое использование разнообразных ресурсов и механизмов для развития политического диалога, который следует рассматривать как многоуровневое системное явление, включающее все сферы общественной жизни – экономику, политику, социальную сферу и культуру.

В связи с этим актуализируются исследования, связанные с изучением разнообразных механизмов политического диалога, направленного на преодоление отчуждения и восстановление доверия в межгосударственных отношениях славянских стран. В качестве одной из составляющих мировоззренческого основания политического диалога можно рассматривать цивилизационную идентичность, которая является одним из структурирующих элементов общественной и социокультурной интеграции.

Целью статьи является обоснование тезиса о том, что в процессе политического диалога стран-участниц славянского интеграционного проекта может быть задействован культурно-символический и мировоззренческий потенциал цивилизационной идентичности.

В современной академической литературе существует большое количество исследований, посвященных теме идентичности. На основании обзора литературы по этой теме можно сделать вывод о том, что идентичность – это форма самообнаружения многогранной сущности человека, способ выстраивания внутреннего мира в соответствии с определенными типами общности – религиозной, культурной, этнической, политической, гражданской и др. Идентичность помогает человеку ориентироваться в сложном мире этнических и культурных символов, имеющих свое преломление в пространстве политических смыслов и идей.

Цивилизационная идентичность связана с наивысшим уровнем осознания человеком своей культурной принадлежности. Пытаясь ответить на вопрос «Кто я?», человек сопоставляет себя с другими людьми, близкими себе по культурному, религиозному, этническому, социальному, языковому признаку. Цивилизационная идентичность связана также с конкретным политическим пространством и социальным временем, общественным устройством, духовными традициями и коллективной памятью.

Внешними признаками цивилизации выступает широкий охват отдельных культур и народов, устойчивость их социальных и культурных характеристик, который выражается в социокультурной идентификации. Основоположник цивилизационного подхода Н. Я. Данилевский в своей книге «Россия и Европа» подчеркивал, что «Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, – когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию, или политическую систему государств» [1].

В современном академическом и политическом дискурсе обращает на себя внимание конкуренция различных цивилизационных проектов. На наш взгляд, одной из важных теоретических задач является поиск оптимального термина, который бы мог способствовать не только объединению теоретических усилий ученых, занимающихся цивилизационной проблематикой, но и политическим задачам, стоящим перед славянскими государствами на современном этапе.

Славянский культурно-исторический тип сформировался на большом континентальном пространстве, его особенность – в полиэтничности и многоконфессиональности населения. Большинство этносов, вовлеченные славянскими народами в общее культурное пространство, приобщенные к общей культуре, скрепленные родственными языками, выступили участниками культурного процесса и создателями общих ценностей в большом географическом, политическом и культурном пространстве. Эти народы также образовали широкую поликонфессиональную общность, отдельные составляющие которой веками сохраняли присущие им особенности. В ней представлены все три мировые религии, в том числе практически все христианские конфессии. При этом ключевую роль в формировании славянской культуры и цивилизации сыграло христианство.

Одна из особенностей славянского культурно-исторического типа – в цикличности культурных и политических влияний Востока и Запада, которую можно проследить на примере развития российского государства. По мнению А. С. Панарина, в качестве страны, занимающей стратегическое положение между Востоком и Западом, Россия периодически сталкивается с необходимостью пересмотра своего цивилизационного статуса [4, с. 113]. «Русская экзистенция – это напряженная межцивилизационная и межкультурная динамика, преобразованная во внутренний код культуры, готовый к периодической смене идентичности», – подчеркивал А. С. Панарин. – «Россия с самого начала формировалась как гетерогенное западно-восточное образование, сознательно решая проблему творческого синтеза различных цивилизационных начал. Российское общество вступало в фазу нестабильности не тогда, когда сталкивалось с внешним вызовом со стороны Запада или Востока, а когда этот внешний вызов интериоризировался, получая значение тотальной внутренней самокритики. Неустойчивость России как социокультурного типа связана, таким образом, не столько с промежуточным геополитическим положением как таковым, сколько с проблематичностью тех синтезов, которые российское общество создавало в разные моменты своей истории» [4, с. 113].

В этой связи уместно обратить внимание на популярную в современной академической среде тему конфликта западных и восточных цивилизаций. По мнению А. С. Панарина, современное противоборство миров интерпретируется посредством разных понятий, в том числе «конфликта цивилизаций» (западной) с «восточным варварством», с «фундаментализмом и терроризмом», наконец, как борьба современного «открытого общества» с архаикой национал-патриотизма и изоляционизма [3, с. 238]. Сущность описанного выше конфликта А. С. Панарин видел в том, что в «недрах западной культуры издавна соперничают (зачастую причудливо переплетаясь) два принципа: расист-

ский и мессианско-универсалистский. Первый ориентирует на последовательное противопоставление миру незападного большинства человечества, второй – на интеграцию последнего в обустраиваемую Западом «современность» [3, с. 239].

По мнению Панарина, драматической особенностью наступившей эпохи является «неожиданное доминирование первого, расистского принципа, потеснившего классический западный гуманизм. Возможно, в этом повинна холодная война. Восток, олицетворяемый грозным СССР, впервые стал внушать не столько снисходительное презрение, сколько смертельный страх» [3, с. 239].

Приведем еще одну цитату А. С. Панарина о том, что «Требуется смена самой парадигмы отношений между Западом и Востоком, Севером и Югом, Морем и Континентом, «полюсами роста» и обездоленной периферией. Таким образом, вопрос о качественно ином будущем – это не очередная утопия, а жизненная необходимость, ибо в настоящем, как оно сегодня сложилось, нам, по всей видимости, не дано долго пребывать» [2, с. 7].

Учитывая сказанное, подчеркнем важность теоретической рефлексии на тему идейного, культурно-символического и социально-политического единения славянских государств. При этом важное значение для исследовательского поиска имеют задачи, связанные с преодолением искусственно созданной экономической и политической дезинтеграции славянского мира.

На наш взгляд, именно в этом и заключается основная роль славянской цивилизационной идентичности, которая может создать условия для политического диалога России со странами-участницами славянского интеграционного проекта.

Таким образом, следует констатировать:

1. В условиях появления новых видов геополитических и цивилизационных вызовов и угроз возрастает актуальность поиска разнообразных механизмов развития политического диалога между участниками славянского интеграционного проекта.

2. Политический диалог следует рассматривать как многоуровневое системное явление, включающее все сферы общественной жизни – экономику, политику, социальную сферу и культуру. При этом культура выполняет особую функцию, так как формирует смысловое и ценностное отношение к интеграционным процессам.

3. В процессе политического диалога стран-участниц славянского интеграционного проекта может быть задействован культурно-символический и мировоззренческий потенциал славянской цивилизационной идентичности, которая может выполнять функции социокультурной регуляции.

4. Актуализация славянской идентичности предполагает задействование в интеграционном процессе духовного потенциала всех основных субъектов славянского цивилизационного пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2011. – 816 с. // Режим доступа: <http://www.vehi.net/danilevsky/rossiya/05.html>.
2. Панарин, А. С. Глобальное политическое прогнозирование / А. С. Панарин. – М. : Алгоритм, 2000. – 348 с.
3. Панарин, А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке / А. С. Панарин. – М. : Алгоритм, 2003. – 560 с.
4. Ильин, В. В. Россия: Опыт национально-государственной идеологии / В. В. Ильин, А. С. Панарин, А. В. Рябов ; под ред. В. В. Ильина. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 231 с.

СЛАВЯНСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ: ТРАНСФОРМАЦИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

И. А. Грошева

*Филиал АНО ВО «Московский институт государственного управления и права»
в Тюменской области, Россия*

И. Л. Грошев

*Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, Россия*

В настоящее время чрезвычайно актуализировались дискуссии о национальных особенностях того или иного народа, в ходе которых поднимаются вопросы о ментальных характеристиках этносов, о самом менталитете как реальном феномене человеческой истории, об основных детерминантах, которые обуславливают и создают менталитет.

Русский панславист Н. Я. Данилевский в книге «Россия и Европа» осуществил попытку описать отличительные черты славянского культурно-исторического типа. Во-первых, к ним ученый относил миролюбие, неприятие насилия [1, с. 233]. Во-вторых, отличительным признаком славян является предпочтение внутренней глубинной жизни сознания над внешним проявлением практической деятельности. Они не являются прагматиками, а погруженными в себя интровертами [1, с. 235]. В-третьих, славяне – коллективисты, им присуще отдавать приоритет общенародному, а не индивидуальному. Славяновед и панславист Ю. И. Венелин объяснял склонность к многобожью, язычеству древних славян оседлым образом жизни, поскольку разнообразие хозяйственной деятельности способствует расширению кругозора и воображения в отличие от народа кочевого [2, с. 212–213].

Менталитет сегодня является фактором, определяющим этнопсихологические особенности личности, а национальный менталитет скрепляет народ в единое целое. Причем современные исследователи полагают, что это специфическое духовное образование, способствующее формированию особой картины мира, т. е. это своеобразная система сложившихся взглядов, оценок, традиций, обычаев, стереотипов. Понятия «ментальность» и «менталитет» разграничиваются как «сознание» и «сознательность» [3, с. 12]. Способы объединения на основе ментальности в молодежной среде весьма мозаичны и своеобразны: патриотизм, неоязычество и др.

Патриот, патриотизм как термины и как смысловые понятия формируют субъективные и чаще всего абстрактные образы в сознании современного человека. Учитывая тенденции рационализации мышления, эти образы теряют видимую связь с действительностью и, следовательно, не могут осуществлять главную ожидаемую функцию – мотивацию к рациональным видам деятельности. Возникает очевидный диссонанс между декларируемыми идеологическими принципами патриотического поведения и потребностью индивида к такому роду деятельности. Амплитуда противоречий нарастает в периоды «временных сжатий», т. е. сдвиг в пропорции между логически осмысленными и рутинными действиями в сторону последних. В этом случае главной задачей для индивида выступает наделение повседневных поведенческих актов, в том числе связанных с национально-исторической принадлежностью, патриотическим содержанием.

Прямое следование «букве термина» предопределяет необходимость ряда уточнений таких его положений, как любовь, преданность, интересы отечества. Содержательная часть патриотизма настолько разнообразна в понимании, что представляет словарный набор в виде креативной головоломки. Вероятность сложить правильную комбинацию граней увеличивается от числа попыток (приобретение опыта) и органи-

зации системного мышления, что представляет серьезную задачу в осуществлении мыслительного процесса для всех поколенческих групп без исключения.

Прямой преемственности в интерпретации патриотизма быть не может, поскольку алгоритм целеполагания, ключевые ориентиры в этом процессе, доминанты в мотивации к деятельности, инструментарий (средства) жизнедеятельности разных поколений отличаются и должны отличаться, а по некоторым компонентам различие существенно. В этом контексте современная молодежь составляет конгломерат личностей, не испытывавших воздействие механизма идеологической синхронизации сознания и мировоззрения. Поэтому следует обратить внимание на одну особенность патриотизма, позволяющую ему легко трансформироваться в национализм. Его возникновение является реакцией на воздействие негативных факторов социальной среды: экономическое неравенство и несправедливость, падение престижа политической власти, размывание системы приоритетных духовных ценностей, ослабление регулирующей роли государства и др. Работа Э. Геллнера «Нации и национализм» начинается удивительно простым определением национализма: «Национализм – это прежде всего политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать» [4].

В среде националистически настроенной молодежи наблюдается рост популярности славянских символов и названий. Возникает мозаичная картина соединения патриотизма, национализма и славянского происхождения. Например, Московское молодежное движение «Светлая Русь», «Славянская сила» (Волгоград, Астрахань, Киров и др.), «Славяне» (Тюмень) и др. Кроме того, ментально-отличительные маркеры приобретает «русскость», что проявляется в названии молодежных движений: «Русское общественное движение» (Москва), «Русский общественный контроль» (Москва), «Русское Солнце» (Москва) и др. Некоторые слоганы настораживают: «Появление пары десятков национально ориентированных молодых людей на социальных акциях – прекрасный способ пропаганды своих идей». Подобные движения никоим образом не соотносятся с культурно-историческим типом славян, отличающихся миролюбием.

Авторы статьи выделяют следующие особенности националистически-патриотических движений: существование и мобилизация деятельности в социальных сетях; акцентирование внимания на национальной компоненте («защита русских людей»); защита культурно-исторических памятников; борьба против иммиграции; привлечение молодежи к спорту и здоровому образу жизни. В некоторых организациях не афишируется членство, невозможно понять, кто является организатором, некоторые из них функционируют полулегально. Меняются адреса расположения сайтов, они часто блокируются или подвергаются хакерским атакам. Отличительной особенностью является предоставление фотоотчетов о проведенных акциях. Агрессивный образ «постоять за землю Русскую» дополняется языческими символами колдовства.

Но наряду с националистическими новообразованиями стало активно развиваться славянское неоязычество, представляющее собой совокупность групп, занимающих различное положение по отношению к социуму. Представители одного направления проповедают борьбу с христианством. Другие олицетворяют созидательное начало, пропагандируют и сохраняют духовное наследие предков. Среди них можно выделить природно-экологические (стараются сохранить гармонию с природой) и этнографически-игровые (реконструкция одежды, народного быта, славянских ратоборств, обрядов и др.). Точные данные о количестве неоязычников отсутствуют. Например, в Санкт-Петербурге существуют «Союз вenedов», «Схорон еж славен», «Солнцеворот» и др. Имеются и общероссийские объединения: «Тропа Троянова», «Национальный клуб древнерусских ратоборств» (последователи разработанной А. Беловым (Москва) славяно-горицкой борьбы) и др.

В Тюмени группа ВКонтакте «Славяне-Тюмень» насчитывает 223 участника, «Родноверы» – 139 человек, а «Русская община Тюмени» всего 50 участников сетевого сообщества. «Родноверы» позиционируют себя последователями исконно русской «религии», исповедовавшейся до христианства. В березовой роще на Высоком берегу реки Туры за Верхним Бором (11-й км Салаирского тракта) создано Городское Святилище ТурГрада, где проводятся обряды Сварога. Следует отметить, что общение неоязычников с представителями православия не всегда заканчивается мирно. Например, после конфликта, который случился по поводу строительства капища древнеславянского бога Перуна в районе парка «Оленьи ручьи» в Нижнесергинском районе Свердловской области между Русской православной церковью и неоязычниками (2018 г.), в отношении лидера «Схорон еж славен» Владимира Серги в Екатеринбурге завели уголовное дело.

Возникновение движений на славяно-религиозной основе можно объяснить, наряду с культурологическими факторами, социально-экономическими и социально-структурными условиями. Одной из причин, способствующих формированию молодежных неоязыческих славянских объединений, стала структурная напряженность как результат экономических кризисов последнего десятилетия, приведших к быстрым социальным изменениям и поляризации общества.

Свобода саморазвития и самоопределения предлагает личности практически неограниченную вариативность профессиональной и социальной самореализации, однако именно этот огромный жизненный выбор оптимален и достигает положительного результата лишь в том случае, когда внутриличностная методология принятия решений основывается на общечеловеческих ценностях и определенном общепринятом символизме. Таким образом, чтобы рационально использовать имеющуюся свободу, необходимо опираться на понятие «патриотизм», т. е. любовь к отечеству, преданность ему одновременно являются и целью, и средством достижения этой цели. Примерно так же, как и вера в бога, являющаяся завершенной системой целеполагания, патриотизм требует аксиоматического принятия базовых норм и принципов, но в то же время побуждает к их самостоятельной дефиниции. Насколько молодое поколение способно следовать иррациональным интуитивно осязаемым жизненным принципам – вопрос из числа концептуальных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский – М. : ТЕРРА – Книж. клуб, 2008. – 704 с.
2. Венелин, Ю. И. Истоки Руси и славянства / Ю. И. Венелин ; сост., предисл. и коммент. П. В. Тулаева ; отв. ред. О. А. Платонов. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2011. – 864 с.
3. Брычков, А. С. Менталитет российского общества / А. С. Бычков // Социально-психологические проблемы ментальности. Методологические и теоретические проблемы ментальности и менталитета : материалы 2-й Всерос. науч. конф. по проблеме ментальности и менталитета. – Смоленск : Изд-во СГПИ, 1996. – С. 10–15.
4. Геллнер, Э. Нации и национализм / Э. Геллнер // Б-ка Гумер. – Режим доступа: URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/gelln/01.php. –Дата обращения: 10.03.2019.

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ НРАВСТВЕННОСТИ

А. Ю. Савенко

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Беларусь

Мировые процессы в XXI в. будут определяться, прежде всего, переходом к информационному обществу, новой экономике, основанной на знаниях. Формирующееся в глобальном масштабе информационное общество является новым этапом развития

человеческой цивилизации с преобладанием знаний и информации, воздействием информационных технологий на все сферы жизни социума. В Республике Беларусь формирование информационного общества, обеспечивающего доступность информации, распространение и использование знаний для поступательного и прогрессивного развития, рассматривается как национальный приоритет и общегосударственная задача. Однако трансформация социума в информационное общество порождает новые риски, вызовы и угрозы, которые напрямую затрагивают вопросы обеспечения национальной безопасности. Согласно Концепции информационной безопасности Республики Беларусь одним из основных направлений обеспечения безопасности в информационном пространстве является необходимость в приоритетном порядке поддерживать сохранение в обществе традиционных социальных устоев и ценностей. Для повышения устойчивости нашего общества к деструктивным информационным воздействиям «необходимо сосредоточить усилия на сохранении сформированных в общественном сознании традиционных фундаментальных ценностей народа, выступающих в качестве одного из основных элементов обеспечения его единства и одним из условий неуклонного развития государства» [1]. Информационная политика нашего государства «нацеливается на продвижение таких жизненных приоритетов, как гуманизм, миролюбие, добрососедство, справедливость, взаимопомощь, крепкие семейные отношения, здоровый образ жизни, созидательный труд, принятые в белорусском обществе нормы морали и нравственности, позитивное правосознание» [1]. Вместе с тем процесс перехода на инновационный путь развития должен получить соответствующее ценностное обеспечение. Однако традиционная нравственность ориентирована на воспроизведение стереотипных образцов жизнедеятельности и не видит ценности нововведений. Получается, что инновационное развитие в нашей стране должно быть осуществлено традиционалистским обществом. Подобная задача не является уникальной, ибо большинство стран, «вступивших на путь «догоняющей модернизации», ставили целью перенять в первую очередь способность к осуществлению технических и технологических новшеств при сохранении культурной идентичности» [2, с. 350].

Анализ проблемы сохранения традиционных нравственных ценностей требует учета общих тенденций исторической эволюции нравственности. В качестве методологической основы рассмотрения закономерностей и перспектив исторического развития нравственности будем исходить из цивилизационного подхода к исследованию истории человечества. Такой подход может быть основан, в частности, на идее взаимодействия в человеческой истории двух полярно противоположных тенденций (динамической и статической) и двух сосуществующих и соперничающих друг с другом типов социума (техногенной цивилизации и традиционного общества). Очевидно, что в техногенной («западной») цивилизации в целом доминирует динамическая тенденция, а в традиционном обществе – статическая. Традиционное общество в ходе исторического процесса претерпело различные модификации (одна из них – общество советского типа), но в сущности своей оставалось неизменным. Отложившимся на уровне архетипов коллективного бессознательного лейтмотивом традиционного порядка является требование: «Будь как все, не высывайся!». Этот порядок ограничивает свободу как возможность реализации творческого потенциала личности, обеспечивая тем самым стабильность социума. Стабильность же является базисной ориентацией традиционного общества. Осознание людьми правил традиционного порядка нашло отражение в пословицах типа: «Всяк сверчок знай свой шесток»; «Попал в стаю, лай не лай, а хвостом виляй»; «Куда люди, туда и я»; «Работа – не волк, в лес не убежит»; «Бедность – не порок»; «Лишние деньги – лишние хлопоты»; «Обещанного три года ждут»; «Тише едешь, дальше будешь»; «С волками жить – по волчьему выть»; «Знай каток свой куток»; «Старожа лепш за варожу» и т. п. Такого рода пословицы олицетворяют традиционную

мораль. Что касается другого типа морали, то его олицетворяют пословицы типа: «Лень до добра не доводит»; «Доход не живет без хлопот»; «Всяк своему счастью кузнец»; «На чужой каравай рта не разевай»; «Стоячее болото гниет»; «Кто не рискует, тот не пьет шампанское»; «Волков бояться – в лес не ходить»; «Будь своему слову хозяин»; «Время – деньги»; «Волка ноги кормят»; «На Бога спадзьявайся, але й сам старайся»; «Гультая гані на работу не молатам, а голадам» и т. п.

Оба исторических типа морали находят опору на уровне индивида. Традиционная мораль, выражающая статическую тенденцию в жизни социума, опирается на стремление людей к самосохранению и покою. Другой исторический тип морали («цивилизационный») выражает динамическую тенденцию в жизни общества, связанную с потенциально присущим каждому человеку стремлением к самореализации, творчеству. Собственно наличие в человеке двух противоположных начал – пассивного, инертного и активного, творческого – отмечено многими исследователями (Ф. Ницше, З. Фрейдом, В. Парето и др.). На наш взгляд, соотношение творческого и инертного начал в человеке чаще всего определяется степенью влияния подавляющих его творческую инициативу традиций, норм и правил в обществе, в котором он живет.

Динамичное развитие техногенной цивилизации происходит за счет творческой инициативы раскрепощенных индивидов. В основе этого типа социума лежит спонтанно складывающийся «расширенный порядок человеческого сотрудничества», являющийся, по мнению Ф. Хайека, самой сложноорганизованной из известных нам структур. Основополагающими правилами этого порядка являются требования, касающиеся честности, обязательности, соблюдения заключенных договоров, уважения частной собственности, законопослушания, поощрения инициативы, предприимчивости, готовности к риску, опоры на свои собственные силы, практичности и т. п.

Следует отметить, что практически в любой реальной моральной системе, например в народной нравственности, издавна укоренившейся в том или ином обществе, есть элементы как традиционной, так и цивилизационной морали, вопрос в их соотношении. Поэтому для перехода к информационному обществу, инновационной экономике необходимо существенно усилить влияние отнюдь не чуждых нам элементов цивилизационного типа морали в народной нравственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://president.gov.by/uploads/documents/2019/1post.pdf>. – Дата доступа: 25.03.2019.
2. Беляева, Е. В. Инновации в обществе с традиционной нравственностью / Е. В. Беляева // Мировоззренческие и философско-методологические основания инновационного развития современного общества: Беларусь, регион, мир : материалы Междунар. науч. конф., г. Минск, 5–6 нояб. 2008 г. Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2008. – 540 с.

ДУАЛИСТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ КАК ОСОБЕННОСТЬ СЛАВЯНСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

В. Н. Яхно

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Беларусь

Менталитет – глубокое по содержанию понятие, обозначающее образ мышления, общую духовную настроенность, мировоззрение этноса, социальной группы или отдельного человека. Выявление особенностей ментальности этнической общности возможно в рамках анализа важнейших аксиологических позиций, долговременных стереотипов, навыков, традиций и латентных привычек, которые рассматриваются в определенных пространственно-временных границах и являются основой поведения и осознанного восприятия тех или иных явлений действительности. Парадигма воспри-

ятия и осмысления реальности, соответствующая определенному историческому этапу, состоит из множества часто антиномичных, дуалистических, противоречащих друг другу элементов, так как она формируется уже существующими на ментальном уровне обычаями, символами, суевериями, нормами поведения, надеждами, страхами и, конечно, материальными запросами людей. Ментальность отражает ту часть общественного и индивидуального сознания, где отсутствует логика, саморефлексия и рефлексия, а установки представляют собой неосознанно воспринятые идеи, общие в целом для той или иной эпохи, этнической или социальной группы.

Ментальность обусловлена коллективными представлениями, верованиями, мотивами и моделями поведения. У К. Г. Юнга это архаические «остатки», наличие которых не объясняется собственной жизнью индивида, а следует из первобытных врожденных и унаследованных «источников человеческого разума». Однако, в отличие от архетипа Юнга, ментальность всегда ограничена пространственно-временными и социокультурными рамками. Идеи психоаналитической школы К. Г. Юнга и интерес к анализу интуитивного, бессознательного, глубинное проникновение в тайны сознания, свободное исследование, не скованное строгостью логически непротиворечивой конструкции разума, ярко прослеживается в творчестве «философа большого стиля» Б. П. Вышеславцева.

Публицист, литературный критик и философ Вышеславцев всегда отличался активным интересом и восприятием всего нового. Он изучал психоанализ Фрейда, аналитическую психологию Юнга, теорию ценностей Макса Шелера. Философ был тесно связан с кругом Юнга, печатался в сборниках юнгианцев. Сам К. Г. Юнг восхищался его классической образованностью и называл ее «всевременностью души» русского человека.

Одна из ключевых тем религиозно-философской антропологии Б. П. Вышеславцева – анализ душевных и духовных установок, прежде всего ментальности и национального характера. «Характер, – пишет он, – имеет свой корень не в отчетливых идеях, не в содержании сознания, а скорее в бессознательных силах, в области подсознания» [1, с. 622]. И если «Фрейд думает», что бессознательное нашего духа «раскрывается в снах», то «сны народа – это его эпос, его сказки», его литература. Сказки народа «неумолимо правдивы», так как не выбирают самого красивого и благородного, как в поэзии, а раскрывают все стороны жизни: «прозаические, низменные, отвратительные и – возвышенно божественные». Следовательно, дуализм и максимализм русского характера, взаимное превращение крайних противоположностей, все позитивные и негативные черты – все это ярче всего проявляется именно в сказке, утверждает философ. В первую очередь Вышеславцев анализирует «основные страхи» русского народа, порождающие отрицательные черты характера. «Русская сказка показывает нам ясно, чего русский народ боится: он боится бедности, еще более боится труда, но всего более боится «горя» [1, с. 623]. Горе всегда «сидит в самом человеке», и чтобы прийти к спасению, нужно всегда дойти до конца (эту тему далее развивает Ф. М. Достоевский). Это не «внешняя судьба греков», связанная с заблуждением или незнанием, «горе» – это «собственная воля или, скорее, какое-то собственное безволие». Даже веселье русского человека незаметно переходит предел и становится источником «расточения» материальных и духовных сил, источником «горя».

С боязнью «горя» связан страх разбитой мечты, страх падения с небес, поэтому, считает Б. П. Вышеславцев, русская сказка так часто говорит об исканиях нового царства, лучшего места, стремления куда-то «за тридевять земель». Действительно, огромная территория России всегда создавала возможность для переселения и, следовательно, реальную возможность начать новую жизнь на новом месте, а не совершенствовать жизнь здесь и сейчас. Значит, мы найдем в русской сказке и самые заветные мечты рус-

ского идеализма, и самый «низменный житейский экономический материализм» – ведь это мечта о «новом царстве», где молочные реки и кисельные берега, а главное – там можно ничего не делать и лениться.

Ментальность, проявляясь в национальном характере, необычайно устойчива. Все колебания судьбы народа могут быть тщательно скрыты в официальной идеологии, но именно сказка, по мнению философа, все разоблачает: и «социальную вражду, и жажду социальной утопии». Потому в русской сказке повторяется постоянная тема о том, как мужик стал первым министром или самим царем.

Среди позитивных черт русского характера Б. П. Вышеславцев отмечает самокритичность, ироничность, умение смеяться над собой. Анализируя сущность русской души, «русской Психеи», он утверждает, что это душа, умеющая видеть красоту. Но эта мудрость и красота «в нашем русском мировоззрении понимается не в смысле абстрактных идей Платона, отрешенных и оторванных от мира, не в смысле вечно недостижимого идеала, а в смысле конкретной мудрости и красоты, воплощенной в космосе, в природе, в душе». Так, полагал он, проявляет себя русский Эрос: «вражда, раздор есть для нас не столько нарушение закона и долга, сколько нарушение космоса, красоты, любовной гармонии» [1, с. 637–638]. Русский Эрос жаждет беспредельного, а потому и сам беспределен, бесформен, стихийен, лишен граней, оттого в структуре русской души ведущее место отводится эмоциональным основаниям. Дисгармония жизни вызывает у русского человека отчаяние, он начинает все отрицать и разрушать в порыве нигилизма, поэтому задача русского человека – овладеть бессознательной, стихийной силой «нашего беспорядочного Эроса, найти центр», овладеть собой. В этом состоит моральная задача русского народа, считает Б. П. Вышеславцев.

Однако национализм в философии и в науке невозможен, но возможен «преимущественный интерес к различным традициям мысли у различных наций» [1, с. 7]. Этим обусловлен особый интерес философа к творчеству А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского. Вышеславцев Б. П. после «революционного извержения» пытался понять причины случившегося и «заглянуть» в будущее. Поэзия Пушкина, по его мнению, есть «поэзия свободы», знак и доказательство того, что потенциально русский человек свободнее западного. Поэтому у него он ищет светлые пророчества относительно будущего. Но «русская стихия», так глубоко освещенная и осмысленная Достоевским, не дает этой свободе выделиться в социально приемлемые формы, так как «русский человек боится сам себя». Поэтому у Достоевского он ищет ответ о причинах постигшей Россию катастрофы (революции). Философ пытается преодолеть крайности славянофильства и западничества и пророчесствует: спасти Россию может «лишь трезвый практицизм и реализм, порожденный русской стихией» [2, с. 174].

Анализирует проблему дуализма, «противоречивости русской души» и замечательный этнограф, литературовед, «позитивист и аналитик» А. Н. Веселовский. Ученый доказывает, что сходные мифологические мотивы и сюжеты у разных народов на одинаковых стадиях общественного развития возникали не только как заимствования, но и как самостоятельные явления, обозначая особенности их ментальности. Исследуя мифологию славян, он как поборник позитивизма особенно увлекается вопросами генезиса, эволюционными процессами и использует историко-сравнительный метод. Одним из первых он обращается к фольклору и активно изучает мифологические сюжеты. Этот богатый пласт культуры славянского этноса (русского, белорусского, украинского, польского, сербского, хорватского, болгарского и др.) он называет «первобытным синкретизмом». Эти мотивы, тропы, сюжеты позднее будут названы архетипическими.

В «Дуалистических поверьях о мироздании», «Народных представлениях славян» и других работах [3] Веселовский, используя метод сравнительной мифологии, создает подлинную энциклопедию духовной жизни славянского этноса. Его наблюдения и соб-

ранный им колоссальный материал демонстрируют «двойственность» ментальности славянских народов, и не только на примере дуалистических сюжетов о мироздании, но и на основе сказок и поэтических сказаний об особенностях судьбы. Это сложные «колеблющиеся» представления, объединившие разнородные элементы жизни и смерти, прирожденности и случайности, добра и зла, богатства и бедности, непререкаемости и свободной воли, доли (судьбы) или недоли, что столь ярко отразились в национальном характере многих славянских народов.

Таким образом, славянский этнос, с точки зрения философов Вышеславцева и Веселовского, обладает общим «умственным инструментарием», «психологической остротой», ментальностью, которая позволяет им по-своему воспринимать и осознавать свое природное и социальное окружение, а также самих себя, собственную судьбу. Изучение и понимание особенностей ментальности любой этнической общности или социальной группы чрезвычайно значимо, так как любые изменения в обществе зависят от «человеческого фактора», а следовательно, предполагают изменение (порой медленное и мучительное) ментальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вышеславцев, Б. П. Русский национальный характер / Б. П. Вышеславцев // Русский мир : сборник. – М., СПб., 2003.
2. Вышеславцев, Б. П. Вечное в русской философии / Б. П. Вышеславцев // Этика преображенного Эроса. – М. : 1994.
3. Веселовский, А. Народные представления славян / А. Веселовский. – М., 2006.

ГРАЖДАНСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ ПРОШЛЫХ ЛЕТ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Н. М. Звездкин

Военный комиссариат, г. Гомель, Беларусь

Феномены гражданственности и патриотизма неразрывно связаны со сферой социокультурных и духовных ценностей личности. Трансформация общественных структур и отношений естественным образом влечет за собой кризис старой системы ценностей и идеологием, а утверждение новых институциональных форм сопровождается ростом социальной потребности в обновленном, согласно духу происшедших перемен, содержании базовых ценностей.

Гражданственность и патриотизм относятся к ключевым духовно-нравственным качествам личности, задающим особую направленность ее самореализации и социального поведения [1, с. 127].

В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос социокультурной трансляции между поколениями. Процесс усвоения индивидом социального опыта, определенной системы знаний, норм, ценностей, образцов поведения, присущих определенной социальной группе и обществу в целом и позволяющих ему функционировать в качестве активного субъекта общественных отношений и деятельности, определяется как «социализация» [2, с. 208]. В научной литературе выделен ряд интегративных направлений процесса социализации, определяющих интериоризацию гражданских и патриотических ценностей, среди которых можно выделить следующие.

Политическая социализация – процесс в обществе, в ходе которого происходит приобретение и интериоризация политических норм, ценностей и убеждений; приобретение политической культуры. По мнению А. Н. Скалиной [3, с. 16], одним из результатов политической социализации личности является формирование гражданственности.

Патриотическая социализация – процесс усвоения каждым индивидом своей национальной культуры, истории, языка, традиций, обычаев, ценностей родных и бли-

жайшего окружения [4, с. 12]. В более обобщенном плане – это процесс стихийного и осознанного воздействия среды на личность, способствующий развитию ее патриотической культуры и патриотического мировоззрения в целом.

Идеологическая социализация – процесс приобщения индивида к идеологической культуре, его становление как участника идеологических отношений, идеологических процессов; это прежде всего усвоение, восприятие личностью относительно устойчивой артикулированной совокупности целей, идеалов [5, с. 28].

Гражданская социализация – сложный и многогранный процесс, включающий такие компоненты, как политический, экономический, морально-нравственный и патриотический [6, с. 6]. Также процесс гражданской социализации можно определить как усвоение человеком гражданских знаний, ценностей, норм, навыков и овладение социальными ролями, позволяющие ему осуществлять гражданскую деятельность и функционировать в качестве полноправного члена общества, патриота своей страны.

Таким образом, можно прийти к выводу, что теории социализации различаются подходом и способами к разрешению вопроса взаимосвязи индивидуального и общественного в становлении личности. При этом необходимо отметить, что в процессе реальной жизнедеятельности границы между теоретически обозначенными направлениями социализации личности достаточно условны, а сам процесс социализации носит комплексный характер.

Одним из ключевых факторов гражданской социализации молодого поколения является деятельность системы гражданского и патриотического воспитания.

В Республике Беларусь гражданское и патриотическое воспитание признано на государственном уровне основополагающим и системообразующим направлением воспитательной работы с молодежью, что отражено в ряде правовых актов: Кодексе Республики Беларусь об образовании, Законах Республики Беларусь «Об основах государственной молодежной политики», «О воинской обязанности и воинской службе», Концепции и Программе непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь и др.

Необходимо отметить, что фундаментом в формировании структуры гражданского и патриотического воспитания в Республике Беларусь стало наследие советской системы гражданско-патриотического воспитания, в которой основополагающая роль в работе с молодежью отводилась учреждениям образования (школе) и ВЛКСМ (в том числе пионерской организации), что обуславливалось однопартийной системой и единым идеологическим пространством.

Многие из институтов гражданской социализации молодежи из советской модели получили свое продолжение в современной Республике Беларусь. В качестве примера можно привести сегмент общественных организаций: общественное объединение «БРСМ» является правопреемником Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Беларуси; общественное объединение «БРПО» является преемником традиций всесоюзного пионерского движения; республиканское государственно-общественное объединение «ДОСААФ Республики Беларусь» является правопреемником ДОСААФ Белорусской Советской Социалистической Республики и Белорусского оборонного спортивно-технического общества и т. д.

Структура системы гражданского и патриотического воспитания на современном этапе сохранила многие черты советского образца, при этом на идейно-нравственном уровне аксиологический базис обеспечения системы пришел от идеологии коммунистической партии к государственной идеологии, а на организационном уровне – к современным институтам государственной власти, в том числе при широком вовлечении в данный вид деятельности общественных объединений и иных организаций, а также церкви, что было недопустимо в период советской власти. Также одной из ключевых

тенденций в процессах социализации современной молодежи является всевозрастающее влияние сетевых инфокоммуникационных технологий, способствующих перемещению среды социализации в виртуальное пространство.

Важно отметить, что преобразованиям подверглась не только система гражданско-патриотического воспитания молодежи, но и сама аксиосфера молодого поколения. Так, ряд современных исследователей полагают, что белорусы поколений Y и Z в большей мере, чем их предшественники, склонны к поведенческому прагматизму и индивидуализму.

По мнению Е. В. Беляевой [7], в общественном сознании нашего общества произошла переориентация интересов с общественных проблем на личные ценности, сужение социального горизонта до уровня ближайшего социального окружения, а жизненное пространство и сфера самовыражения личности ограничиваются микросредой, семейной группой, дружеским сообществом и, наконец, виртуальным сообществом, роль которого незаметно растет.

Профессор А. Н. Данилов [8, с. 134] считает, что нынешнему поколению студентов свойственна интерпретация базовых ценностей с ярко выраженной «прагматической составляющей жизненного успеха и претензией на личностную самореализацию», что, в свою очередь, требует от государственных институтов обеспечения соответствующих привлекательных условий, способствующих удовлетворению социальных притязаний нового поколения.

По мнению автора, данные положения нельзя трактовать линейно, как исключительно негативные социальные тенденции, по той причине, что каждое поколение имеет свои отличительные особенности, обусловленные вызовами времени и социокультурной средой его становления.

В связи с определенными изменениями в аксиосфере современной белорусской молодежи важным фактором повышения эффективности воспитательной работы является способность ее субъектов взаимодействовать и общаться с молодежью на «понятном ей языке» (в том числе в пространстве сетевых средств массовой коммуникации), для чего необходимо понимать истинную суть ее морально-нравственных ценностей, устремлений и социальных ожиданий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баркова, И. Н. Патриотизм как ценностный компонент духовно-нравственного воспитания личности / И. Н. Баркова, К. И. Барков // Изв. Моск. гос. техн. ун-та «МАМИ». – 2014. – Т. 5, № 1 (19). – С. 126–128.
2. Бабосов, Е. М. Общая социология : учеб. пособие / Е. М. Бабосов. – 4-е изд., перераб. и доп. – Минск : ТетраСистемс, 2010. – 608 с.
3. Скалина, А. Н. Гражданственность в современной России: сущность, структура, типология : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / А. Н. Скалина ; ГУО ВПО «Башкир. гос. ун-т». – Уфа, 2009. – 21 с.
4. Гащенко, Л. А. Методологические основания гражданско-патриотической социализации учащейся молодежи / Л. А. Гащенко // Весн. Віцеб. дзярж. ўн-та. – 2008. – № 4 (50). – С. 8–14.
5. Парубчик, И. О. Идеологическая социализация: роль в социальных процессах государства / И. О. Парубчик // Вестн. Поволж. акад. гос. службы. – 2013. – № 5 (38). – С. 24–31.
6. Красная, М. А. Особенности гражданской социализации молодежи в современном обществе : автореф. дис. ... канд. психолог. наук : 19.00.05 / М. А. Красная ; ФГБОУ ВО «Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова». – М. 2015. – 38 с.
7. Электронная библиотека УО «Белорусский государственный университет». – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/54085>. – Дата доступа: 28.03.2019.
8. Данилов, А. Н. Студенчество цифровых технологий: цифровые инварианты духовных практик / А. Н. Данилов, Ж. М. Грищенко, Т. В. Щелкова // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2018. – № 1. – С. 125–134.

БЕЛАРУСКАЯ РЭЛІГІЙНАЯ ІДЭНТЫЧНАСЦЬ: ПАСТАНОЎКА ПЫТАННЯ М. БАГДАНОВІЧАМ

В. А. Адзіночанка

Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны, Беларусь

Актуальнасць разважанняў аб праблеме рэлігійнай ідэнтычнасці абумоўлена характарам таго пераломнага этапу, на якім зараз знаходзіцца Беларусь. Змены маюць фундаментальны характар, у тым ліку і ў галіне ідэнтычнасці: раней мы былі часткай вялікай краіны, зараз жа зрабіліся незалежнай дзяржавай. Таксама змяніліся віды ідэнтычнасці: яна стала больш разнастайнай і ўзмацнілася талерантнасць да яе праяў. У прыватнасці, рэлігійныя людзі ўжо не успрымаюцца як адсталыя і фанатычныя. Рэлігійная ідэнтычнасць зрабілася адным з аспектаў грамадскай ідэнтычнасці.

Даследчыкі падкрэсліваюць, што ў сучаснай сітуацыі «этнічная салідарнасць і рэлігійнасць выяўляюць асаблівую значнасць культурнага фактару ў працэсах грамадскай і палітычнай кансалідацыі краіны. Рэлігія становіцца адным з маркераў этнічнай ідэнтычнасці, фактарам палітыкі і працэсаў фарміравання грамадзянскай супольнасці» [1, с. 136].

Працэсы, якія сёння адбываюцца ў нашым грамадстве, суадносяцца з пачаткам XX ст., калі жыў М. Багдановіч. У гэты час ідзе беларускае нацыянальнае адраджэнне, у цэнтры якога асэнсаванне сябе беларусамі як самастойнага народа.

Мы будзем абапірацца на наступнае азначэнне ідэнтычнасці: «Ідэнтычнасць (ад лат. *identificare* – атаясамліваць) – суаднесенасць чаго-небудзь («які мае быццё») з самім сабой у суладзі і бесперапыннасці уласнай зменлівасці» [2, с. 382].

Ідэнтычнасць заўсёды ўяўляе сабой праблему, для яе трэба намаганні. Таму мы лічым неістотным падзел ідэнтычнасцей на натуральныя і створаныя, які робяць некаторыя даследчыкі. Да першых адносяць этнічныя, расавыя, тэрытарыяльныя агульнасусветныя, да другіх – нацыянальныя, прафесійныя, рэлігійныя, класавыя ідэнтычнасці. Сцвярждаецца, што першыя, у адрозненне ад другіх, не патрабуюць намаганняў па сваёй падтрымцы.

Мы выходзім з таго, што ідэнтычнасць уяўляе сабой культурнае ўтварэнне і не з'яўляецца натуральнай. Нават палавая ідэнтычнасць мае культурнае паходжанне і залежыць ад успрымання мужчыны і жанчыны ў дадзены час. Кожная з ідэнтычнасцей утрымлівае ў сабе розныя ступені чалавечай актыўнасці. Сучаснае грамадства прапануе шэраг ідэнтычнасцей і магчымасць іх змены.

Для нас зараз існуе тры фундаментальныя мадэлі культурнай ідэнтычнасці: як разнавіднасці ўсходняга славянства, як часткі заходнееўрапейскай культуры і ў аспекце прамежкавага становішча паміж Расіяй і Еўропай. Адпаведна фарміруюцца розныя рэлігійныя ідэнтычнасці. У першым выпадку ў цэнтры ўвагі знаходзіцца праваслаўе, якое ў штодзеннай свядомасці ўспрымаецца як рэлігія ўсходніх славян, у другім значэнне надаецца свабодзе сумлення і рэлігійнаму плюралізму, у трэцім акцэнт робіцца на ўзаемадзеянне, з аднаго боку, праваслаўя, з другога – каталіцтва і пратэстанцтва, якія лічацца духоўнай асновай, адпаведна рускай і еўрапейскай культуры.

Трэба падкрэсліць гістарычную абумоўленасць характару праблемы ідэнтычнасці. Для М. Багдановіча актуальным было, па-першае, адрозненне беларусаў ад рускіх і палякаў і, па-другое, раздзяленне культурнай і рэлігійнай ідэнтычнасці.

Пазначаецца праблема фарміравання нацыянальнай свядомасці і ідэнтыфікацыі сябе як беларусаў: «Вакол усе кажуць: я – паляк, я – літвін, я – жыд. А мы нават імя свайго народа забыліся. Вось і адмаўляем: я – праваслаўны, я – каталік. Але ж гэта названне нашай веры, а не нашага народа. Каталікі часам спрабуюць звацца палякамі, бо вера ў іх тая ж. Але варта толькі пачуць польскую гаворку, каб пераканацца, што гэ-

та не такі народ, як мы. Другія, а надта праваслаўныя, называюць сябе рускімі. Але калі глянуць на рускіх з-пад Масквы або з-пад Кіева, дык шмат у чым пабачым розніцу між намі ды імі» [3, с. 126].

Такім чынам, Багдановіч падкрэслівае фундаментальны характар не рэлігійнай, а нацыянальнай ідэнтыфікацыі: «Ёсць паміж нас праваслаўныя, ёсць і каталікі, але народ з нас адзін, бо ўва ўсіх адна гаворка, адны звычаі, адны песні, адна вопратка, адзін лад жыцця» [3, с. 126]. Багдановіч настойвае, што «розніца ў веравызнаннях не расколвае беларускі народ на дзве непадобныя па культуры велічыні» [4, с. 91].

Падзел беларусаў па рэлігійным прыметам ў XIX ст. быў абумоўлены палітычнымі прычынамі, а менавіта палітыкай русіфікацыі і дэпаланізацыі: «выключна польскі выгляд касцела – з’ява ў нашым краі параўнальна нядаўняй фармацыі і прычым выкліканая нічым іншым, як «русіфікатарскімі» мерапрыемствамі ўрада» [5, с. 129]. Да гэтага ў праваслаўных і ўніяцкіх храмах шырока выкарыстоўвалася беларуская мова, на ей друкаваліся рэлігійныя тэксты.

Вялікае значэнне ў працэсе разбурэння нацыянальнай ідэнтычнасці беларусаў Багдановіч надае ліквідацыі ў 1839 г. уніі, «якая з’яўлялася ў краі нацыянальнай беларускай рэлігіяй і, адпаведна, нацыянальным цэментам» [6, с. 121].

Палітыка русіфікацыі ўзмацніла атаясамліванне каталіцтва з польскасцю. Таму, па меркаванні Багдановіча, ажыццяўленне праекта увядзення ў каталіцкае набажэнства рускай мовы замест польскай, як гэта планаваў у пачатку XX ст. расійскі ўрад, «будзе шэрай сялянскай масай зразумела як крок да замены каталіцтва праваслаўем» [5, с. 131].

Багдановіч робіць націск на негатыўную ідэнтычнасць, каб падкрэсліць адрозненне беларусаў ад рускіх і палякаў, бо ў пачатку XX ст. была рэальная пагроза разбурэння беларусаў як нацыі. Выказваліся думкі, што «існуюць толькі няўдалыя спробы стварыць такую нацыю» [4, с. 90]. Прапанаваліся праекты падзяліць беларусаў: «два мільёны беларусаў-католікаў адлічыць да Польшы ў мэтах іх паланізацыі, астатнюю жа частку падвергнуць русіфікаванню, каб беларускі народ, так бы мовіць, «рассмактаўся» паміж дзвюма найбольш моцнымі суседнімі нацыямі» [4, с. 90].

Зараз актуальным з’яўляецца фарміраванне нашай культурнай традыцыі. Гэта патрабуе мэтанакіраваных дзеянняў, паколькі «намаганні гістарычнай свядомасці кампенсуюць небяспеку тэмпаральнага растварэння ідэнтычнасцей» [7, с. 97].

М. Багдановіч – адзін з класікаў нашай літаратуры і выдатны дзеяч беларускага нацыянальнага адраджэння. Прадуктыўна суаднесці ягоныя думкі з тымі праблемамі, якія існуюць зараз. Для рэлігійнай сітуацыі ў сучаснай Беларусі характэрна поліканфесійнасць. На 1 студзеня 2018 г. у краіне было зарэгістравана 3358 рэлігійных суполак, якія належаць да 25 накірункаў, сярод іх 1687 праваслаўных і 497 рымска-каталіцкіх. Згодна з заканадаўствам, праваслаўе і каталіцтва адыгралі значную ролю ў культурнай і дзяржаўнай традыцыі Беларусі.

Трэба ўлічваць, што зараз праблема фарміравання беларускай ідэнтычнасці мае іншы характар, чым гэта было ў пачатку XX ст., калі пісаў Багдановіч. На першы план выходзіць фарміраванне пазітыўнай ідэнтычнасці, гэта значыць, вызначэнне тых рысаў, якія ўласцівыя беларусам. Мы лічым, што яны не могуць быць зведзены да характарыстык менталітэту, такіх як талерантнасць, працавітасць і г. д., а выяўляюцца праз аналіз культуры і гістарычнай традыцыі.

Багдановіч рабіў націск на неабходнасці захавання народнай культуры і менавіта ў ей бачыў фундамент нацыянальнай ідэнтычнасці: «Не пакінем свае гаворкі, сваіх песень, сваіх звычаяў – свайго кроўнага, спрадвечнага, беларускага. Не адракомся, не забудзем, не кінем на глум; будзема шанаваць, бараніць, дзецям сваім аб тое запеваць» [3, с. 127].

Зараз асноўнай перадумовай фарміравання беларускай ідэнтычнасці з'яўляецца наяўнасць самастойнай дзяржавы. Актуальнымі робяцца дзве задачы: па-першае, асэнсаванне свайго адрознення ад блізкіх нам у культурным плане народаў, па-другое, вызначэнне сваіх рысаў. Падкрэслім, што ідэнтычнасць не з'яўляецца дадзенасцю, а фарміруецца, у тым ліку і праз намаганні дзеячоў культуры і даследчыкаў.

Як і ў часы Багдановіча, актуальнай з'яўляецца праблема нацыянальнага адзінства. Палітызацыя рэлігіі прыводзіць да разбуральных наступстваў, перш за ўсе для яе самой. Мы гэта бачым на прыкладзе ісламу, а таксама расійскага праваслаўя. У сучаснай Беларусі неабходна фарміраваць пачуцце дзяржаўнага і культурнага адзінства. Канфесійныя адрозненні не павінны быць нагодай для падзелу.

Трэба выходзіць з традыцыйнай поліканфесійнасці беларускай культуры і талерантнасці беларусаў. Бачным увасабленнем апошняй з'яўляецца знаходжанне ў цэнтры шмат якіх беларускіх гарадоў адначасова праваслаўнай царквы, каталіцкага касцела і іўдзейскай сінагогі. Безумоўна, калі іх не разбурылі ў гады атэістычных рэпрэсій.

Ва ўмовах сучаснай Беларусі націск трэба рабіць на міжрэлігійны дыялог. Менавіта праз яго будзе фарміравацца рэлігійная сітуацыя ў краіне.

Для нас зараз каштоўнымі з'яўляюцца пытанні, пастаўленыя ў пачатку ХХ ст. дзеячамі беларускага нацыянальнага адраджэння. Адказы на іх трэба даваць, выходзячы з сучасных умоў.

ЛІТАРАТУРА

1. Рыжова, С. В. Этноконфессиональная идентичность и формирование религиозных политических ориентаций / С. В. Рыжова // Социолог. исслед. – 2015. – № 10. – С. 136–144.
2. Абушенко, В. Л. Идентичность / В. Л. Абушенко // Всемир. энцикл. Философия / гл. ред. А. А. Грицанов. – М. : АСТ, Минск : Харвест, 2001. – С. 382–386.
3. Багдановіч, М. Хто мы такія? / М. Багдановіч // Поўны збор твораў : у 3 т. ; рэд. У. М. Конан. – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – Т. 3. – С. 126–127.
4. Багдановіч, М. О гуманизме и неосмотрительности / М. Багдановіч // Поўны збор твораў : у 3 т. ; рэд. У. М. Конан. – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – Т. 3. – С. 90–93.
5. Багдановіч М. На белорусские темы / М. Багдановіч // Поўны збор твораў: у 3 т. ; рэд. У. М. Конан. – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – Т. 3. – С. 128–134.
6. Багдановіч, М. Белорусы / М. Багдановіч // Поўны збор твораў : у 3 т. ; рэд. У. М. Конан. – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – Т. 3. – С. 119–125.
7. Люббе, Г. Историческая идентичность / Г. Люббе // Вопр. философии. – 1994. – № 4. – С. 94–107.

ПРАЗДНОВАНИЕ ДНЯ ЕДИНЕНИЯ НАРОДОВ В ПРИГРАНИЧНЫХ ОБЛАСТЯХ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

С. А. Приходько

Новозыбковский краеведческий музей, Россия

Дружбе народов в глобальном измерении посвящены многие публикации [1], [2], но не менее важным представляется приграничное сотрудничество.

Красный Камень, 2015 г. 2 апреля торжественные мероприятия прошли в Гомеле. Делегации братских стран встретились в Гомельской области, в поселке Красный Камень Добрушского района, который расположен на границе государств. Жителей Брянской области встречали хлебом-солью.

В Гомельском областном драматическом театре прошел праздничный концерт и открылась тематическая выставка декоративно-прикладного искусства. Брянскую область представили образцовый ансамбль танца «Грация» Дятьковской детской хореографической школы и мастера декоративно-прикладного искусства.

Параллельно 2 апреля в Брянске состоялся праздничный концерт с участием образцового хора мальчиков и юношей хорового отделения Светлогорской детской шко-

лы искусств из Гомельской области и сводного коллектива Брянской городской детской хоровой школы.

На следующий день торжества продолжились в Новозыбкове митингом у памятника воину-освободителю в сквере около Нижнего озера. О значимости белорусско-русской дружбы, особенно в приграничных городах, говорили ученики школ и взрослые жители Новозыбкова. Все они сошлись в одном: дружба народов ярче всего проявляется в подобных совместных культурных и памятных мероприятиях. Завершились торжества в актовом зале детской музыкальной школы. Для гостей из Беларуси был подготовлен большой праздничный концерт.

Гомель, 2016 г. В Гомеле отпраздновали юбилейный День единения народов Беларуси и России. В областном драматическом театре прошел торжественный концерт, посвященный этому событию, в котором принимали участие представители Брянской, Гомельской и Могилевской областей. Перед концертом делегаты приняли участие в конференции, на которой обсуждались вопросы сотрудничества регионов. Стоит отметить, что такие встречи стали ежегодными и традиционными между областями.

Новозыбков. В канун Дня единения народов Беларуси и России, который свыше 20 лет отмечают 2 апреля граждане братских государств, в центральной библиотеке Новозыбкова собралось много гостей на завершение декады «Белорусской литературы в Брянской области». Программа дня была насыщенной, работало пять площадок.

На абонементе в течение всего дня посетители могли ознакомиться с выставкой белорусской литературы «Литературная палитра Беларуси», посмотреть и послушать музыкальную кинопрограмму «Кино и музыка Беларуси».

Посетили Новозыбков в тот день и гости из Беларуси. Для них была организована экскурсия по городу. Они посетили городской краеведческий музей, в котором познакомились с историей Новозыбкова и района, и картинную галерею М. П. Нехайчика, расположенную в нескольких метрах от белорусского рынка.

В зале искусств центральной библиотеки прошла встреча с белорусскими музыкантами и поэтами «В созвучии дружбы и культуры». Барды любительского народного творческого объединения «Арт-кафе на Ирнинской» не впервые приехали на встречу из Гомеля. Коллектив под руководством Д. Нилова представил литературно-музыкальную программу на белорусском и русском языках в честь Дня единения двух народов. Экскурсии в Новозыбковском краеведческом музее для гомельской делегации неоднократно проводил историк С. А. Приходько.

В тот же день в зале искусств состоялась встреча-диалог учащихся лицейских классов Новозыбковского профессионально-педагогического колледжа с художником М. П. Нехайчиком, членом Союза художников Беларуси. Выставки его работ неоднократно проходили в Гомеле и Минске, Москве и Новозыбкове.

Климовский район, 2017 г. В Климовской центральной библиотеке прошла выставка «Россия и Беларусь: общая история, общая судьба». Читатели, посетившие 2 апреля выставку, могли познакомиться как с новой белорусской литературой, так и с произведениями авторов, снискавших славу в России – работами В. Быкова, Я. Колоса, Я. Купалы, И. Мележа и других классиков. Современная литература была представлена такими именами, как О. Ананьев и В. Гаврилович, О. Говар и Ю. Максименко. Все они ранее посещали Климовскую библиотеку и дарили свои книги с автографами. В библиотеке также прошла викторина «Что роднит народы Беларуси и России?». В этот день жители Климово могли слышать на площади радиогазету «Особый день в судьбе народов России и Беларуси», подготовленную сотрудниками библиотеки и Дома культуры.

В библиотеках Климовского района были организованы выставки литературы, презентации, уроки содружества и часы истории на темы: «Братство народов: Россия и Беларусь», «Две сестры – Беларусь и Россия», «Если мы едины – мы непобедимы» и «Сильны единством» [4].

Гомель, 2018 г. В Гомель отправились ведущие творческие коллективы Брянской области, белорусские артисты выступили в юго-западных районах нашего региона. Дню единения Беларуси и России был посвящен Международный фестиваль «Венок Дружбы», который прошел 2 апреля в Брянском государственном аграрном университете. В нем приняли участие студенты из 18 стран, в том числе из Республики Беларусь.

Гомель, 2019 г. 2 апреля в Гомельской областной универсальной библиотеке выступили коллектив «Арт-кафе на Иренинской» и бард Ю. Боровков из Стародуба. Также артисты выступили в Гомельском государственном аграрно-экономическом колледже.

Злынка. В Злынковский район накануне праздника прибыла делегация от Гомельского городского комитета и отделения Республиканского Фонда Мира во главе с заместителем председателя В. А. Восаревым. Много теплых слов звучало со сцены злынковского Дома культуры как со стороны белорусских друзей, так и от злынковчан. С приветственным словом перед собравшимися выступила заместитель главы администрации Злынковского района О. М. Гавриленко. Благополучия, добра и мира братским народам пожелал первый секретарь Гомельского городского комитета Белорусского республиканского союза молодежи С. Н. Светогор. Затем В. А. Восарев от имени председателя правления Гомельского областного отделения Белорусского Фонда Мира Т. И. Глушакова передал приветствие злынковским друзьям.

Председатель Злынковского Совета ветеранов Г. М. Кряжкова поздравила всех с замечательным праздником. В составе белорусской делегации находился ветеран Великой Отечественной войны А. И. Пименов, которой выступил с ответным словом.

Праздников не бывает без песни и пляски. Зажигательный концерт с участием гомельских артистов ансамбля «Жартауніцы» («Шутницы») под руководством Л. С. Руденок порадовал всех злынковчан, собравшихся в зале городского Дома культуры. Исполнялись различные наигрыши, напевы, белорусские и русские народные песни. Танцы лявониха (крутуха), различные польки и другое – все исполнялось под аккомпанемент баяна и гармони. Финальную песню концерта «Две сестры – Беларусь и Россия» и гомельчане, и злынковцы, которым подпевал зал, исполняли вместе. После мероприятия гости и хозяева праздника возложили цветы к Монументу Славы.

Для граждан Беларуси и России 2 апреля – День единения народов – не просто дата в календаре, а редкий праздник, наполненный для каждого из нас своим, личностным смыслом, праздник добрососедства и дружбы. День единения народов опирается на опыт прошлых поколений белорусов и россиян и в то же время устремлен в будущее, символизируя надежду, что наши народы никогда не разорвут своих братских уз. Дружба народов связана и с сохранением исторической памяти, и с экономическим развитием. Данную мысль разделяет каждый белорус и любой россиянин. Товарооборот между странами уверенно растет в особых условиях Евразийского экономического союза. В Новозыбков регулярно приезжают белорусские врачи и певцы, поэты и предприниматели, спортсмены и туристы, ученые и художники. Брянской и Гомельской областям необходимо наращивать взаимодействие ради благополучия жителей регионов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулатипов, Р. Г. На дружбе народов держится мир / Р. Г. Абдулатипов // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. – 2010. – № 2. – С. 8–20.
2. Жукова, П. И. Без учета прошлого нет ни настоящего, ни будущего / П. И. Жукова // Власть. – 2010. – № 10. – С. 141–142.
3. Полетаева, Т. М. День единения народов Беларуси и России – в библиотеках / Т. М. Полетаева // Авангард (Брян. обл., Климов. р-н). – 2017. – № 15. – С. 4.
4. Михайлова, Е. М. Наш общий праздник – День единения народов Беларуси и России / Е. М. Михайлова // Знамя (Брян. обл., г. Злынка). – 2019. – 2 апр. – Режим доступа: <http://zlynkaz-namyu.ru/society/2019/04/03/nash-obshhij-prazdnik-den-edineniya-narodov-belorussii-i-rossii>. – Дата обращения: 2 апр. 2019 г.

Научное издание

**Менталитет славян
и интеграционные процессы:
история, современность,
перспективы**

**Материалы XI Международной
научной конференции
Гомель, 23–24 мая 2019 года**

Ответственный за выпуск *Н. Г. Мансурова*

Редакторы: *Н. В. Гладкова, А. В. Власов, Т. Н. Мисюрова*

Компьютерная верстка: *Н. Б. Козловская, И. П. Минина*

Подписано в печать 20.05.19.

Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».

Ризография. Усл. печ. л. 19,99. Уч.-изд. л. 17,4.

Тираж 45 экз. Заказ № 363/18.

Издатель и полиграфическое исполнение
Гомельский государственный
технический университет имени П. О. Сухого.
Свидетельство о гос. регистрации в качестве издателя
печатных изданий за № 1/273 от 04.04.2014 г.
246746, г. Гомель, пр. Октября, 48